

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2019 г., том 26, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай залив-1)	5
Козликин М.Б. Культуросодержащий слой в карстовой полости: комплексные исследования на примере Денисовой пещеры.	11
Понкратова И.Ю. Тефрохронологический метод исследования стоянки Ушки V на Камчатке	17
Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Глиняная скульптура из кургана Кымсани на Корейском полуострове и аналогии в Японии	24
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Кыргызский боевой топор «ай-балта» из музея «Раритет» в Бишкеке	30

ЭТНОГРАФИЯ

Салмин А.К. Две курьезные версии о происхождении чувашского народа	35
Люцидарская А.А. Природные и ландшафтные границы как знаки рубежей территорий	40
Майничева А.Ю. Размещение православных храмов Тобольской епархии как знаковых культурных сооружений поселений. Конец XIX – начало XX в.	45
Тюкалова У.В. Старообрядцы бассейна реки Верхняя Сыда (Минусинская котловина)	49
Федоров Р.Ю. Трансформации традиционной культуры и адаптационные процессы у белорусских крестьян-переселенцев Манского района Красноярского края (по материалам полевых исследований)	53
Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Современные репродуктивные установки бурятского населения Иволгинского района Республики Бурятия: по материалам полевых исследований	57

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Чуркин М.К. Институт имперских экспертов в колонизации Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.): факторы становления и эволюции.	63
Тимошенко А.И. Арктика и Северный морской путь в экономическом развитии Сибири (1920–1980-е гг.).	70
Исаев В.И. Формы и каналы снабжения городского населения Сибири товарами повседневного спроса в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.)	76
Мирошниченко М.И. Новые способы родовспоможения на Урале как фактор снижения материнской смертности (1927–1935 гг.)	83
Беленко М.П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны.	88
Романов Р.Е. Герои сибирского тыла: становление побудительной стратегии социально-трудовой коммуникации (июнь 1941 – март 1942 г.)	93

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конов А.А. Строительство железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 гг.	99
Воронцова Е.А. «Российская архивная энциклопедия»: постановка вопроса	105
Егорова С.Л. Из истории освоения северных территорий России в первой половине XX в. Рец. на кн.: А.А. Бровина, Л.П. Рощевская, Т.П. Филиппова, С.А. Симакова. Документальные свидетельства об освоении северных территорий России в первой половине XX века. Сыктывкар, 2018. 240 с.	110
Куперштох Н.А. Историко-культурные основания проекта «Академгородок 2.0». Рец. на кн.: Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и культурно-историческое наследие / Н.Н. Покровский, Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 162 с.	112
Куперштох Н.А., Шелегина О.Н. Рец. на кн.: И.А. Крайнева. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 386 с.	114
Терентьев В.И. Итоговое исследование по истории и этнографии Горной Шории. Рец. на кн.: Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.; цв. вкл. 24 с.	116
Побережников И.В., Кузнецов В.Н. Уральский сибиряк	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 28.06.19. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 129.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2019, vol. 26, N 2

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle palaeolithic investigations in the Western Precaspian region (on materials of Darvagchai-zaliv-1 site) . . .	5
Kozlikin M.B. An occupation layer from a karst cavity: an integrated case study of Denisova Cave	11
Ponkratova I.Yu. Tephrochronological method of investigation of Ushki v site in Kamchatka	17
Gnezdilova I.S., Nesterkina A.L., Solovyeva E.A. Clay figurines of the Geumsan-ni burialon Korean Peninsula and analogs in Japan. . .	24
Hudiyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. The Kyrgyz Battle-axe “Ai-balta” from the museum “Rarity” in Bishkek	30

ETHNOGRAPHY

Salmin A.K. Two curious versions of the origin of the Chuvash people	35
Lutsidarskaya A.A. Natural and landscape borders as signs of the territories’ frontiers.	40
Mainicheva A.Y. Placement of orthodox churches of the tobolsk diocese as a sign of cult constructions. End of XIX-beginning of XX century	45
Tyukalova U.V. Old Believers of the Upper Syda River (Minusinsk Hollow).	49
Fedorov R.Yu. Transformations of traditional culture and adaptation processes at the Belarusian peasants-migrants of Mansky district of Krasnoyarsk Krai (on materials of field researches)	53
Lydenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Modern reproductive settings of the Buryatian population of Ivolskiy region of the Republic of Buryatia: on materials of field research	57

NATIONAL HISTORY

Churkin M.K. The institution of imperial experts in the colonization of West Siberia and the Steppe Krai (the second half of the XIX – early XX centuries): factors of formation and evolution	63
Timoshenko A.I. The Arctic and Northern Sea Route in economic development of Siberia (1920–1980s)	70
Isaev V.I. Forms and channels to supply the urban population of Siberia with everyday goods during the first five-year periods (1928–1937)	76
Miroshnichenko M.I. New ways of obstetric aid in the Urals as a factor in reducing maternal mortality (1927–1935)	83
Belenko M.P. Sources on the number of civilians evacuated to Western Siberia during the Great Patriotic war	88
Romanov R.E. Heroes of the siberian rear: becoming an incentive strategy of socio-labor communications (june 1941 – march 1942) . .	93

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Konov A.A. Construction of new railways in the Urals and West Siberia in 1956–1991.	99
Vorontsova E.A. “Russian Archival Encyclopedia”: formulation of a problem	105
Yegorova S.L. Pages of the history of studying the Arctic territories of Russia in the first half of the XX century. Rec. ad op.: A.A. Brovina, L.P. Roshchevskaya, T.P. Filippova, S.A. Simakova. Documentary evidence of Russia northern territories development in the first half of the XX century. Syktyvkar, 2018. 240 p.	110
Kupershtokh N.A. Historical and Cultural Foundations of the Project “Akademgorodok 2.0”. Rec. ad op.: A sightseeing “Novosibirsk Akademgorodok”: scientific and cultural-historical heritage / N.N. Pokrovsky, G.M. Zaporozhchenko, O.N. Shelegina ; Novosibirsk State Univ. Novosibirsk, 2018. 162 p.	112
Kupershtokh N.A., Shelegina O.N. Rec. ad op.: I.A. Kraineva. Scientific heritage of Soviet scientists in the electronic archives of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Master. Preacher. Leader. Novosibirsk, 2018. 386 p.	114
Terent’ev V.I. The final study on the history and ethnography of Gornaya Shoriya. Rec. ad op.: Kimeev V.M., Kopytov A.I. Gornaya Shoriya: history and modernity. Historical and ethnographic essays: a monograph. Kemerovo: Primula, 2018. 600 p.; 24 p. of color tabs.	116
Poberezhnikov I.V., Kuznetsov V.N. A Ural Siberian.	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190201
УДК 902/904

А.Г. РЫБАЛКО, А.В. КАНДЫБА

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ ЗАЛИВ-1)*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

В статье приводятся результаты исследований среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай залив-1. Показано, что время существования древнего человека в данном регионе на основе естественнонаучных данных определяется периодом росс-вюрмского межледниковья и предположительно соотносится с эпизодом Блейк. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Имеющиеся данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую, сезонную, кратковременную стоянку-мастерскую. Данный комплекс демонстрирует культурно-хронологическую близость каменным индустриям пещерных комплексов южной части Центрального Кавказа, а также некоторым памятникам Северо-Восточного Кавказа. Вместе с тем существенные особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, средний палеолит, росс-вюрм, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа.

A.G. RYBALKO, A.V. KANDYBA

MIDDLE PALAEOLITHIC INVESTIGATIONS IN THE WESTERN PRECASPIAN REGION (ON MATERIALS OF DARVAGCHAI-ZALIV-1 SITE)

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying the process of the modern human formation at the Eurasian ecumene has always been relevant during all periods of the Stone Age history research. The article contains results of recent studies of a Mid Palaeolithic complex of Darvagchai-Zaliv-1 site, materials of which are crucial for understanding the development of this vast cultural-chronological range for the northeast Caucasus. In 2012-2014, Darvagchai-Zaliv-1 site excavations were carried out in the upper terraced ledge slope, where the monument is situated. Lithological paleosol studies including archaeological materials allowed us to include this complex in the general regional paleogeographic picture. The chronological period of the ancient man living in the region

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-09-00006а «Комплексное исследование палеолитических культур Приморского Дагестана: технологии, хронология, адаптации и культурные связи».

Александр Викторович Кандыба – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: arhkandyba@gmail.com.

Андрей Геннадьевич Рыбалко – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru.

Alexander V. Kandyba – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Andrey G. Rybalko – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

is determined by the Riss-Wurm interglacial oxygen-isotope stage 5e. The stone industry is characterized with Levallois technology of knapping and tools typical of Mid Palaeolith. The presence of focal spots accompanied with the archaeological material dispersion over wide area indicate multiple visits by ancient man to the third Caspian terrace. Based on the available data, the authors conclude that, despite a significant number of well-known mid-Palaeolithic sites in the Caucasus and a large technical and typological diversity within their groups, direct analogies among them with the Middle Palaeolithic materials of the Gedzhukh reservoir valley are currently not possible to trace. This may be due to incomplete representation of Dagestan industries, as well as to cultural diversity that existed at that time in the region, which does not exclude the possibility of the original Mid Palaeolithic culture's presence in this territory.

Key words: Caucasus, Dagestan, Middle Palaeolithic, Riss-Wurm, stone tools, primary knapping, Levallois technology.

Территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Основные археологические материалы этого времени происходили преимущественно из горных районов Азербайджана и позволяли осветить лишь отдельные этапы развития древней культуры.

Начало исследованию палеолита в Дагестане было положено в 1939 г., когда М.З. Паничкина в Кайтагском районе (окрестности с. Геджух) обнаружила серию отщепов и пластин архаичного облика, отнесенных ею к палеолитическому времени [1]. Дальнейшие изучение региона происходило в 1950–1960-е гг., что связано с работами экспедиции под руководством В.Г. Котовича. В ходе археологических изысканий, проводившихся как в горных, так и в прибрежных районах республики, было обнаружено более 30 местонахождений и стоянок, относящихся к различным периодам каменного века. Большинство выявленных объектов представляли собой открытые местонахождения, материалы которых находились в переотложенном состоянии и залегали непосредственно на современной поверхности [2].

Новый этап исследования начался в 2003 г., когда совместными экспедициями Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН в юго-восточной части Дагестана в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было обнаружено более 20 памятников палеолита. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает огромный период от нижнего до начала верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейшей культур на территории Западного Прикаспия.

Наиболее интересным из них является памятник Дарвагчай залив-1, на котором обнаружено несколько разновременных культурно-хронологических комплексов эпохи палеолита.

Стоянка Дарвагчай залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН – во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район, Республика Дагестан). Памятник (координаты: 42°07'36.7» с. ш., 048°01'51.2» в. д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 150–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет

около 40 м. В нижней части террасы, на высоте 11–14 м, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного органогенного известняка (ракушняк), переходящая далее в структурный уступ высотой до 4–5 м. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, которая представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока она ограждена Каспийским морем, с запада – известковыми хребтами мелового возраста, а в орографическом плане подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст (700–450 тыс. л.н.).

В 2009 г. на памятнике Дарвагчай залив-1 проводились полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. Анализ полученных в ходе раскопочных работ разрезов и геологическое описание района позволили выделить три большие пачки разновозрастных отложений.

Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские отложения в виде слоистых глин и алевроитов акчагыльского возраста ($N_2^3_{ak}$), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками и монолитными пластинами ракушняк-известняка.

Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями глинистого крупнозернистого песка и темно-коричневой глины. Обломки отличаются разной степенью окатанности, их ориентировка относительно четкая, субгоризонтальная. Слабая отсортированность и разная степень окатанности обломочного материала, наличие разнообразного рыхлого заполнителя позволяют говорить о пролювиально-делювиальном генезисе этих отложений. Образование данной пачки отложений, видимо, происходило с несколькими стратиграфическими перерывами. Приблизительная мощность данной толщи, установленная по нивелировочным отметкам, составляет 15 м.

Последний, самый верхний, пласт представлен субэральными покровными отложениями. Процесс седиментации завершился здесь после образования современного рельефа местности. Мощность данной толщи в районе памятника составляет 7–10 м.

Стационарные раскопки на памятнике проводились с 2010 по 2017 г. включительно. В общей слож-

ности на разных гипсометрических уровнях террасы (которые соответствуют культурно-хронологическим комплексам стоянки) было заложено четыре раскопа. Наиболее интересный комплекс находок, представленный изделиями среднего палеолита и локализованный в верхней части террасовидного уступа, изучался в 2012–2014 гг. Раскоп общей площадью 87 м², был заложен непосредственно на пашне, на участке, продолжающем линию шурфов 2009 г. в северо-восточном направлении (раскоп 2).

Стратиграфия данного археологического комплекса стоянки Дарвагчай залив-1 представлена субэральными покровными отложениями в виде разнообразных супесей и суглинков. Генезис отложений биогенный и эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. В процессе исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3,5 м от дневной поверхности и разделена на пять литологических подразделений.

Археологические материалы данного комплекса находок связаны со слоем 3 (палеопочва), в котором обнаружена немногочисленная, но выразительная коллекция каменных артефактов. Слой занимает четкую стратиграфическую позицию. Кровля слоя относительно ровная, имеет небольшой наклон в западном направлении, контакт с нижележащим горизонтом из-за трещин рассыхания размытый, неровный. Формирование данного литологического горизонта представляется довольно длительным процессом, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов.

Анализ планиграфии каменных изделий наряду с данными стратиграфии показывает, что артефакты залегают *in situ* и претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Об этом свидетельствуют горизонтальная или близкая таковой ориентация практически всех находок и их согласное залегание относительно вмещающего геологического тела. Артефакты образуют небольшие по плоскостному простираанию изолированные скопления, в которых фиксируется незначительный вертикальный разброс каменных изделий, при этом в пределах таких «пятен» встречаются апплицирующиеся предметы. Каменная индустрия слоя 3 достаточно монотонна, условия залегания артефактов позволяют предполагать относительно небольшой временной интервал между их накоплением. В связи с этим вся археологическая коллекция будет анализироваться в совокупности, поскольку данные находки относятся к единому культурно-хронологическому интервалу.

В слое, содержащем культурные остатки, присутствуют многочисленные разрозненные угольки и примазки древесного угля, сконцентрированные преимущественно в нижней части. Кроме того, в нижней трети культурного горизонта зафиксированы следы двух кострищ, разнесенных относительно друг друга как пространственно, так и гипсометрически.

Основная часть каменных изделий изготовлена из окремненного, опесчаненного известняка, реже

использовался кремний. Оба вида сырья встречаются в обнажениях в виде галек, желваков и плитчатых обломков в непосредственной близости от памятника. При этом кремнистый известняк представляет собой плотную и достаточно твердую метаморфическую породу серого цвета, хорошо поддающуюся расщеплению и обработке, хотя и уступающей по твердости кремню. Кремний темно-серого, почти черного цвета, данное сырье плохого качества, трещиноватое, не дающее правильного раковистого излома при скалывании.

Археологическая коллекция из слоя 3 насчитывает 409 артефактов. Представлены следующие категории каменных изделий: гальки – 4 экз.; нуклеидные формы – 38; пластины – 6; отщепы – 277; технические сколы – 6; обломки и осколки – 67; чешуйки – 11 экз.

Первичное расщепление индустрии состоит из 24 нуклеусов, 7 фрагментов ядрищ и 7 нуклеидных обломков. Среди типологически выраженных ядрищ основная часть (19 экз.) относится к леваллуазской системе расщепления и направлена на производство отщепов (рис. 1, 1–6). Нуклеусы параллельного принципа расщепления делятся на одноплощадочные монофронтальные (3 экз.), двухплощадочный монофронтальный и двухплощадочный бифронтальный.

Первичное расщепление данной индустрии демонстрирует абсолютное преобладание леваллуазской техники, простая параллельная система скалывания, видимо, использовалась преимущественно при апробации сырья. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками, судя по всему, являлись массивные широкие отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами и являлись сопутствующими нецелевыми продуктами расщепления. Подавляющее большинство сколов не имеет на дорсалах желвачной корки, что косвенно свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ вне раскопанного участка стоянки, это также подтверждается статистическими данными (высокая доля нуклеусов относительно отходов производства). Вероятнее всего, начальная стадия первичного расщепления (оформление пренуклеусов) происходила непосредственно на месте выходов сырья (естественные обнажения и пляжи), на некотором удалении от территории памятника. Основными категориями остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Наряду с большим количеством истощенных ядрищ этот факт может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно, получение целевых заготовок (сколы леваллуа) как непосредственно с уже подготовленных нуклеусов, так и после их последовательного оформления или переоформления.

Изделий со следами вторичной обработки в коллекции насчитывается 24 экз., кроме них в орудийный набор входят 2 леваллуазских отщепа, 3 отбойника (рис. 2, 1) и ретушер.

Орудийный набор коллекции немногочисленный и не отличается разнообразием, однако, в нем присутствуют единичные яркие предметы, такие как ле-

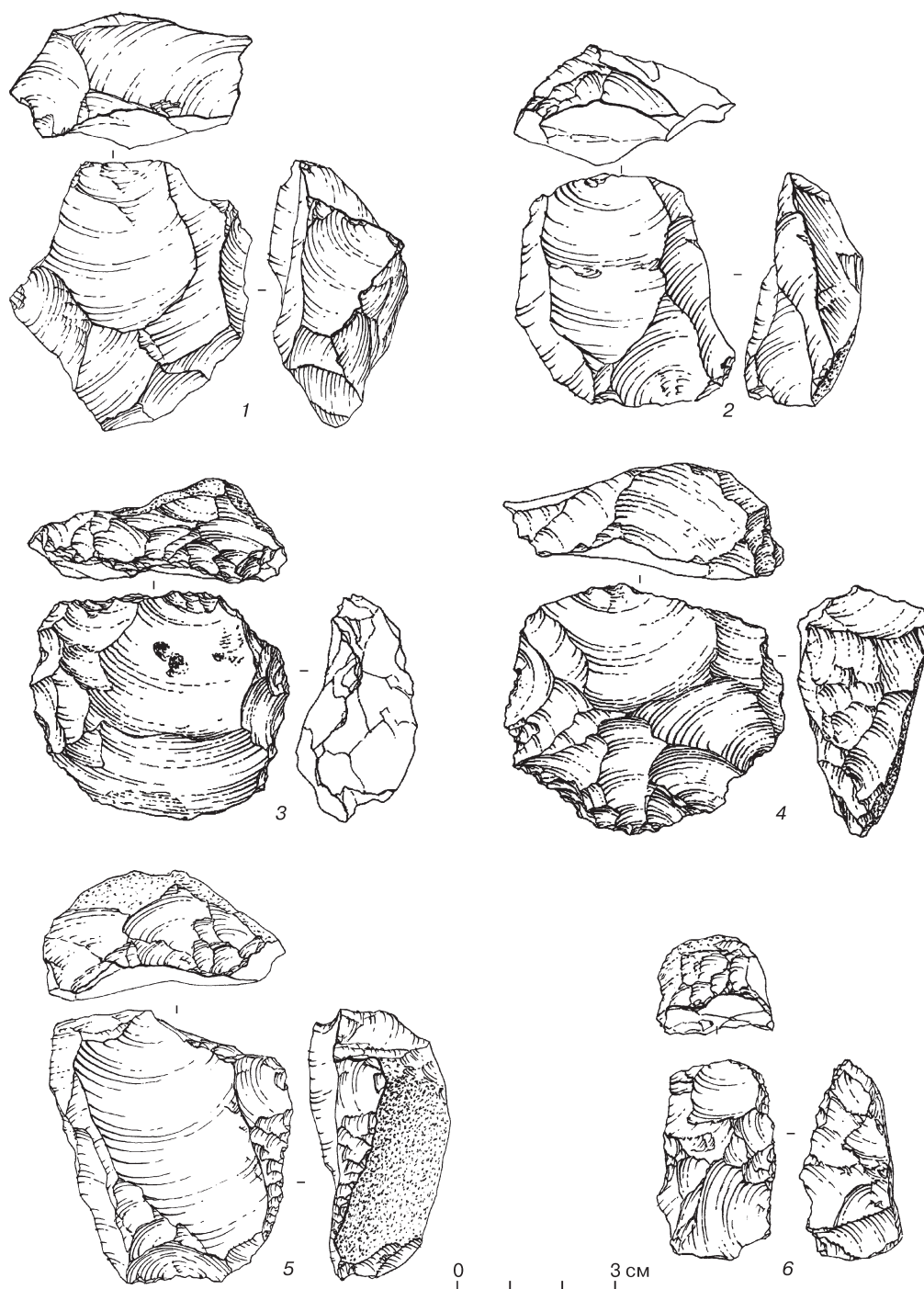

Рис. 1. Леваллуазские нуклеусы (1–6) среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай залив-1

валлуазские сколы с ретушью (рис. 2, 2), мустьерский остроконечник (рис. 2, 3), угловатое скребло (рис. 2, 4), шиповидное орудие (рис. 2, 5) и нож-скребло (рис. 2, 7). Основными категориями изделий являются выемчатые формы с ретушированными анкошами (рис. 2, 6) (31 %) и сколы и обломки с ретушью (рис. 2, 8) (34 %).

Имеющиеся данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую сезонную кратковре-

менную стоянку-мастерскую. Здесь осуществлялось производство, связанное в первую очередь с массовым изготовлением серий заготовок (сколы леваллуа), предназначенных для последующего оформления сложных орудийных форм. Такая интерпретация памятника хорошо согласуется со следующими фактами: большое количество сильно сработанных нуклеусов; низкий процент типологически выраженных орудий и их функциональ-

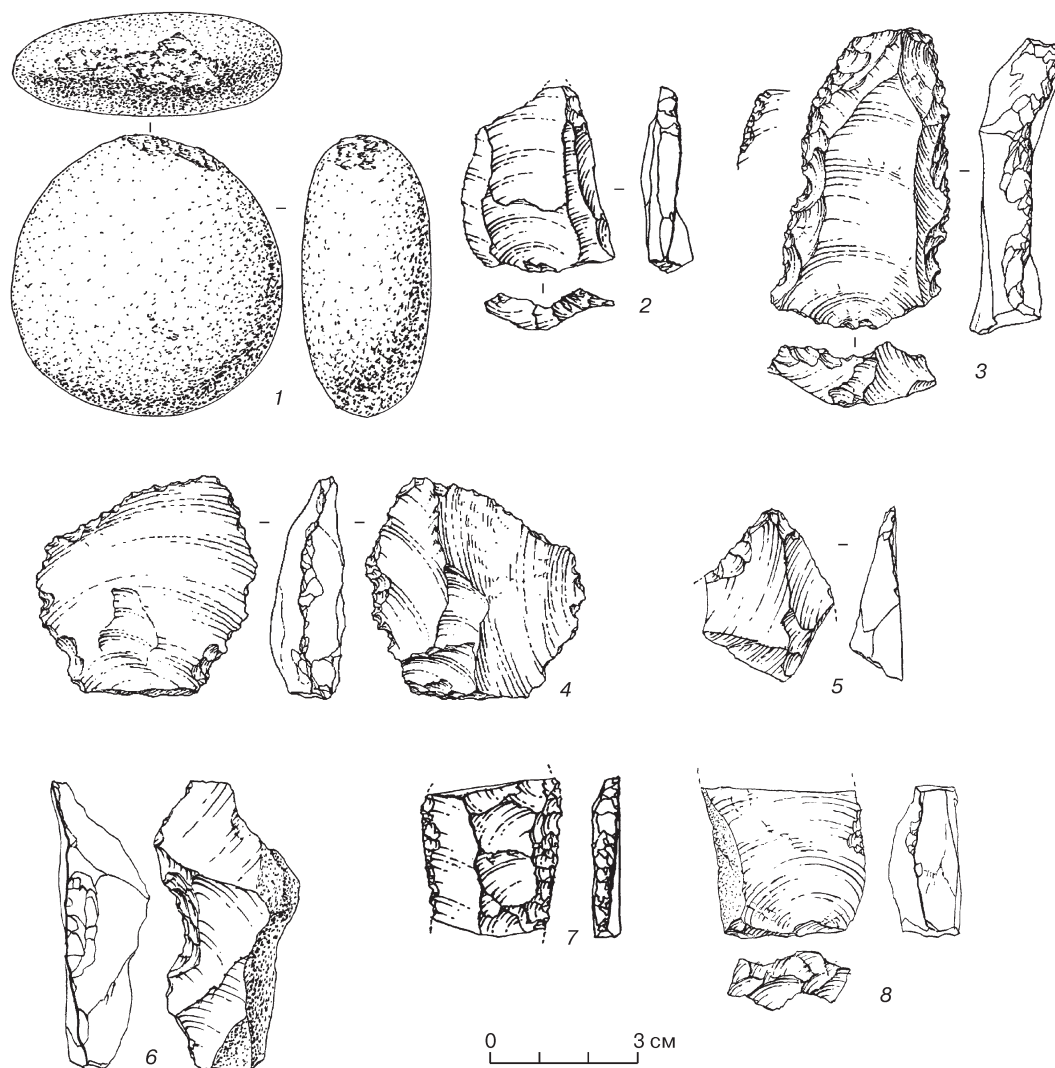

Рис. 2. Каменный инвентарь среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1:

1 – отбойник; 2 – леваллуазский отщеп; 3 – мустьерский остроконечник; 4 – скребло; 5 – шиповидное орудие; 6 – выемчатое орудие; 7 – комбинированное орудие; 8 – отщеп с ретушью.

ное однообразие; преобладание в орудийном наборе невыразительных сколов с ретушью. Еще одна характерная особенность стоянки заключается в том, что подавляющее большинство леваллуазских сколов и все тщательно подготовленные орудия (остроконечники, скребла), сломаны или представлены в виде фрагментов. В то же время следует отметить наличие единичных тщательно оформленных экземпляров – целых орудий, обнаруженных в районе местонахождения в ходе подъемных сборов. Отсюда можно сделать вывод, что все пригодные заготовки и хорошо подготовленные изделия уносились со стоянки. Данное заключение хорошо согласуется с планиграфическими данными: небольшим количеством артефактов в пределах зон концентрации находок; локализацией нескольких «пятен» в одном месте, но на разных высотных уровнях; насыщенностью отложений мелкими частицами древесного угля и на-

личием нескольких очажных пятен без следов каких-либо конструкций.

Анализ материалов данного археологического комплекса позволяет утверждать, что по технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют развитому этапу среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав нуклеидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм, очень большой процент выемчатых орудий и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы.

Такому определению не противоречат и вероятные хронологические рамки индустрии. Учитывая гипсометрические отметки памятника и наличие в основании террасовидного уступа, где локализован объект, ракушняков, по геологической шкале имеющих

бакинский возраст, и принимая во внимание облик индустрии, можно определить временной диапазон ее существования – начало верхнего неоплейстоцена. Образование столь мощного почвенного горизонта (до 1,5 м) должно быть связано с очень теплыми и одновременно влажными условиями, которые были характерны для рисс-вюрмского межледникового. В 2014 г. на местонахождении проводились палеомагнитные исследования, которые позволили существенно уточнить возраст культурного слоя стоянки. Для этого в северо-западном углу раскопа был заложен шурф 1,5 × 1,5 м, максимальная глубина вскрытых отложений составила 8 м. Из западной стенки шурфа в интервале 150–790 см были отобраны образцы в количестве 76 экз. Для всех образцов в лаборатории Палеомагнитного центра ИНГГ СО РАН был выполнен комплекс петромагнитных и палеомагнитных исследований [3]. В слое палеопочвы был зафиксирован разброс обратных направлений остаточной намагниченности; это позволило сделать заключение, что формирование слоя 3 происходило во время палеомагнитной эпохи Брюнес, наиболее вероятно – в эпизод Блейк. Таким образом, общая информация, полученная методами естественных наук, позволяет предполагать, что археологический материал, зафиксированный в слое 3, накапливался в хронологическом интервале 110–125 тыс. лет (MIS 5 d,e).

На территории Кавказа наиболее близки данному хронологическому периоду памятники, образующие кударско-джрочульскую группу пещерных стоянок, локализованную в южной части региона. К этому временному диапазону относятся и древнейшие слои пещеры Мыштулагты лагат. Общими чертами для этих индустрий является наличие леваллуазской технологии расщепления для получения пластинчатых заготовок, а также большое количество удлиненных остроконечников на пластинах и продольных скребел. Присутствуют такие типы орудий, как лимасы, ножи и зубчатые орудия.

Исследователи соотносят кударско-джрочульскую группу с левантийским мустье типа Табун D [4]. В то же время древнейшие комплексы пещеры Мыштулагты лагат сопоставляются с индустриями мустьерских слоев памятников цхинвальской группы [5]. Хронологически близки изучаемому среднепалеолитическому комплексу памятника Дарвагчай залив–1 и нижние слои пещеры Матузка. Первичное расщепление здесь демонстрирует параллельную систему расщепления, фасетированные и точечные площадки единичны. Типологический ряд представлен различными модификациями скребел и зубчатых орудий. Отличительной чертой комплексов является наличие позднеашельских бифасиальных изделий, что позволяет предполагать более древний возраст индустрии [6]. Еще большие отличия от материалов стоянки Дарвагчай залив–1 демонстрируют хронологически более поздние фации среднего палеолита, такие как восточный микок Северо-Восточного Кавказа, мустье загросского и цуцхватского типов. Определенное сходство в морфологии ле-

валлуазских нуклеусов и таких категориях находок, как мустьерские остроконечники и ретушированные леваллуазские сколы, прослеживается с материалами слоя 3 пещеры Азых [7]. Однако некоторые исследователи оспаривают наличие в мустьерской индустрии Азыха как ашельских, так и позднемустьерских компонентов, предполагая в ней некоторую примесь в результате объединения трех литологических подразделений [6].

Необходимо отметить, что в культурно-хронологической шкале палеолита Дагестана не имеется прямой аналогий данному археологическому комплексу – как в самом Дарвагчайском геологическом районе, так и в комплексе стратифицированных стоянок р. Рубас. Вместе с тем эта индустрия хорошо согласуется с общей шкалой развития древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа, демонстрируя все черты развитого среднего палеолита весьма специфичного регионального облика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Круглов А. П.* Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Л., 1940. Вып. 5. С. 65–69.
2. *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала: Даг. фил. Ин-та ист., яз. и лит. АН СССР, 1964. 226 с.
3. *Казанский А. Ю.* Новые данные по обоснованию возраста среднепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив–1 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 78–81.
4. *Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя преистория Кавказа. СПб: Петербургское востоковедение, 2006. 108 с.
5. *Гиджрати Н. И.* К изучению каменного века северных склонов Центрального Кавказа // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, [б. и.], 1990. С. 32–34.
6. *Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Левковская Г. М., Лозовой С. П., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Романова Г. П., Харитонов В. М.* Пещера Матузка. СПб: Островитянин, 2003. 194 с.
7. *Гусейнов М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку: «Тек-Нур», 2010. 247 с.

REFERENCES

1. *Kruglov A.P.* Archeological works in the northern Caucasus. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii mirovoy kul'tury*. Leningrad, 1940, iss. 5, pp 65–69. (In Russ.)
2. *Kotovitch V.G.* The Stone Age in Dagestan. Makhachkala, Dag. Filial Inst. ist., yaz. i lit. AN SSSR, 1964, 226 p. (In Russ.)
3. *Kazanskiy A.Yu.* New data to justify the age of the Middle Paleolithic complex Darvagchai-Zaliv–1 (southeast Dagestan). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2015, vol. 21, pp. 78–81. (In Russ.)
4. *Lyubin V.P., Belyaeva E.V.* The early prehistory of the Caucasus. Saint Petersburg, *Peterburg, Vostokovedenie*, 2006, 108 p. (In Russ.)
5. *Gidzhirati N.I.* Studying the Stone Age of the Central Caucasus northern slopes. *Paleolit Kavkaza i sopredel'nykh territoriy*. Tbilisi, 1990, pp. 32–34. (In Russ.)
6. *Golovanova L.V., Doronichev V.B., Levkovskaya G.M., Lozovoy S.P., Nesmeyanov S.A., Pospelova G.A., Romanova G.P., Kharitonov V.M.* Matuzka Cave. Saint Petersburg, *Ostrovityanin*, 2003, 194 p. (In Russ.)
7. *Guseinov M.* Ancient Paleolithic of Azerbaijan. Baku, *TekNur*, 2010, 247 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190202
УДК 903.32

М.Б. КОЗЛИКИН

КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИЙ СЛОЙ В КАРСТОВОЙ ПОЛОСТИ: КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Наиболее информативными объектами для изучения археологических культур эпохи палеолита являются пещерные стоянки. В большинстве случаев археологические пещеры представляют собой многослойные памятники. Изучение разрезов пещерных осадков и распределения в нем археологических материалов требует учета множества факторов. Ярким примером комплексного подхода к изучению таких объектов может быть Денисова пещера на Алтае. При исследовании стоянки применялись современные методы археологии, стратиграфии, литологии, палеонтологии, геохронологии и других смежных дисциплин, что позволило провести корреляцию археологических материалов разных участков пещеры и создать культурно-хронологическую схему изменения палеолитических комплексов Денисовой пещеры. Благодаря такому подходу многометровая толща отложений пещеры, содержащая культурные остатки от раннего среднего палеолита до этнографического времени, стала в настоящее время опорным разрезом для изучения древнейшей истории на территории Северной и Центральной Азии.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, палеолит, литология, стратиграфия, палеонтология, геохронология, комплексный подход.

M.B. KOZLIKIN

AN OCCUPATION LAYER FROM A KARST CAVITY: AN INTEGRATED CASE STUDY OF DENISOVA CAVE

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Cave sites provide the most comprehensive insights into Paleolithic culture and environmental contexts of early human occupation. Archaeological caves are often recognized as stratified sites. A section structure in cave sediments as well as distribution of associated archaeological evidence depend on many different factors. The results of research carried out at stratified Paleolithic sites in the Altai Mountains, a key region for studying prehistory of North Eurasia, can be considered a prominent example of an integrated approach to investigate culture-bearing cave deposits. The most important findings have been obtained from examination of Paleolithic sites located in the Northwest Altai. Amongst them Denisova Cave is the most intensively studied archaeological locality. The investigation of loose sediments at the site involved a wide range of modern research techniques developed for archaeology, stratigraphy, lithology, paleontology, geochronology and other related disciplines. Thanks to such complex approach, a long sequence of sediments from Denisova Cave, containing cultural evidence spanning from the Middle Paleolithic to the Late Middle Ages, has now become a key section to study prehistory of the region. The cave deposits discussed in this paper represent a complex multi-component geological body, which contains evidence for human occupation. Each studied site in the cave reveals its own characteristic lithologic and stratigraphic sequence formed depending on the morphology of isolated cavities and their location in the karst system. Many sedimentation features change considerably starting from the cave entrance up to its far reaches. The chronological sequence of deposits in the cave sections has been made based on a dataset resulted from lithological and biostratigraphic studies, as well as absolute dating and paleomagnetic analysis of the Pleistocene deposits. The integrated research of stone tool industries, supported by geochronological evidence, has made it possible to correlate archaeological data recorded in different parts of the cave and to develop a cultural and chronological pattern showing changes that occurred in the Paleolithic assemblages of Denisova Cave.

Key words: Altai Mountains, Denisova cave, Pleistocene, Paleolithic, lithology, stratigraphy, paleontology, geochronology, integrated study.

Максим Борисович Козликин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: kmb777@yandex.ru

Maxim B. Kozlikin – Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Пещерные стоянки являются одними из наиболее информативных объектов для изучения культуры палеолитического человека и окружающей его природной среды. Как правило, археологические пещеры представляют собой многослойные памятники. Строение разреза пещерных осадков и распределение в нем археологических материалов зависят от множества различных факторов [1, с. 72–74; 2, с. 207–210]. Зачастую артефакты или иные следы антропогенной деятельности включены во всю толщу отложений, заполняющих карстовую полость. При этом видимые признаки перерывов в накоплении археологических материалов могут отсутствовать. Незначительная скорость осадконакопления способствует слиянию многочисленных горизонтов обитания.

Усложняют стратиграфическую картину чередование и взаимное проникновение осадков различных генетических типов, процессы фациального замещения и, как следствие этого, быстрая смена вертикальной и горизонтальной слоистости. Седиментация на отдельных участках пещеры напрямую связана с формой и размерами полости, ее расположением в карстовой системе. Особенности отмечены и в заполнении устьевой и внутренней частей пещер. Существенное влияние на пещерное осадконакопление оказывают сезонные и долговременные изменения количества осадков. Большие объемы поступающей воды обуславливают увлажнение и переувлажнение полостей, размыв или смыв части отложений, привнесение терригенного материала. В перегляциальной обстановке происходит угасание седиментации. Все эти факторы в совокупности приводят к несогласию напластований и выпадению отдельных литологических и культурных горизонтов.

Постседиментационные изменения отложений во многом обусловлены биогенными факторами (деятельность человека, пещерных хищников, землеройных животных, биодеградация органики и проч.). Нарушения последовательности осадков под воздействием атмосферных и грунтовых явлений в большей степени характерны для привходовых и приустьевых частей пещер. Геохимическое преобразование осадков также связано с температурно-влажностным режимом карстовых полостей, газовым составом заполняющего воздуха. На залегание пещерного заполнителя и сохранность самих полостей значительное влияние оказывают и неотектонические подвижки.

Одним из ярких примеров комплексного подхода к исследованию культуросодержащих пещерных отложений являются результаты работ на многослойных палеолитических объектах Горного Алтая – опорного района при изучении древнейшей истории северной части Евразии. Разнообразие и полнота археологических и естественнонаучных материалов из плейстоценовых толщ многослойных стоянок предоставляют возможность установить основные закономерности заселения региона человеком в палеолите и проследить динамику каменных индустрий на этой территории.

Наиболее важные результаты были получены при изучении палеолитических памятников, расположенных на северо-западе Алтая. Здесь на относительно небольшом расстоянии друг от друга находятся пещеры Денисова, Каминная, Искра, Окладникова, Чагырская, Страшная и стоянки открытого типа Усть-Каракол-1 и 2, Ануй-1–3 и Карама. Многолетние комплексные исследования этих объектов позволили реконструировать развитие культур палеолитического человека и условия среды его обитания на протяжении последних 800 тыс. лет.

Денисова пещера отличается наиболее высокой степенью изученности. При исследовании рыхлых осадков – многометровой толщи отложений стоянки был применен целый комплекс современных методов археологии, стратиграфии, литологии, палеонтологии, геохронологии и других смежных дисциплин, благодаря чему стоянка стала опорным разрезом для изучения древнейшей истории региона.

Пещера расположена в низкогорно-среднегорной зоне Северо-Западного Алтая, в бассейне верхнего течения р. Ануй. Полость приурочена к правому борту долины. Левый борт опирается на склоны горы Каракол (1315 м – здесь и далее: над ур. м.), правый борт – на склоны горы Сосновая (1112 м). Ширина днища долины в этом месте составляет около 120 м. Абсолютная отметка уреза воды 662 м [3].

Карстовая полость Денисовой пещеры выработана в крупном блоке силурийских биогермных мраморизованных крупнозернистых известняков. Вход в пещеру расположен в уступе отвесной стены юго-западной экспозиции на высоте около 30 м над современным урезом реки. Пещера состоит из системы коротких субгоризонтальных галерей различных размеров, которые сообщаются через центральный зал. Он представляет собой обширную сводовую камеру размерами в плане 11 × 9 м и высотой около 10 м. Одна из галерей длиной 9 м и шириной от 1 до 4,5 м тянется от центрального зала в юго-западном направлении, открываясь на предвходовую площадку. Две узкие темные галереи, южная и восточная, уходят в юго-восточном направлении вглубь карстового массива, где полностью перекрываются рыхлыми отложениями [3].

Как археологический объект Денисова пещера открыта в 1977 г. Н.Д. Оводовым [4]. Стационарные работы на памятнике начались в 1982 г. В полевых сезонах 1982–1998, 2016 гг. исследовались голоценовые и плейстоценовые отложения центрального зала и предвходовой площадки [1; 2; 5]. В 1999–2003, 2017 и 2018 гг. были изучены рыхлые отложения в устьевой зоне южной галереи [6; 7]. С 2004 по 2016 г. проводились раскопки в восточной галерее [8; 9].

В качестве основной стратиграфической единицы в процессе изучения разрезов плейстоценовых отложений Денисовой пещеры принят литологический слой. В самостоятельные литологические слои выделялись осадки, различные по цвету, оттенку, гранулометрическому и геохимическому составу, плотности, наличию характерных включений, новообразований, текстурно-

структурных особенностей, следов биогенной деятельности [3, с. 16]. При необходимости более дробного деления используются термины «горизонт» и «уровень».

Для каждого изученного участка пещеры характерна своя литолого-стратиграфическая последовательность, обусловленная морфологией отдельных полостей и их положением в карстовой системе. Многие характеристики осадков значительно меняются по мере движения от входа в пещеру к ее дальним пределам.

На предвходовой площадке в плейстоценовой толще, мощностью до 8,5 м, выделено 15 основных литологических подразделений (слои 1–15), образующих три крупные пачки [3, с. 137–141]. Верхняя пачка (слои 1–4) сформирована грубообломочными глыбово-щебнистыми отложениями гравитационного происхождения. Средняя пачка (слои 5–10) состоит из переслаивающихся суглинистых и щебнисто-древянистых осадков коричнево-серых и коричнево-желтых тонов. Нижняя пачка (слои 11–15) образована чередующимися прослоями песков, суглинков и глин, преимущественно желтоватых тонов.

Осадконакопление на предвходовой площадке обусловлено одновременным поступлением вещества из внутренних полостей пещеры и двух сухоходных распадков по обе стороны от входа и непосредственно с крутого склона долины над входом в пещеру. На ранних этапах развития долины не исключено накопление материала аллювиального генезиса [3, с. 137].

В колонке плейстоценовых отложений центрального зала, представляющего собой обширную сводовую камеру, выделено 14 основных стратиграфических подразделений [3, с. 68–80], которые также формируют три пачки. Верхняя пачка включает легкосуглинистые осадки слоя 9 (вместе с вышележащими осадками голоцена). Средняя пачка (слои 10–21) сложена линзовидно-слоистыми пестроцветными суглинками, обильно насыщенными щебнисто-древянистым материалом. Нижняя пачка представлена тяжелыми охристо-палевыми суглинками слоя 22 (горизонты 22.1–22.3).

В геологической летописи устьевой зоны южной галереи отсутствуют слои 13, 15–18, имеющие локальное распространение в раскопе центрального зала. Слои 9–12, 14, 19–22 по предварительной оценке соответствуют аналогичным подразделениям центрального зала [6].

Иная стратиграфическая ситуация зафиксирована в восточной галерее – наиболее удаленной от капельной линии полости. Восточная галерея представляет собой разработанную карстовыми процессами узкую субвертикальную расщелину [10]. В плейстоценовой толще галереи выделено 14 литологических подразделений (9, 11.1–17.2), формирующих три пачки, разделенные хорошо выраженными перерывами в осадконакоплении. Верхняя пачка представлена осадками слоя 9, который состоит из нескольких генераций, различающихся по цвету заполнителя. Средняя пачка (слои 11.1–16) содержит линзовидно-слоистый глыбово-щебнистый материал с пестроцветным легко-

суглинистым заполнителем. Нижняя пачка включает отложения стратиграфических горизонтов слоя 17, представляющие собой суглинистый и тяжелосуглинистый осадки охристо-желтого цвета с включениями известнякового щебня, глыб и выщелоченных натечных образований. Генетически толща слоя 17 – это перетолженный материал, характерный для закрытых карстовых полостей (пещерная «терра росса»). Накопление вещества слоя соответствует наиболее древнему этапу заполнения пещеры, когда полость была еще закрыта от внешних воздействий [10].

Одним из индикаторов условий формирования пещерных отложений является форма (удлиненность и уплощенность) обломочного материала, поступающего с коренных стен и свода карстовой полости [11]. Как правило, обломки удлиненной формы характеризуют холодные малоподвижные условия. Уплощенные обломки плитчатой формы типичны для подвижных холодных сред. Изометричные обломки чаще встречаются в относительно теплых сухих обстановках или в очень подвижных средах.

Однако применительно к пещерной обстановке реконструкция палеогеографических условий на основе анализа обломочного материала имеет определенные ограничения и трудности. Следует учитывать асинхронность образования осадочных толщ на разных участках, фациальную изменчивость осадков, постседиментационные нарушения, а также сглаженность суточных и годовых колебаний температур и влажности. Последний фактор обусловил возможность применения данного метода только к отложениям центрального зала – ближайшей полости к выходу из пещеры. Здесь внешние природно-климатические условия оказывали наибольшее влияние на формирование рыхлой толщи, в то время как уходящие вглубь известнякового массива восточная и южная галереи характеризуются относительной стабильностью температурно-влажностного режима [12].

По показателю уплощенности обломков слой 22 центрального зала четко отличается от вышележащей толщи отложений. В период его накопления преобладали относительно теплые и суховатые условия, а слои 21–9 – относительно прохладные и влажные.

В целом по разрезу характер осадконакопления менялся в разные по влажности климатические фазы. В периоды относительно сухого климата отмечено импульсивное поступление материала и его локализованное (мозаичное) накопление, которое сопровождалось образованием положительных аккумулятивных форм микрорельефа наподобие осыпных конусов. В относительно влажные периоды происходило выравнивание поверхности пола пещеры – вследствие как заполнения углублений поверхности пола, так и погружения гравитационно-некомпенсированных аккумулятивных тел в вязкопластичный грунт [3, с. 85].

Результаты морфометрического анализа обломочного материала в целом согласуются с палеоклиматическими характеристиками, полученными методами биостратиграфии. Подробная палинологическая лето-

пись составлена для отложений предвходовой площадки, центрального зала и восточной галереи пещеры.

По характеру распределения и изменению соотношения пыльцы и спор в разрезе центрального зала выделено несколько горизонтов, формировавшихся в разных природных обстановках [3]. Для спорово-пыльцевых спектров слоя 22 характерно преобладание пыльцы древесных пород, среди которых были распространены широколиственные виды. Эта часть разреза формировалась в условиях достаточно теплого и умеренно влажного климата. Осадки слоя 20 и нижней части слоя 19 соответствуют этапу теплого и относительно сухого климата. Верхняя часть слоя 19, слои 17 и 14 формировались после перерыва в осадконакоплении в условиях неустойчивой климатической обстановки при увеличении в составе лесов темнохвойных пород. Во время накопления слоев 13 и 12 происходила неоднократная перестройка растительных ассоциаций при чередовании холодного сухого, холодного, влажного и более сухого переходного климата. В период накопления слоя 11 в условиях относительно прохладного и влажного климата получили распространение темнохвойные леса и луговые сообщества. Во время формирования слоя 9 в долине Ануя происходила деградация лесной растительности, сопровождавшаяся увеличением площади нивальных и степных ассоциаций в холодной и сухой климатической обстановке.

Согласно данным спорово-пыльцевого анализа, в период накопления слоев 15–11 на предвходовой площадке пещеры, в долине Ануя были развиты смешанные лесные ассоциации с частыми вкраплениями широколиственных видов [3]. Характер палеоботанических показателей свидетельствует о теплых и умеренно влажных климатических условиях в эпоху накопления этой толщи. Слой 10 формировался в достаточно теплой, но более сухой, чем предшествующий период, климатической обстановке. Заметное сокращение лесных массивов фиксируют спорово-пыльцевые спектры слоя 9. Палинологическая характеристика отложений слоя 8 свидетельствует о неуклонном сокращении площади лесов на фоне общего ухудшения климатической обстановки. В период формирования слоя 7 произошло некоторое восстановление лесных формаций и значительное расширение площади разнотравных лугов в условиях относительно прохладного и влажного климата. В процессе накопления слоя 6 прослеживается значительное сокращение лесных и луговых ассоциаций в условиях холодного и сухого климата.

Палинологические спектры из слоев 17.2, 17.1 и, возможно, 16 в восточной галерее отражают холодные климатические условия, когда в окрестностях пещеры были развиты перигляциальные горно-тундровые и горно-лесотундровые ландшафты [13]. Слой 15 содержал единичные пыльцевые зерна. Накопление слоев 14 и 13 происходило в межледниковую эпоху в условиях значительно более теплого климата, чем современный. Формирование отложений слоя 12.3 и нижней части слоя 12.2 соответствует суровому кли-

мату периода ледникового ранга. Верхняя часть слоя 12.2, слой 12.1 и нижняя часть слоя 11.4 накапливались в межледниковом или межстадиальном климате. Верхняя часть слоя 11.4 и слой 11.3 формировались в период похолодания, сопровождавшегося исчезновением широколиственных древесных пород. В теплых межстадиальных климатических условиях происходило образование слоев 11.2 и 11.1. Для слоя 9 реконструированы фазы относительно холодного и сурового криоаридного климата.

Обязательная промывка всего извлеченного в процессе раскопок грунта в мелкоячеистых ситах позволила собрать большую коллекцию ископаемых остатков мелких млекопитающих, птиц, рыб и амфибий. Реконструкция природно-климатической обстановки в долине Ануя в конце среднего и в верхнем плейстоцене, выполненная на основе детального анализа состава микротириофауны из отложений пещеры, хорошо согласуется и дополняет результаты палинологических исследований [3].

Данные по литологии и биостратиграфии, результаты абсолютного датирования (ПТЛ, OSL, post-infrared IRSL, ¹⁴C AMS) и палеомагнитные исследования плейстоценовых отложений легли в основу геохронологии разрезов пещеры [14; 15]. Комплексное изучение каменных индустрий, подкрепленное геохронологическими данными, позволило выполнить корреляцию археологических материалов разных участков пещеры и создать культурно-хронологическую схему динамики палеолитических комплексов Денисовой пещеры.

Археологические материалы из верхней части слоя 22 в центральном зале и южной галерее связаны с первоначальным заселением пещеры во второй половине МИС 8 – начале МИС 7. Для индустрии ранней стадии среднего палеолита характерно радиальное, ортогональное или бессистемное раскалывание. Отдельными образцами представлены плоскостные параллельные и леваллуазские (для отщепов) ядрища. В наборе типологически значимых орудий преобладают скребла, зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия.

Артефакты из слоев 21 и 20 центрального, слоев 15 и 14 восточной галереи, слоя 21 южной галереи соотносятся с МИС 7. Эти индустрии характеризуются радиальным раскалыванием, различными типами зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел; обилием таких маркирующих изделий, как сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой.

Следующий этап среднего палеолита отражают археологические материалы из слоев 19–12 центрального зала, 13–11.3 восточной галереи, 20–12 южной галереи и слоев 10 и 9 на предвходовой площадке пещеры, осадки которых накапливались во время МИС 6–4. В наборах ядрищ в индустриях из этой части разреза распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для снятия отщепов и пластин.

Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В индустрии сколов здесь, по сравнению с предшествующими комплексами ранней стадии среднего палеолита, увеличивается доля удлиненных отщепов, появляются регулярные пластины. В орудийном наборе при преобладании различных типов скребел сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент. В небольшом количестве представлены леваллуазские остря. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и тронкированные сколы.

Ранний этап верхнего палеолита в пещере представлен находками из слоя 11 в центральном зале и южной галерее, слоев 11.2 и 11.1 восточной галереи и слоев 8 и 7 на предвходовой площадке, формирование которых происходило в период МИС 3. Технологию первичного расщепления в каменных индустриях этого времени характеризуют плоскостные ядрища параллельного и радиального принципов раскалывания. Присутствуют отдельные экземпляры подпризматических, торцовых и леваллуазских нуклеусов. В орудийном наборе отмечены яркие образцы скребков, резцов, долотовидных орудий, отличающихся хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией. Однако значительную роль в рассматриваемом комплексе по-прежнему играет среднепалеолитический компонент, представленный различными типами скребел. Каменную индустрию сопровождают разнообразные подвески, пронизки, бусины, кольца, изготовленные из зубов и костей животных, бивня мамонта и поделочного камня, с использованием таких технических приемов, как резание, скобление, сверление, шлифовка и полировка.

Дальнейшее развитие верхнепалеолитических комплексов отражают археологические материалы из слоя 9 в центральном зале, восточной и южной галереях и слоев 6 и 5 на предвходовой площадке. Процесс накопления этих отложений соответствует концу МИС 3 – первой половине МИС 2. В индустриях среднего этапа верхнего палеолита возрастает роль пластинчатого производства, появляются свидетельства использования микропластинчатой технологии. В орудийных наборах хорошо выражен верхнепалеолитический компонент, по-прежнему распространены скребла. Вместе с каменным инвентарем в центральном зале и на предвходовой площадке были обнаружены костяные орудия и украшения, изготовленные из органических материалов.

Режимы использования пещеры человеком в качестве стоянки на разных этапах палеолита могут быть реконструированы в результате комплексного изучения костных остатков крупных млекопитающих. На основе анализа фаунистических материалов из центрального зала установлено, что в период формирования слоя 22 пещера редко посещалась человеком, в основном она использовалась медведями в качестве берлоги [16]. На это указывает большое количество костных остатков медведя, в том числе молочных зу-

бов, и малочисленность артефактов. Во время формирования вышележащей толщи произошло увеличение площади луговых и степных биотопов, что привело к росту численности копытных, в связи с чем активизировались человек и пещерная гиена [17]. Вверх по разрезу возрастает плотность залегания каменных артефактов и количество костей гиены. Скорее всего, гиена обитала в пещере во время выведения потомства – в весенний и раннелетний сезоны. Для человека пещерное убежище наиболее необходимо в холодное время года [12]. Костный материал из Денисовой пещеры сильно раздроблен в процессе утилизации хищниками и человеком. Следы жизнедеятельности хищников зафиксированы в виде большого количества обломков костей с кислотной коррозией и погрызами. Кости, оставленные человеком, как правило, расколоты, имеют следы порезов и обжига. Планиграфические наблюдения за степенью раздробленности костного материала отражают интенсивность использования древними обитателями пещерного пространства [3].

Таким образом, рассмотренные пещерные отложения представляют собой сложное многокомпонентное геологическое тело, вмещающее следы деятельности человека, полноценная интерпретация которых невозможна без комплексного анализа контекста их залегания. Дальнейшее изучение плейстоценовых отложений на отдаленных от входа участках в глубине восточной и южной галерей позволит увеличить коллекцию археологических и палеонтологических материалов, дополнить информацию по истории формирования и заполнения карстовой полости, уточнить геологическую и археологическую летопись пещеры и региона в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.
2. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Ч. 1. 262 с.
3. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
4. Окладников А.П., Оводов Н.Д. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 266–268.
5. Ульянов В.А., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Шуньков М.В. Строение плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 169–172.
6. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Черников И.С., Колобова К.А. Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 112–116.
7. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 82–86.

8. Козликин М.Б. Палеолитические комплексы восточной галереи Денисовой пещеры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 28 с.

9. Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Стрoение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 157–160.

10. Ульянов В.А., Шуньков М.В. Некоторые особенности седиментогенеза в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 159–162.

11. Ульянов В.А. Опыт использования анализа морфометрических параметров обломочного материала при реконструкции палеогеографической обстановки в Денисовой пещере (Северо-Западный Алтай) // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 64–66.

12. Шуньков М.В., Агаджанян А.К. К оценке микроклимата Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 162–166.

13. Болыховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Фаустов С.С. Новые данные в палинологии уникального памятника палеолита Денисова пещера на северо-западе Алтая // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биологический. 2017. Т. 122, № 4. С. 46–60.

14. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565, N 7741. P. 594–599.

15. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565, N 7741. P. 640–644.

16. Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 42–49.

17. Агаджанян А.К., Деревянко А.П., Шуньков М.В. Проблемы взаимоотношений первобытного человека и природной среды на примере Северо-Западного Алтая // Эволюция биосферы и био-разнообразия. М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. С. 439–459.

REFERENCES

1. Derevyanko A.P., Markin S.V., Vasil'ev S.A. Paleolithic studies: introduction and basics. Novosibirsk, Nauka, 1994, 288 p. (In Russ.)

2. Derevyanko A.P., Molodin V.I. Denisova Cave. Novosibirsk, Nauka, 1994, pt. 1, 262 p. (In Russ.)

3. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Agadzhanian A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Uliyanov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoykin A.A. Paleoenvironment and Paleolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.)

4. Okladnikov A.P., Ovodov N.D. Paleolithic site in Denisova Cave in Altai. *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda*. Moscow, 1978, pp. 266–268. (In Russ.)

5. Uliyanov V.A., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Shu'nikov M.V. The structure of Pleistocene deposits in the Denisova Cave main chamber. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2016, vol. 22, pp. 169–172. (In Russ.)

6. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Uliyanov V.A., Chernikov I.S., Kolobova K.A. New results of the Middle Paleolithic complex investigation of Denisova Cave. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2003, vol. 9, pt. 1, pp. 112–116. (In Russ.)

7. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent data on the Middle and Upper Palaeolithic stone tool industries of Denisova Cave south chamber. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2018, vol. 24, pp. 82–86. (In Russ.)

8. Kozlikin M.B. Paleolithic complexes of Denisova Cave east chamber: diss. abstr. Novosibirsk, 2017, 28 p. (In Russ.)

9. Uliyanov V.A., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V. The structure of the Pleistocene sediment section in Denisova Cave east chamber (on excavation results of 2015). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2015, vol. 21, pp. 157–160. (In Russ.)

10. Uliyanov V.A., Shun'kov M.V. Some sedimentogenesis features of Denisova Cave east chamber. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2013, vol. 19, pp. 159–162. (In Russ.)

11. Uliyanov V.A. The experience of using the morphometric parameter analysis of debris material to reconstruct the paleogeographic situation in Denisova Cave (Northwest Altai). *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*. Tyumen, 1999, pp. 64–66. (In Russ.)

12. Shun'kov M.V., Agadzhanian A.K. On assessment of Denisova Cave climate. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2007, vol. 13, pp. 162–166. (In Russ.)

13. Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V., Uliyanov V.A., Faustov S.S. New palynological data from the unique Paleolithic site of Denisova Cave in Northwest Altai. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologicheskii*, 2017, vol. 122, no. 4, pp. 46–60. (In Russ.)

14. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Uliyanov V.A., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in Southern Siberia. *Nature*. 2019, vol. 565, no. 7741, pp. 594–599.

15. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565, no. 7741, pp. 640–644.

16. Baryshnikov G.F. Paleoeecology of the oldest inhabitants of the Altai Mountains. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 1998, vol. 1, pp. 42–49. (In Russ.)

17. Agadzhanian A.K., Derevyanko A.P., Shun'kov M.V. Problems of relations between ancient human and environment, a case of Northwest Altai. *Evol'yutsiya biosfery i bioraznoobraziya*. Moscow, 2006, pp. 439–459. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190203
УДК 902

И.Ю. ПОНКРАТОВА

ТЕФРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ УШКИ V НА КАМЧАТКЕ

Северо-Восточный государственный университет,
РФ, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 13

В результате применения тefрохронологического метода в почвенно-пирокластическом чехле стоянки Ушки V идентифицировано 12 слоев тefра, систематизированы данные об их возрасте, мощности, составе, минералах-индикаторах, уточнена стратиграфия объекта. Установлено, что территория исследования находилась в центре пеплопадов крупнейших катастрофических извержений вулканов, удаленных от места исследования от 30 до 630 км. Предложен сценарий реакций местного населения на катастрофические извержения вулканов, что позволило говорить о зависимости культурных процессов от вулканической активности на Камчатке в древности.

Ключевые слова: метод, тefра, тefрохронология, археология, Камчатка, ушковские стоянки, вулканы, извержения, катастрофы, сценарий, реакция населения.

I.YU. PONKRATOVA

TEPHROCHRONOLOGICAL METHOD OF INVESTIGATION OF USHKI V SITE IN KAMCHATKA

North-Eastern State University,
13 Portovaya str., Magadan, 685000, Russian Federation

About 40 major volcanic eruptions have occurred on the Kamchatka Peninsula over the last 10,000 ¹⁴C years, which led to ecological changes throughout the peninsula. In turn, restructuring the environment has changed lives of human beings who lived through these events.

A tephrochronological technique restores the history of volcanic deposits, which makes it possible to use it to specify the stratigraphy and chronology of archaeological sites; assume the reaction of inhabitants to volcanic activity in the region involving archaeological, ethnographic data.

Based on the research of the multilayer Ushki V site, it was established that the territory of the modern Big Ushki Lake and surrounding areas were in the center of ash falls of the biggest catastrophic volcanic eruptions situated 30 to 630 km away from the place. For example, the population of a culture layer V (Initial Neolithic, ¹⁴C 7,705±38 BP (KIA-35,662) has been affected by a catastrophic eruption of the volcano Hangar (6,900 BP).

The key episodes of volcanic activity were earthquakes, fires, devastating tsunamis, spreading eruptive clouds (ash falls) products, changes of relief, destruction and redistribution of biota, forming uninhabitable soil, etc. The population reacted to these phenomena by reducing sites and settlements, moving them to river banks, lake and sea coasts; this led to desolation of inhabited places during the period of 1,000 to 2,000 years. According to ethnographic data, volcanic eruptions and their consequences were reflected in omens, prognostications, faiths, and in granting anthropomorphic qualities to volcanoes. The fear and doom in the face of the forces of nature were in the basis of them all.

In the future, interpretation of the data obtained based on the tephrochronological method allows reconstructing the environment in time, to identify patterns of changes of human living conditions in certain periods. The author does not exclude, that the stages of settling Kamchatka, changes in technologies, and, possibly, in population were related to catastrophic eruptions.

Key words: method, tephra, tephrochronology, archaeology, Kamchatka, Ushki sites, volcanoes, eruption, disaster scenario, population response.

Ирина Юрьевна Понкратова – доцент, канд. ист. наук, Северо-Восточный государственный университет, e-mail: ponkratova1@yandex.ru.

Irina Yu. Ponkratova – Candidate of Historical Science, Docent, Senior Lecturer, North-Eastern State University.

Полуостров Камчатка – регион с высокой вулканической активностью и опасными природными событиями, которые неоднократно приводили к изменениям природной среды на огромных территориях в масштабах всего полуострова (см., напр.: [1]). Перестройка природной среды в свою очередь изменяла жизнедеятельность современного этим событиям человека.

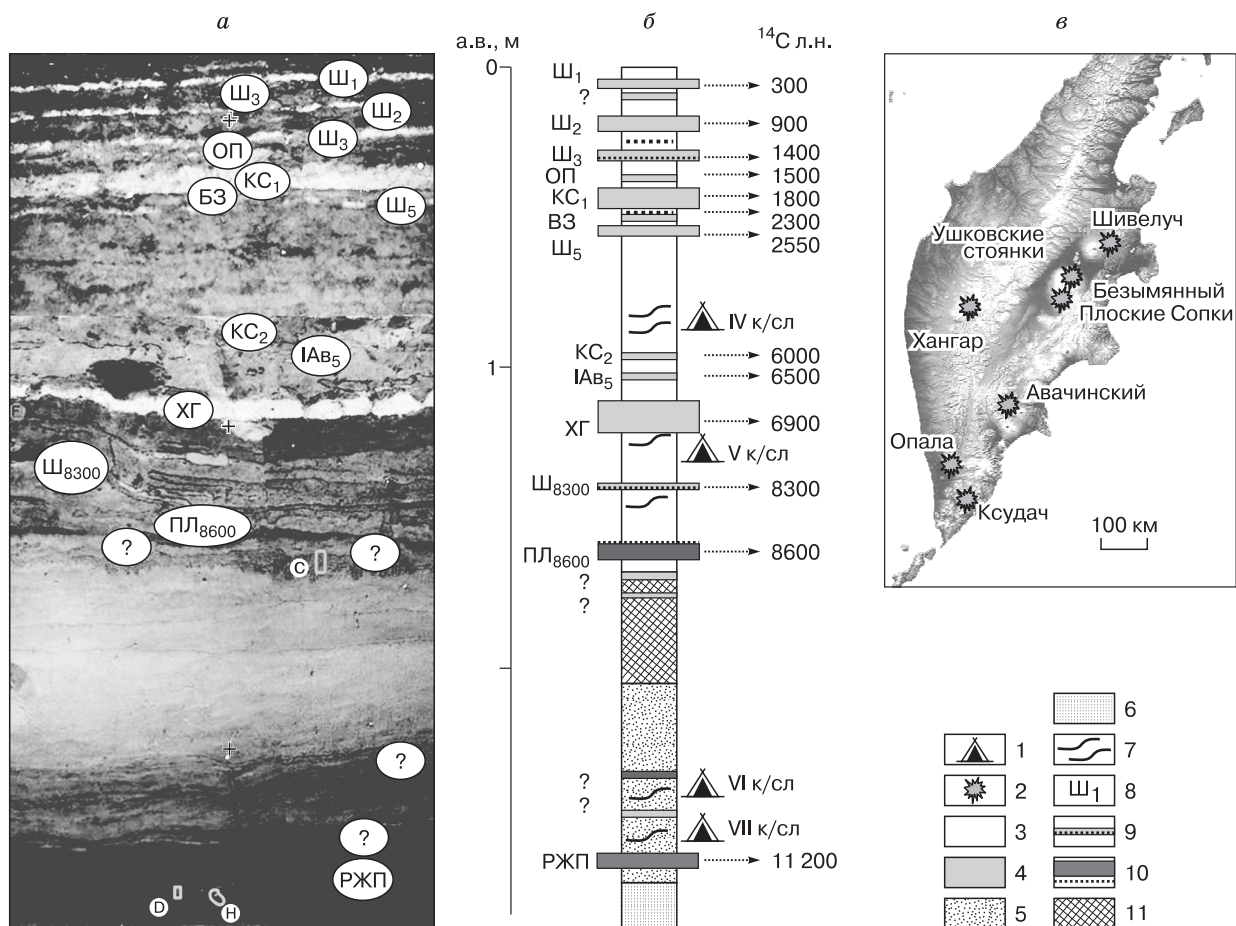
Вулканическим проявлением, затрагивающим большие территории и воздействующим на живые организмы, является тефра (эруптивное облако). Ее горизонт, называемый в тефрохронологии геохронологическим репером, признан надежным инструментом для проведения хроностратиграфических исследований отложений на Камчатке [2, с. 36].

Последовательное залегание вулкано- и органических горизонтов формирует почвенно-пирокластический чехол (ППЧ) [3] – детальную летопись вулканических событий голоцена Камчатки [2, с. 37]. Начало формирования большинства ППЧ Камчатки относит-

ся к раннему голоцену (8–10 тыс. л.н.); более древние (11–12 тыс. л.н.) встречаются в виде отдельных фрагментов геологической истории. Для большинства тефр Камчатки детально изучены особенности их отложения, химический и минералогический состав, прослежен ареал распространения, определен возраст (см., напр.: [4]). Отдельные горизонты пеплов принято маркировать индексами, соответствующими начальным буквам названия вулкана-источника [5, р. 125].

На Камчатке за последние 10 тыс. лет произошло около 40 крупных эксплозивных извержений (см., напр.: [1]). Накопленный массив данных (см., напр.: [2; 6; 7]) позволяет использовать их в археологических исследованиях в регионе.

К началу XXI в. наиболее исследованными на Камчатке остаются многослойные ушковские стоянки долины р. Камчатки, изучаемые со второй половины XX в. Н.Н. Диковым. Он обратил внимание на использование пеплов для датирования и синхронизации археологических памятников региона (см., напр.: [8]).

Сводная тефростратиграфия стоянки Ушки V: а) почвенно-пирокластический чехол стоянки Ушки V; б) сводный разрез тефр; в) схема расположения вулканов, пеплы которых зафиксированы в почвенно-пирокластическом чехле (за основу взята цифровая модель рельефа, полученная NASA/JPL/NIMA). Условные обозначения: 1 – культурный слой; 2 – вулканы; 3 – супеси; 4 – озерно-пролювиальные отложения; 5 – пески; 6 – микроугли и углистые линзы; 7 – индексы пеплов; 8 – пеплы кислого состава; 9 – пеплы основного состава; 10 – базальтовые пески; 11 – покровные супеси.

Сводная тейфростратиграфия стоянки Ушки V

№ п/п	Индекс пепла	Источник извержения, объем изверженных продуктов км3	Мощность слоя (в см)	Округленный ¹⁴ C возраст, лет, (год извержения)	Расстояние до ушковских стоянок (км)	Состав тейфры	Минералы-индикаторы		Описание тейфры
							амфибол	слода	
1	Ш1	Шивелуч, ≥2	1-1,5	300	~100	Андезит	+	-	Белый пемзовый тонкий пепел: алевропелит типа пудры
2	Ш2	Шивелуч, 2,5	1-1,5-2	950	~100	Андезит	+	-	Светло-сливочный пемзовый тонкий пепел: алевропелит тонкозернистый
3	Ш3	Шивелуч, ≥2	2-3	1400	~100	Андезит	+	-	Двойной пемзовый пепел: верх ¾ светло-светло-палевого алевропелит + тонкозернистый, низ почти белый, мелко- + тонкозернистый, единично среднезернистый вулканический песок с обильными темными зернами
4	ОП	Опала, 9-10	7	1500 (606 г. н.э.)	~430	Риолит	+	+	Супесь коричневая, посередине линзы 0,4 см яркого теплого сливочного алевропелита с обильными минералами биотита – пемзовый пепел; над пеплом ОП с небольшим перерывом 0,7 см вмазаны в супесь грубый вулканический песок и обломки плотных пород до 0,4 см в диаметре – пепел основного состава
5	КС ¹	Ксулач, 18-19	9	1800 (236 г. н.э.)	~630	Риолит	-	-	Нижние: 2/3-3/4 палевого, верх светло-серый тонкий вулканический пепел алевропелит
6	БЗ	Безьянный, ~1	5	2100-2300	~50	Андезит-зальт	+	-	Супесь коричневая, в ней в 1,5 см под кровлей линзы до 0,7 см (чаще как осветление) дымчато-светло-серый, белесо-светло-серый алевропелит, тонкозернистый + мелкозернистый вулканический песок. В кровле супесь гумусированная с примесью среднезернистого вулканического песка основного состава
7	Ш5	Шивелуч, ~1	2	2500	~100	Андезит	+	-	Белесо-светло-палевый, светло-сливочный пемзовый тонкий пепел алевропелитовой размерности, почти без темных зерен
8	КС ²	Ксулач, 7-8	1-2	6000	~630	Андезит	-	-	Желтый пепел, прослойки
9	IAв5	Авачинский, ≥2,5	1-2	6500	~330	Андезит	+	-	Желто-коричневый вулканический пепел, суглинок с мелкозернистым песком, прослойки
10	ХГ	Хангар, 14-16	4-6	6900	~230	Дацит-риодацит	+	+	Светло-светло-палевый пемзовый тонкий пепел алевропелитовой размерности
11	Ш8300	Шивелуч, ≥2	~2	8300	~100	Андезит	+	-	Светло-палевый с ярким лимонным оттенком пемзовый тонкозернистый вулканический песок с обильными темными зернами. С небольшой примесью алевропелита, тяготеющего к кровле
12	ПЛ	Плоские сопки (Ушковский), ≥2	~1-2	8600	~33	Андезит-зальт	+	-	От темного коричнево-черного до коричневатого-зеленоватого цвета вулканический пепел, суглинок; сверху темный коричнево-черный, ниже коричневатого-зеленый; неровный, волнистый, частично переотложенный, серо-зеленоватые линзы
13	РЖП	Источник не установлен	1-3	11200	?	?	?	?	Сцементированный черно-темно-ржавый прослой тонко-, мелко-, среднезернистого вулканического песка основного состава с единичными зернами плагиоклаза до крупнозернистых

Примечание. Составлена по данным [1-7; 9-14]. Описание тейфры М.М. Певзнер при участии В.В. Пономаревой и И.В. Мелекесцева в 2007-2010 гг.

В ушковских разрезах им было отмечено 8 слоев пепла [8, с. 229–230, табл. 1], на стоянке Ушки V выделено 7 слоев [8, с. 81, рис. 32].

С 2004 г. возобновлены раскопки многослойной стоянки Ушки V под руководством автора. С учетом новых данных составлена сводная тефростратиграфия стоянки, где систематизированы данные о возрасте, мощности, составе отложений, а также о минералах-индикаторах тефры (см. таблицу).

Выявлено, что на территорию ушковских стоянок пепел выпадал не менее 18 раз. Идентифицировано 12 пеплов, большинство из которых принадлежат вулкану Шивелуч (Ш₃₀₀, Ш₉₀₀, Ш₁₄₀₀, Ш₂₅₅₀, Ш₈₃₀₀). Определены пеплы вулканов: Опала (ОП₁₅₀₀), Безымянного (БЗ₂₃₀₀), сопки Плоской (вулкан Ушковский) (ПЛ₈₆₀₀), Ксудач (КС₁₈₀₀), Хангар (ХГ₆₉₀₀). Ниже отложений VII культурного слоя зафиксирована тефра из неизвестного источника (крупнозернистый плотный песок («ржавый пепел»)) мощностью 2–3 см, ее датировка по углю ¹⁴C – 11 200±59 л.н. (К1А–40603) (см. рисунок).

Все установленные пеплопады связаны с катастрофическими извержениями вулканов.

На расстоянии около 100 км на северо-запад от ушковских стоянок находится вулкан Шивелуч, сформированный около 60–70 тыс. л.н. (см., напр.: [9]). С его извержениями ассоциировались сильные пеплопады, пирокластические волны, пирокластические потоки [7, с. 5–6]. До ушковских стоянок его обвалы и пирокластические потоки не доходили, но его тефра выпадала здесь не менее пяти раз.

Вулкан Ксудач расположен на расстоянии около 630 км на юг от ушковских стоянок. В разрезах зафиксированы пеплы, датируемые 6000 и 1800 л.н. Самым сильным было извержение около 1800 л.н. Ось пеплопада прошла в северо-восточном направлении. Пепел выпал над всей Восточной и Южной Камчаткой, он является одним из главных маркирующих горизонтов практически в пределах всего полуострова к северу от вулкана. Последствия этого извержения оцениваются как экологическая катастрофа [1, с. 231].

Вулкан Хангар находится на расстоянии около 230 км на юго-восток от стоянок. Возраст кальдеры Хангар – от 11 до 7 млн лет [10, с. 126]. Его извержение 6900 л.н. считается крупнейшим из субкальдерных. Ось пеплопада была направлена на северо-восток – обширные территории на севере Камчатки оказались засыпаны пеплом. Пепел ХГ – маркирующий горизонт для районов Северной, Центральной и Восточной Камчатки; его особенностью является присутствие биотита [11, с. 8–10]. Под тефрой вулкана Хангар на стоянке Ушки V обнаружен V культурный слой (начальный неолит, ¹⁴C 7705±38, 8491±44 кал. л.н. (К1А–35662)). Патина на большинстве обсидиановых орудий, облик кремниевых орудий, найденных в этом слое, свидетельствуют о термическом воздействии на них.

Вулкан Опала расположен на расстоянии около 430 км к югу от ушковских стоянок. Крупное субкальдерное извержение произошло 1480 л.н. Главная ось пеплопада была направлена на восток. Значительная

часть пепла выпала над акваторией Тихого океана. Юго-западным ветром пепловое облако было снесено на северо-восток, и тонкий пепел покрыл значительную часть Восточной Камчатки [10, с. 17–19]. Мощность тефры в разрезе исследуемой стоянки – до 3–5 см.

Вулкан Безымянный возник в самом конце позднего плейстоцена – начале голоцена (10,5–11 тыс. л.н.) [12, с. 16]. Мощное эксплозивное извержение зафиксировано около 2400–2300 ¹⁴C л.н. Ось пеплопада имела западное направление [12, с. 8]. Находится на расстоянии 50 км от ушковских стоянок, здесь мощность его тефры составляет до 5 см.

Авачинский вулкан расположен в 330 км на юге от ушковских стоянок. С ним в голоцене связано не менее семи крупных плининских эксплозивных извержений с сильными пеплопадами. Оси пеплопадов были направлены на восток и северо-восток, северо-запад [13]. В разрезе стоянки Ушки V зафиксирована тефра извержения 6500 л.н.

Вулкан Плоские Сопки (Ушковский) находится в 33 км от ушковских стоянок. Как и все стратовулканы Ключевской группы, где расположен его кратер, он возник в интервале 40–60 тыс. л.н. Крупнейшее раннеголоценовое извержение произошло 8600 л.н. Ось пеплопада была направлена на северо-восток [14]. Мощность пеплового слоя в разрезе стоянки – от 1 до 2 см. По собранным образцам со стоянки Ушки V проведен электронно-зондовый анализ вулканического стекла тефры вулкана Плоские сопки [14].

В целом на основе тефрохронологического анализа стоянки Ушки V установлено, что территория современного Большого Ушковского озера и прилегающих территорий находилась в центре пеплопадов крупнейших катастрофических извержений вулканов, удаленных от места исследования от 30 до 630 км. Наиболее мощными были пеплопады извержений вулканов Ксудач₁₈₀₀ и Хангар₆₉₀₀. Зафиксированные в разрезе отложения позволяют предположить катастрофу для населения V культурного слоя, связанную с сильным пожаром и пеплопадом вследствие извержения вулкана Хангар₆₉₀₀. Вероятно, были сожжены в результате вулканического извержения «погребенное под пеплом IV» жилище на стоянке Ушки III (III культурный слой [8, с. 82, 84] и расположенная в 18 км от ушковских стоянок «однослойная неолитическая стоянка» в Застойчике [8, с. 84–86]. Не исключаем, что пожар в обоих случаях был связан с извержением вулкана Шивелуч₂₅₅₀.

Научные исследования и современные наблюдения (см., напр.: [1; 2; 7]), а также описания вулканических извержений и их последствий на Камчатке в XVIII в. С.П. Крашенинниковым [15], Г.В. Стеллером [16], на Алеутских островах И. Вениаминовым (XIX в.) [17] позволяют наметить сценарий катастрофического извержения и реакции на него местного населения.

Извержению обычно предшествуют относительно небольшие выбросы пепла и лавы, продолжающиеся в течение ряда лет. Это обстоятельство порождало при-

меты и предсказания у местных жителей. Так, ительмены опасались «гор дымящихся и огнедышащих» [16]. Вулкан считался жилищем умерших, а выбросы пепла воспринимались как дым, которым «покойные юрты свои топят». «Предвестники» же почитались за предзнаменование кровопролития: «что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается». «Пред каждым трясением слышен был под землею страшный шум и стенание», – отмечал С.П. Крашенинников [15, с. 170–178]. Землетрясения сопровождаются гулом, похожим на шум сильного ветра [17, т. 1, с. 29]. Шумы и подземные толчки оказывали психологическое влияние на людей: страх и паника заставляли население покидать обжитые территории. Так, известно, что алеуты в страхе после землетрясений и извержений вулканов оставляли свои деревни [18, р. 317].

При катастрофическом извержении с выбросом тефры и обломков пирокластические потоки погребают и сжигают все на площади, исчисляющейся сотнями квадратных километров [7, с. 12]. Сильный пожар может длиться неделями. Возможно, местное население не всегда успевало спастись. С.П. Крашенинников, описывая извержение вулкана Толбачика в 1737 г., отмечал, что «жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины» [15, с. 170–178].

Процессы, связанные с извержением островного или прибрежного вулкана, иногда приводят к разрушительным цунами с многочисленными человеческими жертвами. Наиболее катастрофические последствия имели цунами на Камчатке в 1737 и 1952 гг. [19, с. 656]. В 1737 г. погибли местные жители, их жилища были разрушены: «многие камчатские юрты обвалились, и балаганы попадали. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие бедственно скончали живот свой» [15, с. 170–178].

При извержении под действием ветра распространяется эруптивное облако, твердые частицы которого выпадают из стратосферы в течение месяца [7, с. 12]. В период выпадения тефры вдоль осевой зоны пеплопада наблюдаются сильная электризация воздуха и непроницаемая тьма в течение 3–4 ч. Покрытые тефрой территории временно становятся непригодными для проживания; население вынуждено вслед за животными мигрировать в более благоприятные места [17, т. 1, с. 69–70].

Еще одна опасность для населения в момент выпадения тефры – молнии. Они могут вызывать гибель животных, человека, возгорание строений [20, р. 140]. Ительмены поклонялись молниям, считая, что это духи «топят горы, как юрты, чтобы закрыть печи, и выбрасывают оставшиеся головешки из верхнего отверстия горы» [15].

Во время извержения происходит изменение рельефа – вулканические пеплы и другой пирокластический материал формируют новую, непригодную для проживания в течение определенного времени почву. В связи с изменениями рельефа прямое и косвенное воздействие испытывает биота – происходит ее унич-

тожение и перераспределение фаунистических комплексов. Для их восстановления на территориях, испытавших воздействие катастрофических извержений, требуется около 300 лет [21]. Например, большие территории Аляски и Алеутских островов оказались заброшенными, и только некоторые из них были заселены не ранее, чем через 500 лет после вулканических извержений; происходили миграции, затруднялись межэтнические коммуникации [22]. На Северо-Восточной Камчатке установлена зависимость размещения населения при изменении ландшафтов, связанных с вулканической активностью в голоцене – извержениями вулканов Ксудач¹⁸⁰⁰ и Шивелуч⁴⁷⁰⁰. Тогда и произошло уменьшение и перемещение населения из континентальных районов на речные, озерные и морские побережья [23]. В некоторых случаях повторное заселение прибрежных стоянок произошло не ранее, чем через 1000–2000 лет.

Таким образом, использование тефрохронологического метода позволяет предварительно датировать археологические объекты, интерпретировать события, оказавшие особое влияние на экосистему п-ова Камчатка и его население в древности. Интерпретация данных, полученных на основе этого метода, способствует реконструкции окружающей среды во времени, а это позволит выявить закономерности изменения условий для проживания человека в определенные исторические периоды. На основе изучения конкретных катастрофических извержений можно определить время формирования благоприятных и неблагоприятных условий среды, способствовавших миграциям и расселению человека на рассматриваемой территории. Учитывая, что крупнейшие эксплозивные извержения вулканов Камчатки имели тенденцию к группированию во времени [7], можно предположить, что этапы заселения Камчатки человеком, смена производственных технологий, а возможно и смена населения, были связаны именно с катастрофическими извержениями.

Автор выражает искреннюю благодарность докторам геолого-минералогических наук М.М. Певзнер (Геологический институт РАН) и И.В. Мелекесцеву (Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН), д-ру геогр. наук В.В. Пономаревой (Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН) за помощь в определении тефр, а также Инго Клаузену (Государственный археологический департамент Шлезвиг-Гольштейн, Германия) за ценные рекомендации и обмен мнениями в процессе обсуждения тефрохроностратиграфии на исследуемой стоянке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономарева В.В., Мелекесцев И.В., Базанова Л.И., Биндеман И.Н., Леонов В.Л., Сулержицкий Л.Д. Вулканические катастрофы на Камчатке в среднем плейстоцене–голоцене // Экстремальные природные явления и катастрофы. М.: ИФЗ РАН, 2010. Т. 1. С. 219–238.

2. Певзнер М.М. Голоценовый вулканизм Среднего хребта Камчатки. М.: ГЕОС, 2015. 252 с.

3. Мелекесцев И.В., Краевая Т.С., Брайцева О.А. Почвенно-пирокластический чехол и его значение для тейхронологии на Камчатке // Вулканические фации Камчатки. М.: Наука, 1969. С. 61–71.

4. Певзнер М.М., Пономарева В.В., Сулержичский Л.Д. Голоценовые почвенно-пирокластические чехлы Центральной Камчатской депрессии: возраст, строение, особенности осадконакопления // Вулканология и сейсмология. 2006. №1. С. 24–38.

5. Braitseva O.A., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D., Melekestsev I.V., Bailey J. Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia // *Quaternary Science Reviews*. 1997. Vol. 47, N 2. P. 125–139.

6. Ponomareva V., Portnyagin M., Pendea F., Zelenin E., Bourgeois J., Pinegina T., Kozhurin A. A full holocene tephrochronology for the Kamchatsky Peninsula region: Applications from Kamchatka to North America // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 168. P. 101–122.

7. Пономарева В.В. Крупнейшие эксплозивные вулканические извержения и применение их тейфры для датирования и корреляции форм рельефа и отложений: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2010. 53 с.

8. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.

9. Певзнер М.М., Толстых М.Л., Бабанский А.Д., Леер П., Волюнец А.О. Первые данные об изотопном возрасте и составе исходных расплавов пород начальной фазы деятельности вулканического массива Шивелуч, Камчатка // Вулканизм и связанные с ним процессы. 2014. С. 104–107.

10. Певзнер М.М., Волюнец А.О., Костицын Ю.А., Бабанский А.Д., Коваленко Д.В., Лебедев В.А. Начало вулканической активности в кальдере Хангар (Срединный хребет, Камчатка) // Вулканизм и связанные с ним процессы. 2016. С. 125–128.

11. Мелекесцев И.В., Брайцева О.А., Базанова Л.И., Пономарева В.В., Сулержичский Л.Д. Особый тип катастрофических эксплозивных извержений – голоценовые субкальдерные извержения Хангар, Ходуткинский «маар», Бараний Амфитеатр (Камчатка) // Вулканология и сейсмология. 1996. № 2. С. 3–24.

12. Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Богоявленская Г.Е., Максимов А.П. Вулкан Безымянный: история формирования и динамика активности // Вулканология и сейсмология. 1990. № 2. С. 3–32.

13. Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Пономарева В.В., Базанова Л.И., Сулержичский Л.Д. Сильные и катастрофические эксплозивные извержения на Камчатке за последние 10 тысяч лет // Геодинамика и вулканизм Курило-Камчатской островодужной системы. 2001. С. 235–252.

14. Ponomareva V., Portnyagin M., Derkachev A., Pendea F., Bourgeois J., Reimer P., Dieter Garbe-Schönberg D., Krasheninnikov S., Nürnberg D.E. Holocene M~6 explosive eruption from Plosky volcanic massif (Kamchatka) and its tephra as a link between terrestrial and marine paleoenvironmental records // *International Journal of Earth Sciences*. 2016. Vol. 102, N 6. P. 1673–1699.

15. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1. 439 с.

16. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 286 с.

17. Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е.) Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. СПб., 1840. Т. 1. 367 с.

18. Black L.T. Volcanism as a Factor in Human Ecology: The Aleutian Case Ethnohistory. 1981. Vol. 28, N 4. P. 313–340.

19. Пинегина Т.К. Повторяемость сильных землетрясений и цунами вдоль Камчатки и Северных Курил в голоцене по данным тейхронологии // Вулканизм и геодинамика, 2009. Т. 2. С. 656–658.

20. Thorarinsson S. On the Damage Caused by Volcanic Eruptions with Special Reference to Tephra and Gases // *Volcanic Activity and human Ecology*. 1979. P. 125–159.

21. Сметанин А.Н. Функциональная структура биоты в природных экосистемах Камчатки: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2011. 43 с.

22. Dumond D.E. Volcanism and History on the Northern Alaska Peninsula // *Arctic Anthropology*. 2004. Vol. 41, N. 2. P. 112–125.

23. Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // *Quaternary International*. 2015. Vol. 394. P. 51–68.

REFERENCES

1. Ponomareva V.V., Melekestsev I.V., Bazanova L.I., Bindeman I.N., Leonov V.L., Sulerzhitsky L.D. Volcanic disasters in Kamchatka in the middle Pleistocene-Holocene. *Ekstremal'nye prirodnye yavleniya i katastrofy*. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 219–238. (In Russ.)

2. Pevzner M.M. Holocene volcanism of Sredinny Range of Kamchatka. Moscow, GEOS, 2015, 252 p. (In Russ.)

3. Melekescev I.V., Kraevaya T.S., Brayceva O.A. Soil-pyroclastic cover and its significance for tephrochronology on Kamchatka *Vulkanicheskie fatsii Kamchatki*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 61–71. (In Russ.)

4. Pevzner M.M., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D. Holocene soil-pyroclastic covers of the Central Kamchatka depression: age, structure, features of sedimentation. *Vulkanologiya i seysmologiya*. 2006, no. 1, pp. 24–38. (In Russ.)

5. Braitseva O.A., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D., Melekestsev I.V., Bailey J. Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia. *Quaternary Science Reviews*. 1997, vol. 47, no. 2, pp. 125–139.

6. Ponomareva V., Portnyagin M., Pendea F., Zelenin E., Bourgeois J., Pinegina T., Kozhurin A. A full holocene tephrochronology for the Kamchatsky Peninsula region: Applications from Kamchatka to North America. *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 168, pp. 101–122.

7. Ponomareva V.V. The largest explosive volcanic eruptions and the use of their tephra for dating and correlation of landforms and sediments: diss. abstr. Moscow, 2010, 53 p. (In Russ.)

8. Dikov N.N. The archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, and Upper Kolyma (Asia at the crossroads with America in antiquity). Moscow, 1977, 391 p. (In Russ.)

9. Pevzner M.M., Tolstykh M.L., Babanskiy A.D., Leer P., Volynec A.O. The first data on the isotopic age and composition of the initial melts of rocks of the initial phase of the volcanic massif Shiveluch, Kamchatka. *Vulkanizm i svyazannye s nim protsessy*. 2014, pp. 104–107. (In Russ.)

10. Pevzner M.M., Volynec A.O., Kostitsyn Yu.A., Babanskiy A.D., Kovalenko D.V., Lebedev V.A. The beginning of volcanic activity in the Hangar Caldera (Sredinny Range, Kamchatka). *Vulkanizm i svyazannye s nim process*. 2016, pp. 125–128. (In Russ.)

11. Melekescev I.V., Brayceva O.A., Bazanova L.I., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D. A special type of catastrophic explosive eruptions – Holocene sub-Caldera eruptions of Hangar, Khodutka “Maar”, Baraniy Amphitheater (Kamchatka). *Vulkanologiya i seysmologiya*. 1996, no. 2, pp. 3–24. (In Russ.)

12. Brayceva O.A., Melekescev I.V., Bogoyavlenskaya G.E., Maksimov A.P. Bezymyanny volcano: history of formation and dynamics of activity. *Vulkanologiya i seysmologiya*. 1990, no. 2, pp. 3–32. (In Russ.)

13. Brayceva O.A., Melekestsev I.V., Ponomareva V.V., Bazanova L.I., Sulerzhitsky L.D. Strong and catastrophic explosive eruptions in Kamchatka over the past 10 thousand years. *Geodinamika i vulkanizm Kurilo-Kamchatskoy ostrovoduzhnoy sistemy*. 2001, pp. 235–252. (In Russ.)

14. Ponomareva V., Portnyagin M., Derkachev A., Pendea F., Bourgeois J., Reimer P., Dieter Garbe-Schönberg D., Krasheninnikov S., Nürnberg D.E. Holocene M~6 explosive eruption from Plosky volcanic massif (Kamchatka) and its tephra as a link between terrestrial and marine paleoenvironmental records *International Journal of Earth Sciences*. 2016, vol. 102, no. 6, pp. 1673–1699.

15. Krasheninnikov S.P. The description of Kamchatka Land. *Petropavlovsk-Kamchatsky*, 1994, vol. 1, 439 p. (In Russ.)

16. *Steller G.* The Description of Kamchatka Land. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1999, 286 p. (In Russ.)
17. *Innocentiy (Popov-Veniaminov I.E.)* Notes on the Islands Unalascensis Department, compiled by I. Veniaminov. St. Petersburg, 1840, vol. 1, 367 p. (In Russ.)
18. *Black L.T.* Volcanism as a Factor in Human Ecology: The Aleutian Case Ethnohistory, 1981, vol. 28, no. 4, pp. 313–340.
19. *Pinegina T.K.* Repeatability of strong earthquakes and tsunamis along Kamchatka and Northern Kuriles in the Holocene according to the data of tephrochronology. *Vulkanizm i geodinamika*. 2009, vol. 2, pp. 656–658. (In Russ.)
20. *Thorarinsson S.* On the Damage Caused by Volcanic Eruptions with Special Reference to Tephra and Gases. *Volcanic Activity and human Ecology*. 1979, pp. 125–159.
21. *Smetanin A.N.* Functional structure of biota in natural ecosystems of Kamchatka: diss. abstr. Moscow, 2011, 43 p. (In Russ.)
22. *Dumond D.E.* Volcanism and History on the Northern Alaska Peninsula. *Arctic Anthropology*, 2004, vol. 41, no. 2, pp. 112–125.
23. *Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E.* Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP). *Quaternary International*. 2015, vol. 394, pp. 51–68.

Статья принята
редакцией 28.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190204
УДК 903.53

И.С. ГНЕЗДИЛОВА, А.Л. НЕСТЕРКИНА, Е.А. СОЛОВЬЕВА

ГЛИНЯНАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ КУРГАНА КЫМСАННИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И АНАЛОГИИ В ЯПОНИИ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

Уникальная находка фрагментов глиняной скульптуры из кургана Кымсанны на юго-западе Корейского полуострова вызвала интерес как у корейских, так и у российских археологов, поскольку для территории Кореи в V–VI вв. изготовление глиняной скульптуры не было типичным. Курган Кымсанны имеет сходство с курганами Японии по форме и структуре насыпи. Обнаруженные фрагменты скульптуры находят аналогии среди глиняной скульптуры Японии – ханива. Корейские находки – это фрагменты головы двух антропоморфных фигур, а также фрагменты головы и ноги лошади, часть головы и туловища птицы (предположительно – курицы). Японские ханива представляют собой изображения людей, животных, домов, лодок, предметов быта. Ханива устанавливали в определенном порядке по периметру курганов, по ярусам и на вершине. Обнаружение глиняных фигур в насыпи кургана на территории Кореи позволяет сделать выводы о наличии культурных контактов между двумя территориями, заимствовании традиций, и, возможно, даже о существовании родственных связей между влиятельными кланами.

Ключевые слова: глиняная скульптура, кофун, ханива, курган, Корейский полуостров, Японские острова.

I.S. GNEZDILOVA, A.L. NESTERKINA, E.A. SOLOVYEVA

CLAY FIGURINES OF THE GEUMSAN-NI BURIAL ON KOREAN PENINSULA AND ANALOGS IN JAPAN

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Pr. Akademika Lavrentieva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The work objective is to determine the similarity of the Gumsan burial mound findings in the southern Korean Peninsula with Kofun materials from the mounds of Japan. The cultural contacts between the population of the Japanese islands and mainland, including the Korean Peninsula, is an actual topic in the modern science. The authors discuss the directions of contact, the time of their occurrence, nature of borrowing elements of socio-economic, political and cultural life, a degree of population mutual influence in these territories. The presence of clay sculpture fragments in the Geumsan-ni mound in the southwestern Korean Peninsula aroused interest from both Korean and Russian archaeologists due to its uniqueness. Producing clay sculpture was not typical of Korea in the V–VI centuries. Attempts to interpret the findings led to the Kofun materials in Japan. A comparative analysis of the burial mound's upper part (the inner part excavation has not started yet), the funeral goods found in the mound, allows authors to find features similar to the characteristics of the Kofun period in Japan. Typologically the Geumsan-ni mound has similarities with Japan mounds in the embankment form and structure. The fragments of the sculpture have analogies among Haniwa clay sculpture in Japan. Korean findings are head fragments of two anthropomorphic figures, fragments of the horse head and legs, part of a bird head and body, presumably a chicken. Japanese Haniwa represent images of people, animals, houses, boats, household items, which were installed in a certain order around the mound perimeter, along

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №18-09-00507

Анастасия Леонидовна Нестеркина – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: a.l.subbotina@yandex.ru.

Ирина Сергеевна Гнездилова – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: gnezdilova06@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3318-0848>.

Елена Анатольевна Соловьева – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: easolovievy@mail.ru.

Irina S. Gnezdilova – Junior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Anastasiya L. Nesterkina – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Elena A. Solovyeva – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

tiers and on its top. The discovery of similar clay figures in the Korean mound leads to conclusions about the existence of cultural contacts between the two territories, borrowing of traditions, and even kinship ties between influential clans.

Key word: clay figurines, Kofun, Haniwa, burial mound, Korean Peninsula, Japanese Islands.

В конце декабря 2018 г. в Республике Корея в СМИ появилась информация о том, что в ходе археологических раскопок кургана Кымсанни (рисунок, 1) в уезде Хампхён обнаружены фрагменты глиняной скульптуры, уникальные для Южной Кореи. Первая находка представлена полым конусовидным фрагментом светло-коричневого цвета. На лицевой стороне, в верхней трети головы, сделаны два расположенных на одном уровне подовальных сквозных отверстия – глаза, под ними проработан удлинённый выступ – нос, ниже которого просматриваются 6 расходящихся в стороны прочерченных линий, напоминающих усы (рисунок, 2). На торцах предмета также присутствуют округлые сквозные прорезы, по-видимому, изображающие уши. Вторая находка представляет собой фрагмент правой верхней части головы другой скульптуры аналогичного светло-коричневого оттенка (рисунок, 3). На фрагменте просматривается подовальное сквозное отверстие – глаз, над которым расположен рельефно выступающий участок поверхности, вероятнее всего, бровь, украшенная округлыми вдавлениями.

Помимо фрагментов антропоморфных скульптур в ходе раскопок 2018 г. найдены также детали глиняной скульптуры животного, предположительно лошади. Самые крупные и распознаваемые фрагменты, как предполагают авторы раскопок, представляют собой детали скульптурного изображения головы и ноги лошади¹. Такие находки в курганах Кореи являются большой редкостью – глиняная скульптура не характерна для корейской традиции. Практика изготовления глиняных скульптур является отличительной чертой древнеяпонской культуры, поэтому корейские археологи начали искать параллели среди скульптуры *ханива* периода культуры *кофун* в Японии.

Поскольку данные находки и их интерпретация вызвали большой общественный резонанс, они, на наш взгляд, нуждаются в более детальном анализе в свете последних достижений корейской и японской археологической науки.

Курган, в ходе археологических раскопок которого обнаружены описанные фрагменты глиняных скульптур, известен достаточно давно. Его описание и фотография внешнего вида приводятся в отчете об инвентаризации объектов культурного наследия уезда Хампхён, проводившейся в марте – сентябре 1992 г. сотрудниками Музея Университета Мокпхо [1, с. 5–7, 98, 131]. Ранее этот объект был известен как курган Мич-

хуль (Курган на перекрестке Мичхуль) [2, с. 98]. Он расположен на границе трех административно-территориальных образований (пос. Хампхён-ып, областей Тэдон-мён и Сингван-мён), по соседству с невысоким холмом. К северо-западу от холма находятся сельскохозяйственные угодья, к югу – холмистый участок местности. На момент обследования часть насыпи кургана была разрушена проложенной через холм дорогой, однако, судя по сохранившейся части, изначально она имела пирамидальную форму с подквадратным основанием, размерами 50 x 40 м, высотой около 10 м. В ходе визуального обследования насыпи в нескольких местах были зафиксированы скопления плитняка, представляющие, по-видимому, остатки панциря кургана. На вершине насыпи просматривается верхняя часть каменного ящика – эта единичная каменная плита с видимыми размерами 1,8 x 0,6 x 0,3 м, представляющая собой, вероятно, погребальную камеру захоронения [1, с. 98].

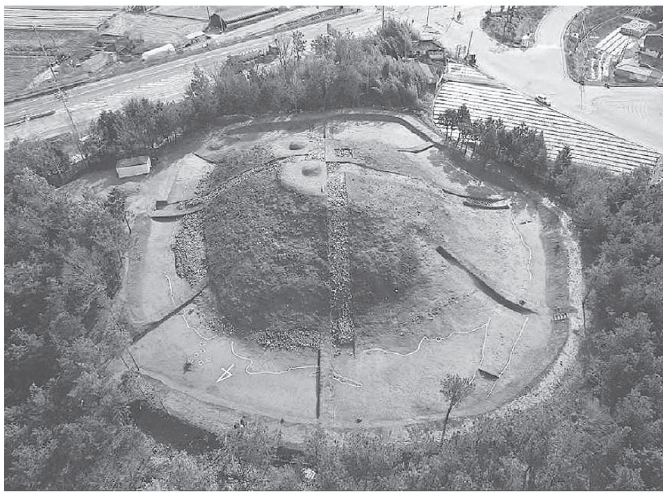
В 1994 г. курган Кымсанни был обозначен как Памятник провинции Чолла-намдо №151 [2, с. 98].

Первые целенаправленные археологические раскопки кургана были организованы в октябре–декабре 2014 г. сотрудниками Института культурного наследия провинции Чолла-намдо [2, с. 17]. Цель работ заключалась в определении размеров, формы и деталей конструкции курганной насыпи. При этом насыпь кургана была поделена у подножия на 8 секторов бровками шириной по 1,5 м, а через центр насыпи были проложены 4 траншеи шириной по 3 м.

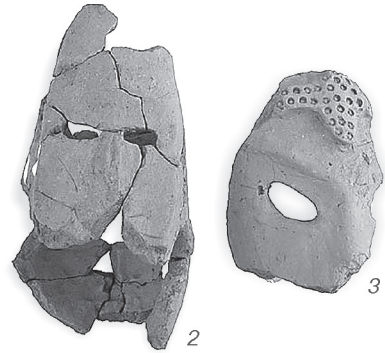
В результате работ подтвердилось, что насыпь кургана имеет пирамидальную форму с подквадратным основанием, были уточнены ее размеры – максимальная длина 51 м, высота 9 м. Раскопки выявили также существование каменной кладки насыпи и рва по ее периметру. По материалам раскопок проведена датировка кургана: конец V – начало VI в. В насыпи кургана и во рву обнаружены разнообразные артефакты: фрагменты керамических сосудов, китайских фарфоровых сосудов, фрагменты простых цилиндрических, а также зооморфных и предположительно антропоморфных глиняных скульптур [2, с. 56–63, 137–139]. Последние категории находок вызывают наибольший интерес.

Один из фрагментов зооморфной глиняной скульптуры представляет собой скульптурное изображение птичьей головы с частью шеи (рисунок, 4а, в). Фрагмент найден в курганной насыпи. По обеим сторонам головы показаны глаза, уши и клюв, на затылке выделен гребень. Гребень изготовлен отдельно и прикреплен к уже готовой основе (голове). Глаза оформлены в виде сквозных отверстий диаметром 5 и 8 мм. Уши выполнены в виде неглубоких округлых вдавлений диаметром по 8 мм. Конец клюва обломан, но судя по

¹ Ю Вонмо. Хампхён-со чхот ильольгуль тхоги чхуль-тхо – 5-сеги вансонхэттон кудже кёрю хынджок [Находка керамики с антропоморфным изображением японца в уезде Хампхён – следы существования межкультурных контактов в V в.] // Тон-а ильбо («Едневная газета Тон-а»). 26.12.2018. – URL: <http://news.donga.com/East/MainNews/3/all/20181226/93442561/1> (дата обращения: 14.02.2019 – на кор. яз.).

1

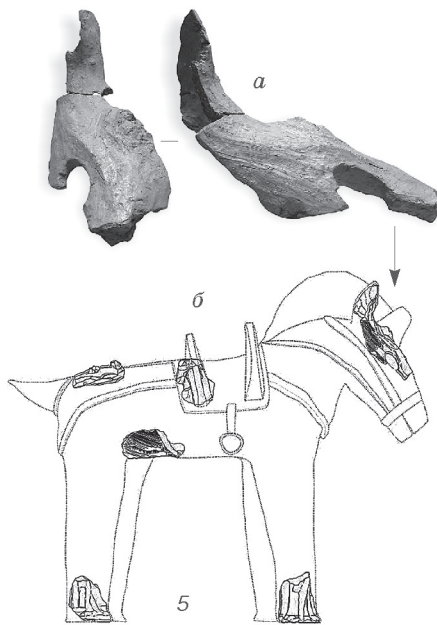

2

3

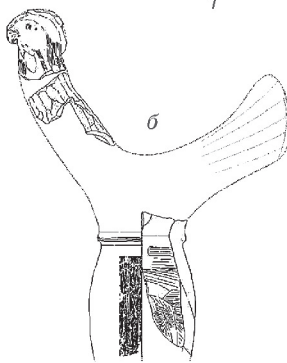

a

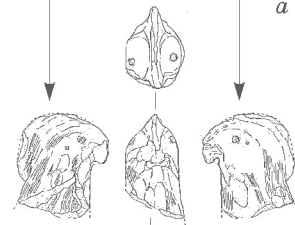
b

5

b

4

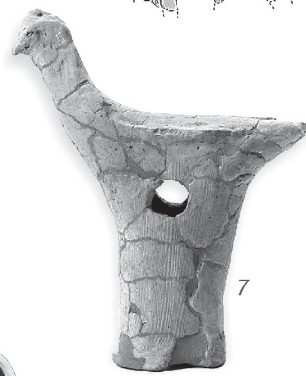

a

6

6

7

8

9

10

сохранившейся его части, он был слегка загнут вниз и притуплен. Шея цилиндрическая. Размеры: 12,9 x 7,8 см, толщина 2,2 см. В ходе раскопок найден еще один фрагмент шеи и цилиндрическая подставка, по-видимому, составлявшие одно целое с данным фрагментом (рисунок, 4б) [2, с. 99–102, 115–116].

Несколько глиняных фрагментов интерпретируются корейскими археологами как части скульптуры лошади. Наиболее крупным фрагментом скульптуры лошади является часть ее головы, обнаруженная в юго-восточной части рва (рисунок, 5а, б). На фрагменте сохранились треугольное ухо и глаз – сквозное отверстие подовальной формы. Размеры фрагмента: 14,4 x 23,5 см, толщина 3,5–4,6 см. Кроме того, найдены и другие детали скульптуры лошади – предположительно, подхвостник, задняя лука седла, части ног [2, с. 106–111].

В процессе раскопок обнаружено несколько глиняных фрагментов, которые с большой долей вероятности могут быть интерпретированы как фрагменты скульптуры. Так, крупный цилиндрический фрагмент корейские археологи относят к антропоморфной скульптуре, скорее всего, он представляет собой часть руки; размеры: 12,9 x 7,8 см, толщина 2,2 см [2, с. 111, 115].

Таким образом, во время раскопок кургана Кымсанны в 2014 и 2018 гг. корейскими археологами обнаружено значительное количество фрагментов глиняных скульптур. В связи с тем, что на территории Кореи производство глиняной скульптуры встречается крайне редко, корейские археологи считают антропоморфные скульптуры изображениями японцев.

В V–VI вв. на территории Японских островов продолжала существовать культура *кофун*, для которой характерны захоронения в курганах различных форм и размеров [3, рис. 2]. На сегодняшний день выявлено более 160 тыс. памятников этого времени. Одним из самых ярких и известных элементов культуры *кофун* являются глиняные фигуры ханива. На раннем этапе (III в.) они представляли собой толстостенные полые цилиндры с отверстиями, высотой до 2 м и диаметром около 40–80 см. Затем появились фигуры, изображающие дома, лодки, людей, животных и птиц. Расцветом

ханива принято считать середину V в. Находки ханива всегда связаны с курганами, скульптуры размещаются по его периметру и на вершине.

Такие курганы на территории Японского архипелага в основании имеют форму квадрата, иногда прямоугольника; непосредственно над погребением на вершине насыпи устраивалась площадка в форме квадрата. В боковой проекции курган имеет форму трапеции. В некоторых случаях насыпь оформлялась ступенями. К началу V в. относятся небольшие квадратные курганы, сопровождавшие более крупные квадратно-круглые курганы. Со временем квадратные курганы сменяют квадратно-круглые – в случае погребения глав кланов, местных вождей, именно в это время они получили наибольшее распространение в районах Кинки и Канто.

Японские исследователи относят квадратные курганы к погребениям представителей рода Сога, а также императоров и императриц, имевших родство с данным кланом. К таким курганам относят курган Касугамукайяма, как вероятное место погребения императора Ёмэй, курган Ямадатакацука – усыпальница императрицы Суйко и др. К квадратным курганам относят и курган Исибутай, предположительно являющийся усыпальницей Сога-но Умако – видного политического деятеля конца VI– начала VII в. [4, с. 72].

Использование ханива для установки на насыпи погребения является характерной особенностью курганов Японии рассматриваемого периода. Цилиндрические ханива устанавливались на курганах в самом начале периода *кофун*, в то время как традиция установки антропоморфных и зооморфных фигур получила широкое распространение на территории Японского архипелага в V–VI вв. н.э.

Среди фигур, изображавших птиц, часто встречаются скульптуры куриц или петухов. Ханива куриц и ханива петухов различают по типу оформления ушей, глаз, гребешка (рисунок, 6, 7). Целые скульптуры также можно разделить по типу оформления крыльев, ног и хвоста. Оформление ушей и глаз методом вдавливания встречается на памятниках региона Канто (префектуры Ибараки и Тотиги), но в целом считается, что на начальных этапах уши и глаза птиц оформлялись небольшими

Находки глиняной скульптуры из кургана Кымсанны и их аналоги из Японии.

1 – Курган Кымсанны, вид сверху; 2, 3 – фрагменты головы скульптуры; 4 – а) фрагмент глиняной головы птицы, б) реконструкция, в) прорисовка; 5 – а) фрагмент головы лошади, б) реконструкция скульптуры лошади; 6 – ханива петух, курган Сайдзэ, префектура Нара; 7 – ханива курица, курган Ямада-Хо:мако, префектура Чива; 8 – ханива человек, курган Татиямаяма, префектура Фукуока; 9 – ханива голова человека, курган Нориба, преф. Фукуока; 10 – ханива лошадь, курган Татиямаяма, префектура Фукуока.

1, 4, 5 – по: Мун Ансик, Ли Бомги, Сон Джансон, Чхве Квонхо, Лим Донджун. *Хампхён Кымсанны пандэхён кобун (Квадратный курган Кымсанны в уезде Хампхён). Надгробия: Ин-т культурного наследия провинции Чолла-намдо, 2015. 152 с. (на кор. яз.)*

2, 3 – по: Ю Вономо. *Хампхён-со чхот ильольгуль тхоги чхультхо – 5-сеги вансонхэттон кугдже кёрю хындэжок (Находка керамики с антропоморфным изображением японца в уезде Хампхён – следы существования межкультурных контактов в V в.) // Тон-а ильбо («Едневная газета Тон-а»). 26.12.2018. URL: <http://news.donga.com/East/MainNews/3/all/20181226/93442561/1> (дата обращения: 14.02.2019 – на кор. яз.)*

6 – по: Ханива-но сэкай. *Кодай сэкай-кара-но мессидзи. То:кё: бидзюцуб 2014. 80 с. (на яп. яз.)*

7 – по: Ямада-Хо:мако кофунгун. *Хаккуцу тё:са-но аюми то ханива гундо: (Группа кофунов Ямада-Хо:мако. Процесс исследования и скульптурная группа ханива). Каталог выставки. Сибаяма: Ханивахакубуцукан, 2018. 10 с.*

9 – по: Фукуокакэн-но со:сёку кофун (Декорированные кофуны префектуры Фукуока). Као: Кумамото энрицу со:сёку кофункан, 1997. 124 с. (на яп. яз.)

8, 10 – фото авторов

глиняными дисками, со временем технология изготовления упростилась и к началу VI в. глаза и уши стали изображать только небольшими отверстиями [5, с. 41].

Находки на памятнике Кымсани имеют близкие аналогии среди находок на курганах Японского архипелага в целом и на территории о. Кюсю в частности. К наиболее близко расположенным памятникам на территории Японского архипелага относятся находки ханива в курганах группы Татиямаяма (г. Ямэ, префектура Фукуока, о. Кюсю). Группа курганов Татиямаяма состоит из 44 круглых курганов. Среди погребенных обнаружены погребения в каменных гробах типа ящика и деревянных колодах. Сооружение курганов на данной территории продолжалось с первой половины V в. до конца VI в. Курганы №8 и №13 по сравнению с остальными курганами данной группы отличаются большими размерами, на территории этих курганов были обнаружены ханива, богатый погребальный инвентарь. Эти два кургана принято считать погребениями местных вождей.

Курган №8 данной группы – круглый курган с насыпью диаметром 34 м, погребальной камерой горизонтального типа. Он был ограблен еще в древности, поэтому большая часть погребального инвентаря не сохранилась, но обнаружены фрагменты пластин от доспехов, серьги и украшения. На вершине насыпи кургана найдены скульптурные ханива в виде кабана, лошади и человека (рисунок, 8). Сооружение кургана относится к первой половине VI в. [6, с. 8].

Курган №13 также имеет круглую форму, диаметр насыпи 29 м, погребальная камера – простая, горизонтального типа. С юго-запада к вершине насыпи ведет дорога. На небольшой площадке около дороги обнаружено свыше 60 фрагментов керамики. Возможно, эта территория использовалась как площадка для проведения ритуалов перед погребением. Во рву, окружавшем курган, обнаружены многочисленные фрагменты ханива, в том числе фрагмент антропоморфной фигуры, от которой сохранилось только лицо. На щеках прочерчены линии, которые могут изображать следы татуировки. Линии, нанесенные на ханива из Кымсани, могли выполнять такую же функцию. Сооружение кургана относится к середине VI в. [6, с. 9].

Верхняя часть второго фрагмента антропоморфной глиняной скульптуры из кургана Кымсани напоминает следы головного убора, украшенного углублениями. Подобные головные уборы встречаются и на ханива, найденных в Японии. На насыпи крупного кургана Нориба (г. Ямэ, префектура Фукуока, о. Кюсю) обнаружен фрагмент ханива (рисунок, 9). Курган Нориба – это крупный, отдельно стоящий, квадратно-круглый кофун с общей длиной насыпи 60 м. Погребальная камера – горизонтального типа, с двумя следующими друг за другом комнатами. Стены комнаты оформлены росписями [7, с. 48]. Форма головного убора напоминает высокую пилотку, она имеет сходство с формой головного убора синтоистского священника.

Среди ханива, изображающих животных, образ лошади появляется сравнительно поздно – в V–VI вв. Вероятно, это связано с проникновением на территорию Японии «культуры всадников» с территории Китая и Кореи. Обладание лошадью могло свидетельствовать о высоком социальном статусе хозяина. В глиняной скульптуре лошадь, как правило, изображалась запряженной, с удилами, стремянами, седлами. Художники соблюдали пропорции тела лошади, детально прорабатывались локоны гривы, морда имела овальную форму, особое внимание уделялось глазам (рисунок, 10). Голова и круп лошади обильно украшались колокольчиками, сбруя и поводья декорировались простыми рисунками.

На вершинах насыпей курганов формировались скульптурные композиции из глиняных фигур. Антропоморфные фигуры выстраивались рядами или располагались друг напротив друга, среди антропоморфных фигур встречаются вожди, воины, женщины (предположительно шаманки), музыканты, борцы сумо. Зооморфные ханива устанавливались, как правило, группами либо рядами вокруг главной «сцены». Кроме уже упоминавшихся лошадей и куриц, известны ханива коровы, кабаны, олени, реже находят ханива обезьян и рыб.

Относительно цели расположения скульптурных композиций и отдельных ханива на погребальных комплексах на сегодняшний день имеются разные точки зрения. Однако накопленный фактический материал и итоги многочисленных исследований позволяют говорить о приоритете гипотезы, интерпретирующей ханива как отражение прижизненного окружения погребенного. При этом следует выделить два направления: в одном варианте исследователи предполагают, что ханива создавались как память об ушедшем и изображают совершаемый конкретный ритуал либо конкретные действия [8, с. 41]. Согласно второму направлению, в этих скульптурных композициях нашел отражение не один ритуал, а набор различных действий, в которых мог принимать участие умерший (ритуальные, военные, повседневные сцены, охота и т. д.) [9, с. 73]. Именно последнее предположение представляется на сегодняшний день наиболее перспективным. Однако в случае обнаружения не целостных композиций, а отдельных ханива эта теория представляется не окончательно разработанной.

Таким образом, имеющиеся сведения о курганах Японского архипелага позволяют утверждать, что курган Кымсани вполне мог иметь каменную погребальную камеру горизонтального типа. Форма насыпи, к тому времени закрепившаяся за родом Сога, может указывать на родственные связи погребенного с этим кланом. Находки глиняных скульптур позволяют говорить о классическом варианте оформления курганов в V–VI вв. на территории Японского архипелага, когда для обозначения сакрального пространства использовались цилиндрические ханива, антропоморфные изображения служили демонстрацией прижизненного статуса погребенного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хампхёнгун-ый мунхваюджок [Памятники культуры уезда Хампхён]. Мокпхо: Музей ун-та Мокпхо, 1993. 560 с. (на кор. яз.).
2. Мун Ансик, Ли Бомги, Сон Джансон, Чхве Квонхо, Лим Донджун. Хампхён Кымсанни пандэхён кобун [Квадратный курган Кымсанни в уезде Хампхён]. Наджу: Ин-т культурного наследия пров. Чолла-намдо, 2015. 152 с. (на кор. яз.).
3. Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьёва Е.А., Соловьёв А.И. Корейский полуостров и Японские острова: сложение особенностей и заимствование культурных традиций в эпоху палеометалла (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 9–17.
4. Хиросэ К. Тисики дзэро кара но кофун ню:мон. То:кё:: Гэнто:ся, 2015. 174 с. (на яп. яз.).
5. Каку Т. Ханива-но тори (Ханива-птицы) // Ко:когаку дзас-си [Археологический журнал]. Токио, 2002. Вып. 9, № 14. С. 37–52. (на яп. яз.)
6. Ханива-но ко:когаку (Археология ханива). Као: Кумамото кэнрицу со:сёку кофункан, 1994. 27 с. (на яп. яз.)
7. Фукуокакэн-но со:сёку кофун [Декорированные кофуны префектуры Фукуока]. Као: Кумамото кэнрицу со:сёку кофункан, 1997. 124 с. (на яп. яз.)
8. Сугияма С. То:гоку-но дзинбуцу ханива гундзо: то сия ги-рэй [Скульптурные группы антропоморфных ханива региона Канто и погребальные ритуалы] // Кокурицу рэкиси миндзоку хакубуцукан кэнкю: хококу. 1996. № 68. С. 20–47.
9. Вакаса Т. Ханива-но сэкай. Кодай сякай кара мэссэ:дзи [Мир ханива. Послание из древнего мира]. Токио: Кабусйкигайся Токё:бидзюцу, 2013. 80 с.

REFERENCES

1. Hampyeonggun-ui munhwa yujeok [Cultural remains of Hampyeong County]. Mokpo, Mokpo Univ. Museum, 1993, 560 p. (In Kor.)
2. Moon A., Lee B., Song J., Choi G., Lim D. Report on the excavation of the Geumsan-ni squarish mound in Hampyeong. Naju, Jeonnam Cultural Property Research Center, 2015, 152 p. (In Kor.)
3. Gnezdilova I. S., Nesterkina A. L., Solovyeva E. A., Solovyev A. I. Korean Peninsula and Japanese Islands: forming features and borrowing cultural traditions during the Paleometall epoch (materials for educational course “Foreign Asia Archaeology”). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, no. 7, pp. 9–17. (In Russ.)
4. Hirose K. Tisiki ero kara no kofun nyu: mon [An introduction to studying Kofun period]. Tokyo, Gentosha, 2015, 174 p. (In Jap.)
5. Kaku T. Haniwa-no tori [Birds' Haniwa]. *Ko:kogaku zassi*. 2002, vol. 9, no. 14, pp. 37–52. (In Jap.)
6. Haniwa-no kokogaku [Haniwa archaeology]. Kao, Kumamoto kenritsu so:shoku kofunkan, 1994, 27 p. (In Jap.)
7. Fukuokaken-no so:shoku kofun [Decorated burial mounds of Fukuoka prefecture]. Kao, Kumamoto kenritsu so:shoku kofunkan, 1997, 124 p. (In Jap.)
8. Sugiyama S. To:goku-no jinbutsu haniwa gunzo [Sculpture groups of human Haniwa of the Kanto region and burial rituals]. *Kokuritsu rekishiminzoku hakubutsukan kenkyu:hokoku*, 1996, no. 68, pp. 20–47. (In Jap.)
9. Wakasa T. Haniwa-no sekai. Kodai syakai-karano messeji [Haniwa world. A message from the past society]. Tokio, Kabushikigaisha To:kyo bijutsu, 2013, 80 p. (In Jap.)

*Статья принята
редакцией 14.03.2019*

DOI: 10.15372/HSS20190205
УДК 903.2

¹⁻²Ю.С. ХУДЯКОВ, ²А.Ю. БОРИСЕНКО

КЫРГЫЗСКИЙ БОЕВОЙ ТОПОР «АЙ-БАЛТА» ИЗ МУЗЕЯ «РАРИТЕТ» В БИШКЕКЕ*

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

²Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В составе комплекса предметов вооружения ближнего боя кыргызских воинов на Тянь-Шане важная роль принадлежала боевым топорам «ай-балта». В данной статье анализируется находка такого топора, которая хранится в собрании частного музея «Раритет» в г. Бишкеке. Прослеживаются результаты предшествующего изучения кыргызских боевых топоров. Отмечен вклад известных исследователей в изучение данного вида оружия ближнего боя кыргызских воинов. Указано, что этот боевой топор был обнаружен в Чуйской долине. В статье приведено его описание, уточнены размеры. Подчеркнуты характерные детали, которые служат основанием для отнесения данной находки к комплексу предметов вооружения ближнего боя тянь-шаньских кыргызов. Изучены имеющиеся в кыргызских эпических сказаниях сведения о применении известными батырами боевых топоров.

Ключевые слова: боевые топоры «ай-балта», кыргызские воины, Тянь-Шань, Кыргызстан, позднее Средневековье, Новое время.

¹⁻²YU.S. HUDYAKOV, ²A.YU. BORISENKO

THE KYRGYZ BATTLE-AXE “AI-BALTA” FROM THE MUSEUM “RARITY” IN BISHKEK

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

²Novosibirsk National State University,
1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article studies a finding of the Kyrgyz iron battle-axe “ai-balta” from the archaeological collection of the traditional Kyrgyz culture in Tian Shan kept in the private museum “Rarity”, that belongs to V. V. Kadyrov – a famous businessman and philanthropist in Kyrgyzstan. The museum is situated in Bishkek in the Republic of Kyrgyzstan. The paper considers main events related to the history of studying battle-axes used to arm warriors of ancient and medieval nomadic peoples and states of Central Asian historical and cultural region. The author suggests the definition of typological, chronological and cultural identity of the Kyrgyz battle-axe finding; substantiates belonging of the analyzed finding to battle-axe tools for close combat of Kyrgyz warriors in Tian Shan, that relate to historical periods of the late Middle Ages and Modern era. The battle-axes “ai-balta” had a prominent element as a part of close combat armament complex available to Kyrgyz warriors in the territory of Tian Shan and adjacent regions during the mentioned period. Such battle-axes had wide rounded blades with curved tips after which they were named. They were fixed on the long wooden handles. Kyrgyz warriors attacked their adversaries using battle-axes in a close combat. Applying battle-axes by the Kyrgyz warriors to deliver striking blows to their opponents is reflected in the Kyrgyz epos. Similar combat clashes using battle axes of Kyrgyz are described in the Kyrgyz heroic epic “Manas”. The studied battle-axe from the museum «Rarity» is an

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский университет, e-mail: khudjakov@mail.ru.

Алиса Юльевна Борисенко – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский университет, e-mail: aborisenko2@mail.ru.

Yulii S. Khudjakov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk National State University.

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Novosibirsk National State University.

important source of weapons history of the Kyrgyz warriors of the late Middle Ages and Modern era. The Kyrgyz warriors used such weapon while attacking their opponents on horseback. The battle axes "ai-balta" were used by the Kyrgyz warriors in the Tien Shan and Semirechie up to the chronological period of ethnographic modernity.

Key words: battle-axes "ai-balta", Kyrgyz warriors, Tien Shan, Kyrgyzstan, late Middle Ages, Modern era.

В составе комплекса предметов вооружения ближнего боя кыргызских воинов, проживавших на Тянь-Шане в позднее Средневековье и Новое время, важное место принадлежало железным боевым топорам, крепившимся на длинных деревянных рукоятях, которые назывались «ай-балта». Вероятно, такие топоры могли использоваться кыргызскими воинами для нанесения рубящих и оглушающих ударов по своим противникам в ходе ближних и рукопашных боев.

Изучение военного дела и вооружения кыргызов Тянь-Шаня в российской науке началось во второй половине XIX в. Определенное внимание уделялось и боевым топорам. Среди первых исследователей, осматривавших кыргызские погребальные памятники с оставленными на них отдельными предметами вооружения во время поездки в 1856 г. на оз. Иссык-Куль, был известный казахский ученый Ч.Ч. Валиханов, находившийся на российской военной службе [1, с. 330–331]. Ему принадлежит статья, посвященная описанию вооружения и военных доспехов «киргизов» [2, с. 35–39]. Однако общепризнанно, что данные материалы должны относиться к вооружению казахов, которых в предшествующий исторический период в России называли «киргизами» или «киргиз-казахами».

В 1857 г. экспедиционную поездку на Тянь-Шань, в том числе на оз. Иссык-Куль, совершил российский географ П.П. Семенов, получивший в дальнейшем к своей фамилии дополнение «Тян-Шанский» [3, с. 182–183]. Находившийся в составе этой экспедиции художник П.М. Кошаров сделал очень точные, информативные зарисовки предметов, касающихся традиционного образа жизни и материальной культуры кыргызов. Среди зарисовок видов кыргызского оружия представлено два вислообушных боевых топора с плавно закругленными лезвиями, закрепленными на длинных деревянных рукоятях, которые С.М. Абрамзон назвал «боевыми топориками» [4, с. 153, отд. IV, табл. VIII]. Этот исследователь привел мнение участника данной экспедиции Г. Бардашева, упомянувшего наряду с саблями, пиками и ружьями кыргызов, ударные боевые «ай-балта» (род топора) [5, с. 154].

Известный тюрколог В. Радлов, посетивший в 1860-х гг. Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину, отметил, что кыргызы Тянь-Шаня обладают особым, «воинственным» характером, отличавшим их от казахов. Он связывал его с особым способом кочевания – не отдельными семьями, а целыми родами. Это позволяло кыргызам «в течение нескольких часов привести армию в полную боеготовность» [6, с. 348]. Среди разных видов оружия кыргызских воинов исследователем упомянуты ружья «кокандской работы», а также копьё, палицы и секиры – «ай-балта» [6, с. 353–354].

Важные сведения о военном деле тянь-шаньских кыргызов были собраны первым из кыргызских историков – Б. Солтоноевым, Среди различных видов оружия, которые использовали кыргызские воины, им названы «бердыши». В обычных повседневных условиях кыргызские воины вешали «бердыши» на луку седла своего боевого коня [7, с. 402–404]. Вероятно, под «бердышами» Б. Солтоноев имел в виду боевые топоры – «ай-балта» кыргызских воинов.

В течение нескольких десятилетий, в середине и второй половине, XX в. исследователи реконструировали особенности вооружения и военного искусства кыргызов Тянь-Шаня на основе изучения кыргызских эпических источников, сказаний кыргызского героического эпоса «Манас». В специальной статье С.М. Абрамзона рассмотрены некоторые особенности военной организации и техники кыргызов, сведения о них почерпнуты из кыргызского героического эпоса «Манас». По мнению ученого, основу кыргызского войска составляла легкая конница. В дальнейшем с появлением лат стали применяться луки и бронебойные стрелы, и «части спешенных воинов, действующих во взаимодействии с подвижной конницей» [4, с. 170–171]. С.М. Абрамзон проанализировал рисунки П.М. Кошарова, на которых изображены различные виды оружия кыргызских воинов, в том числе боевые топоры [5, с. 154].

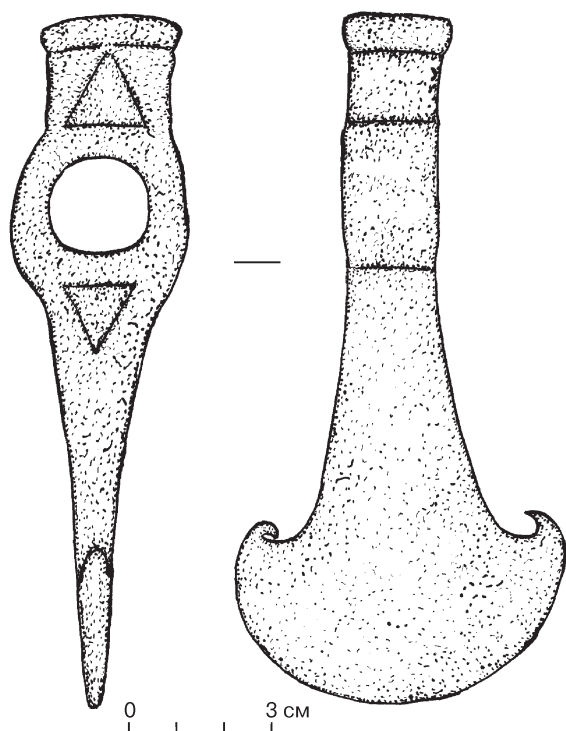
В процессе анализа образа главного героя кыргызского эпоса, батыра и полководца Манаса, кыргызский исследователь С. Мусаев описал разные виды его оружия, в том числе богатырский боевой топор «ай-балта», который исследователь назвал «бердышом» [8, с. 159–161]. В одном из монографических исследований известного кыргызского ученого И.Б. Молдобаева, посвященных анализу кыргызского героического эпоса, было уделено определенное внимание кыргызским боевым топорам «ай-балта» [9, с. 122–123].

Боевые топоры – «ай-балта» кыргызских воинов упомянуты среди других видов оружия кыргызских воинов в последнем издании обобщающего труда по истории Кыргызстана [10, с. 611].

Важным источником по истории изучения оружия кыргызских воинов, в том числе боевых топоров, являются музейные коллекции в некоторых городах Кыргызстана и России.

Боевые топоры «ай-балта» из собраний музея «Манас Ордо» в Таласской долине в Кыргызстане и Русского этнографического музея в г. Санкт-Петербурге в России были рассмотрены и проанализированы одним из авторов настоящей статьи [11, с. 128].

В данной статье рассматривается еще одна, достаточно редкой формы, находка боевого топора «ай-балта», происходящая из Чуйской долины. Топор

Кыргызский боевой топор «ай-балта» из собрания музея «Раритет» в г. Бишкеке.

хранится в собрании частного музея «Раритет», созданного известным кыргызстанским бизнесменом В.В. Кадыровым. Этот музей находится в г. Бишкеке в Республике Кыргызстан.

У данного боевого топора выделяется сравнительно невысокий, неправильной подквадратной в сечении формы с закругленными углами обух, окаймленный по верхнему краю небольшим, выступающим над обухом полуовальным бортиком. На передней торцевой стороне на поверхности обуха имеется небольшое треугольное углубление, направленное одним из своих углов к верхнему бортику, а двумя другими в сторону проуха. Ниже обуха расположен округлый в сечении кольцевидный проух со сквозным округлым отверстием, предназначенным для закрепления в нем удлиненной деревянной рукояти. Ниже проуха находится железный ударный клин боевого топора, вытянутый к расширенному, полукруглому, сферическому лезвию с круто загнутыми, приостренными окончаниями с обеих сторон. С внешней торцевой стороны на поверхности клина боевого топора имеется треугольное углубление, ориентированное одним из углов в сторону лезвия топора, аналогичное такому же углублению на поверхности обуха, только ориентированному одним из углов в противоположную сторону от проуха (рисунок, 1, 2). Высота обуха с бортиком 2,2 см, ширина обуха по верхнему краю бортика 2,7 см. Высота проуха 3 см, отверстие для закрепления деревянной рукояти 2 см. Длина клина

8,8 см, ширина острия 8,7 см. По форме сферического лезвия данный боевой топор вполне соответствует своему названию – «ай-балта».

Применение в военных целях боевых топоров воинами кочевых народов на территории Центрально-Азиатского культурно-исторического региона охватывает длительный исторический период. Согласно заключению, предложенному на основе изучения в предшествующие годы развития оружейных комплексов древних народов стран Востока известным историком военного дела М.В. Гореликом, боевые топоры были одним из самых древних видов оружия ударно-дробящего действия, применявшегося в историческом прошлом воинами Центрально-Азиатского историко-культурного региона в условиях ведения ближних боев [12, с. 41].

На территории Чуйской долины в Кыргызстане бронзовые вислообушные топоры, часть которых имеет на проушной части своеобразный геометрический орнамент, обнаружены в памятниках алакульского этапа андроновской культуры эпохи развитого бронзового века [13, с. 61]. Такие вислообушные топоры двух типов имелись в составе бронзовых металлических изделий в Шамшинском и некоторых другихкладах предметов из бронзы на территории Тянь-Шаня и Семиречья [10, с. 113].

В эпоху раннего железа различные бронзовые и железные боевые топоры и чеканы, с длинными деревянными рукоятями служили эффективными видами оружия ближнего и рукопашного боя у сакских воинов Притяньшанья.

В научно-популярном очерке, посвященном изучению археологических памятников древнего и средневекового населения Кыргызстана, при описании оружия саков упомянут такой его вид, как железный клевец или чекан, использовавшийся в качестве боевого топорика [14, с. 29]. К предметам вооружения ближнего боя саков исследователями отнесены также бронзовые проушные топоры с расширенным лезвием и уплощенным обухом [15, рис. 19].

Среди предметов вооружения культуры сакских номадов описаны бронзовые и железные боевые топоры – чеканы с узким, вытянутым, приостренным бойком, и возвышенным обухом, а также крепившимся к противоположному окончанию рукояти, удлиненным, клиновидным втоком с закругленным, уплощенным окончанием [16, с. 69; рис. 63].

Разнообразными видами оружия ближнего и рукопашного боя, а также эффективными средствами индивидуальной металлической защиты обладали воины кенкольской культуры гуннского времени, памятники которой распространены на территории Тянь-Шаня, Семиречья и Синьцзяна. Однако во многих изученных археологами воинских погребальных комплексах кенкольской культуры чеканы и другие виды боевых топоров не были обнаружены [17, с. 99]. На одном из гравированных рисунков на поясной пластине из Орлатского могильника, относящегося к первой половине I тыс. н.э., имеется изображение воина, наносящего

удар своему противнику боевым топориком с вытянутым, приостренным клином – клевцом, названным «табар-загнулом» [18, с. 150].

В раннее и развитое Средневековье железные боевые топоры со сферическим лезвием и невысоким обухом, находились на вооружении и у древнетюркских и карлукских воинов на Тянь-Шане и в Семиречье [19, с. 201]. У древних тюрков, населявших горные и равнинные районы Алтая, в течение эпохи раннего Средневековья, на вооружении были грацильные, высокообушные боевые топоры некоторых форм [20, рис. 69, 1–3]. У енисейских киргизских воинов в периоды раннего и развитого Средневековья находились на вооружении высокообушные и низкообушные боевые топоры [21, с. 129]. В течение эпохи позднего Средневековья и Нового времени у киргизских воинов на Тянь-Шане получили распространение и широко применялись в ближних и рукопашных боях боевые топоры «ай-балта» [20, с. 128].

В пользу датировки исследуемого железного боевого топора эпохой позднего Средневековья и Нового времени может свидетельствовать достаточно похожая по форме находка секиры с невысоким, округлым в сечении, обухом, неправильно овальной формы проухом и расширенным к лезвию клином со сферическим лезвием и круто загнутыми концами [11, рис. 2, 3].

Важные сведения о применении боевых топоров «ай-балта» в ближних и рукопашных боях содержатся в сказаниях киргизского героического эпоса «Манас». Среди основных видов оружия, которые, как отмечено в эпосе, умело использовал в боях с противниками главный герой и военачальник киргизского войска Манас, названа секира [22, с. 493–495]. В составе киргизских воинов, к которым обращался полководец Манас, были не только воины, которые в ходе ближних боев умело владели копьем, но и те, кто эффективно сражался булавой, а также «искусно рубится саблём» и «секирой умело владеет» [22, с. 340–341]. В ходе поединка калмакская и джунгарская воительница Сайкал и выдающийся киргизский батыр Манас первоначально сражались копьями, а затем атаковали друг друга боевыми топорами [22, с. 368–372]. В описанном в эпическом сказании поединке киргизский батыр Абылды и калмакский зайсан Кегети сначала атаковали друг друга копьями, а затем взяли в руки мечи, после чего стали нападать на своего противника с помощью секир. Однако никто из них так и не смог одержать победы над противником [22, с. 428–430].

Судя по имеющимся материалам, исследуемая в настоящей статье находка железного боевого топора «ай-балта» из собрания частного музея «Раритет» должна относиться к позднему Средневековью илиначальному периоду Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Глав. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 306–357.

2. *Валиханов Ч.Ч.* Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Глав. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 35–39.

3. *Семенов П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1946. 256 с.

4. *Абрамзон С.М.* Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. 1. С. 167–180.

5. *Абрамзон С.М.* Этнографический альбом художника П.М. Кочарова (1857 г.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. XIV. С. 148–167.

6. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 749 с.

7. *Солтоноев Б.* Из древней истории киргизов // Кыргыз: источники, история, этнография. Бишкек: Изд-во «Шам», 1996. С. 395–404.

8. *Мусаев С.* Эпос «Манас»: науч.-поп. очерк. Фрунзе: Изд-во «Илим», 1979. 205 с.

9. *Молдобаев И.Б.* Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе: Изд-во «Илим», 1989. 152 с.

10. История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1984. Т. I. 798 с.

11. *Худяков Ю.С.* Оружие ближнего боя у киргизов Тянь-Шаня в позднее Средневековье и Новое время // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 125–131.

12. *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.: Наука, 1993. 349 с.

13. *История Киргизской ССР.* Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1968. Т. I. 708 с.

14. *Мокрынин В.П.* По следам прошлого. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1986. 128 с.

15. *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе: Изд-во «Илим», 1988. 192 с.

16. *Таибаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

17. *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.

18. *Пугаченкова Г.А.* Древности Минакаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1989. 204 с.

19. *Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.* Коллекция средневекового оружия из музея «Манас Ордо» в Таласской долине Кыргызстана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 197–208.

20. *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.

21. *Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.* Железный боевой топор из собрания музея Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 3: Археология и этнография. С. 127–132.

22. *Манас.* Киргизский героический эпос. М.: Вост. лит., 1988. Кн. 2. 688 с.

REFERENCES

1. *Valikhanov Ch.Ch.* Journal of a trip to Lake Issyk-Kul in 1856. *Valikhanov Ch.Ch. Sbornie sochineniy v piati tomakh.* Alma-Ata, 1856, vol. 1, pp. 306–357. (In Russ.)

2. *Valikhanov Ch.Ch.* Kirghiz arms in ancient times and their military armor. *Valikhanov Ch.Ch. Sbornie sochineniy v 5 tomakh.* Alma-Ata, 1856, vol. 4, pp. 35–39. (In Russ.)

3. *Semenov P.P.* The travelling to Tien Shan in 1856–1857. Moscow, Gos. Izd-vo geograf. lit., 1946, 256 p. (In Russ.)
4. *Abramzon S.M.* Features of military organization and technique of the Kyrgyz people (based on historical and ethnographical data and “Manas” heroic epos). *Trudy Instituta yazyka, literature i istorii Kirgizskogo filiala AN SSSR*. Frunze, 1944, iss. 1, pp. 167–180. (In Russ.)
5. *Abramzon S.M.* The ethnographical album of artist P.M. Kosharov (1857). *Sbornik Muzeia antropologii i ethnographii*. Leningrad, 1953, vol. 14, pp. 148–167. (In Russ.)
6. *Radlov V.V.* From Siberia. The diary pages. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (In Russ.)
7. *Soltoinoiev B.* From the Kyrgyz people’s ancient history. *Kyrgyzy: istochniki, istoria, ethnographiya*. Bishkek, 1996, pp. 395–404. (In Russ.)
8. *Musaev S.* “Manas” epos. A popular scientific essay. Frunze, Ilim, 1979, 205 p. (In Russ.)
9. *Moldobaev I.B.* The epos “Manas” as a source to search spiritual culture of the Kyrgyz people. Frunze, Ilim, 1989, 152 p. (In Russ.)
10. *Ploskikh V.M. (ed.)* The History of the Kyrgyz SSR since ancient times to the mid XIX century. Vol. 1. Frunze, Kirgizstan, 1984, 789 p. (In Russ.)
11. *Khudyakov Yu.S.* The short-range weapon of the Kyrgyz people of Tian Shan in the late Middle Ages and Modern time. *Voyennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni*. Astana, 2013, pp. 125–131. (In Russ.)
12. *Gorelik M.V.* Weapons of the Ancient East (IV millenium – IV century BC). Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (In Russ.)
13. *Kozhombardiev I.K.* The history of the Kyrgyz SSR. Frunze, Kyrgyzstan, 1968. Vol. 1, 708 p. (In Russ.)
14. *Mokrynin V.P.* Tracing the Past. Frunze, Kirgizstan, 1986, 128 p. (In Russ.)
15. *Mokrynin V.P., Ploskikh V.M.* Issyk-Kul: submerged cities. Frunze, Ilim, 1988, 192 p. (In Russ.)
16. *Tashbaeva K.I.* The culture of early nomads of Tyan-Shan and Alay (I millennium BC). Bishkek, Ilim, 2011, 274 p. (In Russ.)
17. *Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S.* The arm complex of the Kenkol warrior. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii*. Novosibirsk, 1987, pp. 75–106. (In Russ.)
18. *Pugachenkova G.A.* Antiquities of Minakal'. Works of the Uzbek art history expedition. Tashkent, Fan, 1989, 204 p. (In Russ.)
19. *Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh.* The Collection of Medieval arms from the museum “Manas Ordo” in the Talas Valley (Kyrgyzstan). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: istoria, filologia*, 2014, vol. 13, no. 5, Archaeologia i ethnographiya, pp. 197–208. (In Russ.)
20. *Gorbunov V.V.* Military science of population of the Altai Mountains in the III–XIV centuries. Pt. 2: Offensive armament (weapon). Barnaul, 2006, 232 p. (In Russ.)
21. *Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh.* A battle axe from the collection of the Museum of Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: istoria, filologia*, 2016, vol. 15, no. 3, Archaeology and Ethnography, pp. 127–132. (In Russ.)
22. *Manas*. The Kyrgyz heroic epos. Bk. 2. Moscow, Vost. lit., 1988, 688 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.04.2019

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190206
УДК 572.9

А.К. САЛМИН

ДВЕ КУРЬЕЗНЫЕ ВЕРСИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
РФ, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Помимо основных версий о происхождении чувашского народа имеются весьма курьезные. В статье рассматриваются две версии – сяньбийская и ухуаньская. Как известно, эти племена обитали и кочевали в Южной Сибири. Еще до нашей эры выделились из союза племен дунху. Сяньби изначально населяли северо-восточную часть Внутренней Монголии. Их идентификация с предками чувашей (савары/савиры) опирается лишь на сомнительное созвучие этнонимов. Ухуани в истории известны по взаимоотношениям с сяньби и северокитайскими племенами.

Автор, проведя комплексный историко-антропологический анализ, приходит к мнению, что ни одна из двух версий (ни сяньбийская, ни ухуаньская) не имеет никакого отношения к истории происхождения чувашского народа.

Ключевые слова: Южная Сибирь, дунху, сяньби, ухуани, хунну, савары, савиры, чувашаи, этногенез.

A.K. SALMIN

TWO CURIOUS VERSIONS OF THE ORIGIN OF THE CHUVASH PEOPLE

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS,
3, University Emb., St-Petersburg, 199034, Russian Federation

Apart from the main versions of the origin of the Chuvash people, there are quite curious ones. The article deals with two versions: Syanbi and Yuhuan. As is well known, those tribes lived and migrated in South Siberia. Syanbi which were ancient Mongolian nomads originally lived in the north-eastern part of Internal Mongolia. They separated from the Donghu tribal confederation as early as before Christ. It is common knowledge that originally Syan-bi is not an ethnographic name, but a geographic one. Peoples of the Syanbi race named themselves by the names of those mountains and valleys where they lived. In this particular case, the mountain Syan-bi-shan is meant, now it is called Great Khingan Mountain. It is believed that Syanbi, Uhuani and Donghu were ancient Mongolian tribes. The relation of the ethnonym *syانبi* with **sebir* is just one of a number of working hypotheses of the Chuvash origin which is far from being irreproachable. Anyway, in the 4th century, the Syanbi were still the northern neighbours of China, and by the 6th century they dispersed among the tribes of the southern part of West Siberia and China. The historical ancestors of the Chuvash (Savars/Savirs) were fixed in the Caucasus no later than the 2nd century A.D. Even if we leave aside all other aspects of ethnogenesis, identification of Savirs/Suvars with Syanbi in the spatiotemporal terms is untenable. This assumption only relies upon the remote and doubtful consonance of the ethnonyms. Uhuani belong to the Montolian anthropological family and trace their origin to the Donghu tribes. They are known in history by their relations with Syanbi and North Chinese tribes. The attempt to identify the Uhuani with East European Ogur tribes is untenable. Orientalist scholars tend to believe that Uhuani are ancestors of Avars. Such being the case, the attempt to speak of Uhuani as historical ancestors of the Chuvash is absolutely hopeless. Using an integrated historical and anthropological analysis the author comes to conclusion that none of the two versions (Syanbi and Uhuani ones) have any relevance to the history of the Chuvash people's origin.

Key words: South Siberia, *dōnghú*, *xiānbēi*, *wūhuán*, *huns*, *savars*, *savirs*, *chuvash*, *ethnogenesis*.

Антон Кириллович Салмин – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, e-mail: antsalmin@mail.ru.

Anton K. Salmin – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS.

Сяньбийская версия. Речь идет о возможности или невозможности идентификации племени сяньби в качестве сибирских предков чувашей. Известно, что сяньби выделились из союза племен дунху. «Жили в горах Сяньби, отсюда и наименование» [1, с. 143]. Общеизвестно, что сяньби – название изначально не этнографическое, а географическое. Сяньбийские племена называли себя по имени тех гор и долин, в которых жили. В данном случае имеется в виду гора Сянь-би-шань [2, S. 59], современное название – Большой Хинган. Полагают, что сяньби, ухуани и дунху были древнемонгольскими племенами. Во то время как в области Кукунора и верховий Хуанхэ сяньби-муоуны достигли наивысшего могущества, к северу от них утвердились сяньби-тоба. Их первоначальной родиной была долина р. Онон (ныне – территории Забайкальского края). До II в. н.э., считает Питер Голден, сяньби концентрировались в Восточной Монголии – Западной Маньчжурии [3, р. 50].

Поль Пельо транскрибировал китайское произношение этнического термина *Sien-peï* как *Sarbi, Širbi, Širvi* [4, р. 35]. Омельян Прицак писал, что около 150 г. н.э. *Hsien-pi/Säbirs/Sabart-oi* одержали победу над северными провинциями Китая, но в III в. они сами должны были искать себе безопасное место, переселяясь на запад, в бассейн рек Оби и Иртыша (где ханты и манси живут до сих пор). Обратим внимание на то предложение, где О. Прицак констатирует, что *Hsien-pi* (сяньби) в бассейне Обь-Иртыш оставались достаточно долгое время и дали территории свое собственное имя *Сибирь*. Тут сяньби-себиры, утверждал О. Прицак, образовали симбиоз с местным населением, с их культурой такой, что в дальнейших миграциях их элементы сохраняли долгое время. Такова точка зрения О. Прицака и некоторых его предшественников. Правда, Поль Пельо и Омельян Прицак нигде не идентифицируют эти племена с предками чувашей.

Согласно О. Прицаку, будущие венгры (т.е. управляющие ими слои общества) прежде были *Σάβαρτοι сабарты*, после этого они (т.е. управляющие ими слои общества) были протомонгольскими *Sien-pi (Säbir)*. Поэтому второе название должно быть выведено из монгольского языка [5, р. 22]. Далее О. Прицак использует комбинации *Hsien-pi/Säbirs, Sabart-oi*, т.е. *Säbär-/Säbir (Hsien-pi), Säbir/Hsien-pi, Hsien-pi = Säbir*. С.Г. Кляшторный, ссылаясь на работу Э. Пуллиблэнка и устную консультацию с С.Е. Яхонтовым, писал, что реальное произношение *сяньби/сяньбей* может быть восстановлено как *сэрби/сэрви* [6, с. 48]. В личном электронном письме к автору публикуемой статьи Питер Голден в 2014 г., в частности, признал: «Я считаю связь этнонима *сяньби* с **себир* (< *сэрби* с метатезой) возможной, но еще лишь одной из нескольких далеко небезупречных рабочих гипотез [происхождение чувашей]».

В 2008 г., будучи в Китае, Н.И. Егоров имел беседу с доктором Гуй Баоли. Она сообщила, что сяньби (*Xianbi/Xianbei*) из древнекитайских династийных хроник соответствуют сабирам византийских и других

западных источников. Однако Н.И. Егоров обратился за консультацией по этому же вопросу к венгерскому профессору Андрашу Рона-Ташу. Венгерский исследователь ему ответил, что к сближению сяньби (*Xianbi/Xian bei = *sengbig*) он относится скептически [7, с. 133].

Тем не менее имеется соблазн через *сяньби* и *сабир* выйти на прямых предков чувашей. Так, в китайской префектуре Баотоу есть уезд *Гуян*. Его древнее звучание было *k'uo-iän (Ку-янь-гу)*, что в переводе значит «Долина Ку-янь». Ю.А. Зуев полагает, что *куян* восходит к тюркскому «заяц» и связывает его с ханскими родами сюнну-гуннов и сяньби-сабиров [8, с. 114]. К тому же *куян* и на чувашском языке – «заяц». Такую гипотезу принимают за чистую монету исследователи исторических предков чувашей. Более того, в цитируемые древние источники вписывают желаемые им этнонимы. Например, Антей Илитвер пишет: «Сяньбийцы, пришедшие на Алтай, стали преследовать и в буквальном смысле вылавливать и уничтожать оставшихся в “Западном крае” савиров (людей европеоидного типа)» [9, с. 131]. Во-первых, согласно этой цитате, сяньби и савиры – два разных племени. Во-вторых, Антей Илитвер дает ссылку на Н.Я. Бичурину, а у уважаемого синоведа ни на указанной странице и ни в одной принадлежащей ему книге не упоминаются савиры. В.В. Степанов идентифицирует суваров и сяньбийцев. Он считает *сяньби* протозтнонимом *сувар* и использует схему «хунны, сувары, болгары > сюнну, сяньби, ухуань» [10, с. 122]. Свои мысли он дальше не развивает, не прибегает к ссылкам, а высказывает гипотезу априорно.

Сяньбийцев-тоба китайцы отличали по плетению косы. О сяньбийцах-муоунах таких сведений нет. А это свидетельствует о глубоких этнографических различиях между двумя сяньбийскими племенами. Этот признак косоплетов сяньби-тоба позволял им отличаться от тюркских племен [11, с. 32,56]. Заметим, что *тоба* (или *табгачи*) являются основателями династии Тоба-Вэй (= Северный Вэй). Отмечают, что сяньби отличались темпераментностью. С одной стороны, они были жестоки и для достижения цели не жалели и своих близких родственников. С другой стороны, не было в Центральной Азии народа более доблестного, самоотверженного и незлобивого.

Согласно Ширатори Куракити, В.С. Таскину и Е.И. Кычанову, сяньби первоначально занимали земли в верховьях Амура. В 87 г. они разбили северных хунну и захватили их шаньюя. Сяньби замучили его самым варварским способом, содрав с него кожу. В 93 г. овладели почти всей Халхой и выступили на историческую арену преемниками могущества хунну. В 118 г. сяньби большими силами вторглись в Чжэньскую провинцию Китая, предавая огню и мечу города и селения. Основателем клана сяньбийских правителей был Таньшихуай. Он сумел объединить под свою власть все сяньбийские племена. Харизматический Таньшихуай вскоре опустошил пограничные земли Китая, подмял под себя динлинов,

присоединил к себе большую часть хунну. В начале II в. между сяньби и Китаем был составлен договор о торговых отношениях. Два сяньбийских *даженей* (правителя) получили китайские титулы князей – командующих войсками и народом. К этому времени сяньбийская армия «натягивающих луки» насчитывала несколько десятков тысяч всадников. Таньшихуай разгромил государство в центре Маньчжурии, динлинов и усуней и овладел бывшими землями сунну. Испугавшись, Китай предложил Таньшихуаю мир и родство. Но тот отверг его предложение. После Таньшихуая наступило смутное время. Однако через полвека в восточной части Монголии народилось сильное государство Муюнов.

К 318 г. Муюн хан смог объединить сяньбийские племена и добиться признания китайцами. При реформаторе Кэбинене сяньби от китайских перебежчиков научились письму, изготовлению вооружений. Армия состояла из 100 тыс. всадников, вооруженных луками. В начале III в. Кэбинен предложил другому сяньбийскому вану (предводителю) мир и родство [12, с. 68–71]. В V в. сяньбийский император Тоба Хун, окружив себя китайцами и перенив все обычаи китайского двора, издал указ, воспрещавший ношение хорского (т.е. сяньбийского) одеяния и употребление при дворе хорского языка [13, с. 175]. Последние упоминания о тоба-сяньби относятся к самому началу VI в.

Основными противниками сяньби были хунну и китайцы. С одной стороны, завладение степными просторами Западной Сибири, населенными воинственными уграми, как писал Л.Н. Гумилев, весьма усилило хунну. С другой стороны, хунну сильно мешали сяньби. А после того как в 93–94 гг. 100 тыс. хуннских семейств приняли народное название *сяньби*, еще более усилились последние. В 177 г. китайцы решили нанести сяньби сокрушительный удар. Они напали на сяньби с 30-тысячным войском. Однако сяньби не стали маневрировать, как хунну, а встали грудью и разбила войска китайцев [14, с. 223, 238].

Исследование сяньбийской проблемы этнографами только начинается. Археология также делает первые шаги. Например, отряд Новосибирского государственного университета изучал крупный могильник таштыкской культуры, расположенный на левом берегу Енисея у устья речки Чегерак. Могильник соответствует данным письменных источников начального периода существования сяньбийского объединения. Например, известно, что в середине II в. н.э. вождь Таньшихуай на севере отразил динлинов. На могильнике найдены наконечники стрел и колчаные крюки. По крайней мере, хунну явно знали такие предметы оружия дальнего боя. После поражения от сяньби в 93 г. они частично вошли в состав данного племенного объединения. Они и могли передать такое оружие сяньби. С этого времени начинается эпоха могущества сяньби. Однако для точного ответа на вопрос об этнической принадлежности предметов оружия с могильника Чегерак предстоит изучить весь предметно-вещевой комплекс [15, с. 224–231].

Весьма интересны рассуждения А.Н. Бернштама относительно сяньби и их соседей. Он указывал на конкретные этнические названия, встречающиеся у Н.Я. Бичурина в труде «Собрание сведений...», и находил некоторые отождествления древних народов с этнической принадлежностью современного населения тех же районов ошибочными. «Так как на территории расселения монгольских племен действовали до господства монголов различные племена – гунны, сяньби, жужане, тюрки-тугю, уйгуры и другие, то они, по Бичурину, являлись не чем иным, как монгольскими племенами. И Бичурин – страстный поклонник и защитник теории монгольского происхождения всех этих народов» [16, с. XXXVIII]. Тут, видимо, скорее прав А.Н. Бернштам, чем Н.Я. Бичурин. Еще более интересны высказывания А.Н. Бернштама о возможности идентификации древних племен с современными. Так, он писал, что цзюешэ – это кыпчаки, ху-дэ – остяки, а динлины были предками енисейских остяков [16, с. XLVIII]. Однако все это несколько не отменяет монголоидность сяньби. Монголами их считали не только Н.Я. Бичурин, но также Ширатори Куракичи и Г.Е. Грумм-Гржимайло. Также известно, что сяньби – это восточные дунху (т.е. восточные ху), от них отделились табгачи и роураны/авары. А говорили все эти племена на прамонгольском языке [17, р. 191–207].

Во всяком случае, по состоянию на IV в. сяньби продолжали оставаться северными соседями Китая, а к VI в. они растворились среди племен юга Западной Сибири и Китая. А исторические предки чувашей – савары/савиры – не позднее II в. н.э. зафиксированы на Кавказе [18]. Таким образом, даже оставив в стороне все другие аспекты этногенеза, идентификация савир/сувар с сяньби в пространственно-временном плане несостоятельна. Оправдать несвязную картину можно только при одном допущении: часть (большая или меньшая – сказать невозможно) племенного объединения сяньби в середине I в. до н.э. – в середине I в. н.э. могла отойти от массы и уйти в Европу.

В пользу такой версии можно отнести множественность родов сяньбийских племен. В земли китайцев проникали с боями не более десяти князей, в то время как у них было свыше 120 князей. По этому поводу Г.Е. Грумм-Гржимайло справедливо заметил: «Сяньбийцы в эту эпоху (до Таньшихуая. – А.С.) распались на множество родов, не объединенных между собой и преследовавших каждый свою собственную политику» [13, с. 159]. Хотя дорога на запад для сяньби не была закрыта, их миграция в этом направлении не была замечена [3, р. 53]. Исходя из названных причин, сяньби не могли быть в Европе одновременно с савирами и раньше хунну. В любом случае, о передвижении сяньбийских племен на запад никаких источников не имеется. Они в Восточную Европу не проникали вообще.

Из контекста видно, что сяньби никак не могли быть прямыми предками чувашей, что имеет место в историографии этногенеза чувашей. Но, главное, – сяньби были антропологическими монголами,

что явно не увязывается с характеристиками чувашей. Следует признать, что соблазн идентификации предков чувашей савиров с племенами сяньби опирается лишь на далекое и сомнительное созвучие. В силу указанных причин попытка идентификации сяньби с предками чувашей несостоятельна.

Ухуаньская версия. В начале династии Хань (конец III в. до н.э.) хуннский правитель Модэ уничтожил правящий Дом дунху. Оставшиеся дунху жили возле Ухуаньских гор, от которых и произошло их название – *Ouhouan* [2, S. 59]. По определению В.С. Таскина, тогда ухуани занимали монгольские земли в бассейне верхнего течения Амура [19, с. 7]. Дом ухуань имеет прямое продолжение Дома Татар-хана и Дома дун-ху. Дом сяньби составлял его боковую линию. Они искусны в конной стрельбе из лука, занимались ловлей зверей и птиц. Переходили со скотом с места на место, в зависимости от обилия травы и воды, постоянного места пребывания не имели. Однако возделывали просо. Кто был храбр, силен и способен разбирать спорные дела, того ставили начальниками родов, наследственной преемственности у них не было. Роды постоянных имен не имели, имя сильнейшего старейшины обращали в название рода. Рабский труд не применялся, каждый сам пас свой скот [20, с. 142–143].

Между 77 и 73 гг. до н.э. ухуани осквернили могилы покойных хуннских шаньюев. Хунну отправили 20-тысячную конницу для наказания ухуаней. Китайцы, узнав об этом, выдвинули против хунну 20 тыс. всадников. Но хунну, получив известие о выступлении китайских войск, ушли обратно. Тогда китайцы напали на ухуаней. Было порублено до 6 тыс. ухуаней и взято три князя в плен. В 58 г. до н.э. ухуани на восточной границе напали на Гуси-князя и увели много народа. В 114 г. ухуаньский пристав Дын-Цзунь определен главным китайским приставом южных хуннов. В 166 г. ухуани, сяньби и южные хунну произвели набег на девять пограничных областей Китая. Однако хуннский пристав Чжан Хуань выступил против них, и они все ушли за укрепленную линию [20, с. 79–80, 85].

Как считал В.С. Таскин, ухуани находились на пути создания государства, однако в 207 г. н.э. потерпели сильное поражение от китайцев. После этого более 10 тыс. юрт было переселено во внутренние районы Китая. Там они постепенно ассимилировались китайцами.

Н.И. Егоров пытается идентифицировать ухуаней с восточноевропейскими племенами огурского круга. Его гипотеза опирается, как он сам объясняет, на *p*-язычных древних тюрков болгаро-чувашского типа. Такой тип языка, по Н.И. Егорову, сформировался в Центральной Азии задолго до н.э. В качестве неоспоримого доказательства он называет огурские лексические заимствования субстратного характера (около 1500 слов) в монгольских языках. «Все это, вкупе с чувашско-ухуаньскими этнокультурными параллелями, является достаточно веским аргументом для отождествления ухуаней (*Wuhuan*) китайских династических

хроник Ханьской эпохи с тюркоязычными *огурами*, исторические потомки которых в V в. н.э. попадают на страницы византийских и сирийских исторических источников» [7, с. 153–154]. Цель Н.И. Егорова – найти обоснование для идентификации ухуаней с предками чувашей. Однако востоковеды склонны считать ухуаней предками аваров. Например, Эдвин Пуллиблэнк, С.Е. Яхонтов и С.Г. Кляшторный полагают, что этноним *ухуань* является «хорошей транскрипцией» этнического термина *авар* [6, с. 47]. «Фонетическое тождество полное, и существуют веские доказательства в пользу существования связи между этими (*ou-Hwan* и *Awar* – А.С.) народами» [21, с. 54]. В таком случае попытка говорить об ухуанях как об исторических предках чувашей теряет всякие надежды.

ВЫВОДЫ

Как показано, сяньбийской проблематикой до сих пор занимались Н.В. Кюнер, М.А. Кастрен, А.Н. Бернштам, Г.Е. Грум-Гржимайло, Л.Н. Гумилев, Е.И. Кычанов, С.Г. Скобелев, А.В. Вовин. Сторонники сяньбийской версии происхождения чувашского народа (Поль Пельо, Омельян Прицак, С.Г. Кляшторный, Н.И. Егоров, Ю.А. Зуев) выдвигают такие этимологические варианты, как *Sien-pei* > *Sarbi*, *Širbi*, *Širvi*; *Hsien-pi* > *Säbirs/Sabart-oi*, *Säbir*; *сяньбу/сяньбей* > *сэрбу/сэрви*; кит. *сяньби (Xianbi/Xianbei)* > сабиры (по византийским и другим западным источникам); *куян* – по китайским источникам (= тюрк. «заяц») > *сяньби-сабиры*. Некоторые исследователи относятся к таким этимологическим упражнениям скептически, например, П.Б. Голден и Андраш Рона-Таш. Что касается автора этих строк, то он все изложенные версии считает приятными за уши и неприемлемыми.

Что касается ухуаньской версии происхождения чувашей, то этой проблематикой занимались Н.Я. Бичурин, М.А. Кастрен, Н.В. Кюнер, В.С. Таскин. Сторонником данной версии следует считать Н.И. Егорова, основывающего свои взгляды на *p*-язычности тех и других. Однако Эдвин Пуллиблэнк, С.Е. Яхонтов и С.Г. Кляшторный считают ухуаней предками аваров и дают этимологию в виде *ou-Hwan* > *Awar*. В таком случае дискуссия на обсуждаемую тему теряет всякую почву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 391 с.
2. Castrén M. Alexander. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker nebst Samojedischen Märchen und Tatarischen Heldensagen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften, 1857. XIX. 258 S.
3. Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΩΡON: сб. стат. к 60-летию В.П. Никонорова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. P. 49–55.
4. Pelliot P. Tokharien et Koutchéen // Journal Asiatique. I. Paris, 1934. P. 23–106.
5. Pritsak Omeljan. From the Säbirs to the Hungarians // Hungaroturcica: Studies in honor of Jilian Németh. Budapest: Loránd Eötvös Univ., 1976. P. 17–30.

6. Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филфак СПбГУ, 2005. С. 7-180.

7. Егоров Н.И. К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огузов (ухуань) // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 118–161.

8. Зувев Ю.А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. С. 93–140.

9. Илитвер Антей (Иванов Лука Мефодиевич). Предыстория чувашского народа (опыт выявления генеалогической линии этноса). Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2003. 162 с.

10. Степанов В.В. Хорезм и Волжская Булгария // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Ч. II. С. 121–129.

11. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. III. СПб.: Императорское Русское Географическое общество, 1907. С. 32, 56.

12. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургский лингвистический институт, 2010. С. 68–71.

13. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд. Учен. комитета МНР, 1926. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. № VI, 898 с.

14. Гумилев Л.Н. Хунну: Средняя Азия в древние времена. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 292 с.

15. Скобелев С.Г. Предметы оружия дальнего боя из могильника Чегерак // Военное дело номадов Центральной Азии в сыанбийскую эпоху. Новосибирск: ИГУ, 2005. С. 224–231.

16. Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. V–LV.

17. Vovin A. Once again on the Tabgač Language // *Mongolian Studies*. XXIX. 2007. P. 191–207.

18. Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.

19. Таскин В.С. Введ., пер. и коммент. // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.

20. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 381 с.

21. Пулльблэнк Э.Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. Вып. I. С. 29–70.

REFERENCES

1. Kuuner N.Y. Chinese information about the peoples of South Siberia, Central Asia, and Far East. Moscow, East Lit. Publ., 1961, 391 p. (In Russ.)

2. Castrén M.A. Ethnologic lectures on the Altai Peoples along with the Samoeds' Fairy Tales and Talar Heroic Sagas. Saint Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften, 1857. XIX, 258 p.

3. Golden Peter B. Some notes on the etymology of *Sabir*: KOINON ΔΩΡΟΝ. Saint Petersburg, 2013, pp. 49–55.

4. Pelliot P. Tokharien et Koutchéen. *Journal Asiatique*, 1934, vol. 3, pp. 23–106.

5. Pritsak O. From the Sábirs to the Hungarians. *Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh*. Budapest, 1976, pp. 17–30.

6. Klyashtornyy S.G. Steppe empires: origin, triumph, ruin. *Klyashtornyy S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevney Evrazii*. Saint Petersburg, 2005, pp. 7–180. (In Russ.)

7. Egorov N.I. On the problem of ethno-lingual identification of Central Asian Ogurs (*Uhuani*). *Nauchnaya i dukhovno-missionerskaya deyatel'nost' N.Ya. Bichurina: istoriya i sovremennoe znachenie*. Cheboksary, 2009, pp. 118–161. (In Russ.)

8. Zuev Yu.A. Tamgas of horses from tributary principalities. *Novye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana*. Almaty, 1960, pp. 93–140. (In Russ.)

9. Ilitver Antey (Ivanov Luka Mefodievich). Prehistory of the Chuvash people (attempt to identify the ethnic genealogical line). Cheboksary, K.V. Ivanov's Hist.-Cultur. Res. Foundation, 2003, 162 p. (In Russ.)

10. Stepanov V. V. Khorezm and Volgian Bulgaria. *Chuvashkiy yazyk i sovremennye problemy altaistiki*. Cheboksary, 2009, pt. 2, pp. 121–129. (In Russ.)

11. Grum-Grzhymailo G.Ye. Travel description to West China. Saint Petersburg, Imper. RGO, 1907, vol. 3, 531 p. (In Russ.)

12. Kychanov E.I. History of ancient and medieval states near the Chinese border (from Huns to Manchu). Saint Petersburg, Petersburg Linguistics Assoc., 2010, 364 p. (In Russ.)

13. Grumm-Grzhymailo G.E. West Mongolia and Uryankhaiskiy Krai. Leningrad, Ed. of Sci. Committee of the Mongolian People's Republic, 1926, vol. 2: Historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia, no. VI, 898 p. (In Russ.)

14. Gumilyov L.N. Hiongnu: Middle Asia in ancient times. Moscow, East Lit. Publ., 1960, 292 p. (In Russ.)

15. Skobelev S.G. Long-range combat weapons from Chegerak burial ground. *Voennoe delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskiy epokhu*. Novosibirsk, 2005, pp. 224–231. (In Russ.)

16. Bernshtam A.N. N. Ya. Bichurin (Iakinf) and his "Collection of information about peoples which inhabited Central Asia in ancient times". *Bichurin N.Ya. (Iakinf). Sbranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena*. Moscow, Leningrad, 1950, pp. 5–55. (In Russ.)

17. Vovin A. Once again on the Tabgač Language *Mongolian Studies*, 2007, vol. 29, pp. 191–207.

18. Salmin A.K. History of the Chuvash people: analysis of basic versions. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, 464 p. (In Russ.)

19. Taskin V.S. Introduction, translation, and comments. Materials on the history of ancient nomadic peoples of the Donghu group. Moscow, Nauka, 1984, 486 p. (In Russ.)

20. Bichurin N.Ya. Collection of information about peoples which inhabited Central Asia in ancient time. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ. House, 1950, vol. 1, 381 p. (In Russ.)

21. Pulleyblank E.G. Hsiung-nu language. *Zarubezhnaya tyurkologiya*. Moscow, 1986, iss. 1, pp. 29–70. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190207
УДК 394(571)"15/17"

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ПРИРОДНЫЕ И ЛАНДШАФТНЫЕ ГРАНИЦЫ КАК ЗНАКИ РУБЕЖЕЙ ТЕРРИТОРИЙ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17

Настоящая статья является продолжением разработки темы символического разграничения пространства в XVII в. Рассматривается использование природных объектов как символов ограждения пространства. Впервые обращается внимание на различные виды определения границ, в том числе и нерукотворные. Природными границами служили реки, водоемы, овраги и другие объекты, которые успешно использовали первопоселенцы Сибири. Адаптивное населенное пространство понимается нами как пространство, позволяющее различным группам жителей бесконфликтно проживать на территории в соответствии с их образом жизни и в то же время создавать новые формы взаимодействия. Адаптивные модели поведения на обжитом пространстве являются жизненными стратегиями, которые выбираются представителями той или иной группы населения без ограничений, накладываемых внутригрупповыми предписаниями, обычаями, ритуалами. Цель исследования – попытаться найти ответ на вопрос, насколько сильно поликультурные, раздробленные и изолированные территории могут превращаться в единое административное пространство с жестко очерченной структурой, в какой степени здесь могут функционировать общности с высокоадаптивными моделями поведения и какие иные модели поведения могут встречаться на таких территориях.

Ключевые слова: Сибирь, русские, казаки, пространство, территория, граница, межа, природные объекты, архетип, символ, знак.

A.A. LUTSIDARSKAYA

NATURAL AND LANDSCAPE BORDERS AS SIGNS OF THE TERRITORIES' FRONTIERS

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author continues elaborating the topic of symbolic demarcation of the space inhabited by Russian pioneers in Siberia in the XVII century. The paper considers using natural objects as symbols of fencing the territory. For the first time, the study focuses on various types of borders' definition including natural ones. The first Siberian settlers often use drivers, reservoirs, ravines, noticeable trees and other objects as natural boundaries. The author introduces a concept of adaptive populated space into scientific use. It is a space that allows different groups of residents to live in a conflict-free area in accordance with their established lifestyle and, at the same time, to create new forms of interaction. Adaptive behavior patterns in the habitable space are life strategies that members of a population group choose without limitations imposed by intra-group prescriptions, customs, rituals. The study objective is to find answers to questions: how strongly multicultural, fragmented and isolated territories can turn into a single administrative space with a strictly defined structure; to what extent communities with highly adaptive models of behavior can function here; what other behavior models can occur in such territories. The author declares that the boundaries establishment is, in fact, a division. Fencing a territory in any space means establishing the ownership of this part of the space, or claiming possession of a territory. This universal rule is preserved not only in human communities, but in the animal kingdom as well, where animals mark their territories showing habitats to other fauna representatives. Human communities have been demarcating the space into their own and that of others since ancient times. The archetypal nature of this opposition demonstrates transpersonal forms of consciousness, leading to transformation of chaos into order. Individualizing space, the territory is divided into its own and someone else's, dangerous and hostile. Later, the borders were lined up between the states entailing conflicts due to increase of territory.

Key words: Siberia, Russians, Cossacks, space, territory, border, boundary, natural objects, archetype, symbol, sign.

Анна Алексеевна Люцидарская – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: lucidl@yandex.ru.

Anna A. Lutsidarskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

На протяжении XVII в. сибирские просторы все активнее подвергались процессу хозяйственного освоения и сопутствующей ему коммодификации. Трансформации были наиболее заметны в крупных административных центрах в зонах, благоприятствующих земледелию, они проявлялись и в небольших поселениях, пространство вокруг которых использовалось для сенокосов, рыбной ловли и других добывающих промыслов. С приходом Московского государства в Сибирь возникли не только небольшие по площади городские анклавов, но и границы, очерчивающие обширные угодья сельскохозяйственного и промыслового назначения. Появлялись изолированные заимки, станицы, рыбные тони, сенокосы и др. Владения маркировались специальными знаками и фиксировались в межевых книгах. Практически одновременно царская власть стала фиксировать и промысловые угодья аборигенов.

Цель статьи – выяснить, каковы механизмы превращения поликультурных, раздробленных и изолированных территорий в единое административное пространство с жестко очерченной структурой, рассмотреть возможность применения на таких пространствах гибких адаптационных моделей. Адаптивное населенное пространство понимается нами как пространство, позволяющее различным группам жителей бесконфликтно проживать на территории в соответствии с их образом жизни и вместе с тем создавать новые формы взаимодействия. Адаптивные модели поведения на обжитом пространстве представляют собой жизненные стратегии, которые выбирают представители той или иной группы населения без каких-либо ограничений, накладываемых внутригрупповыми предписаниями, обычаями, ритуалами.

Следует заметить, что в литературе вопросы, поставленные в статье, подробно не освещались. Речь шла преимущественно о позитивном взаимодействии между средой и человеком. При этом в основном рассматривалось городское пространство. По мере развития городов влияние территориальных сообществ на человека, их роль во внутренних коммуникациях усиливается [1; 2], а также обнаруживается тенденция к усилению инициативы снизу, более активному участию жителей в создании городского пространства [3; 4]. Наряду с обсуждением вопроса о гибкости городских социопространственных миров проводятся исследования по выявлению территориальной изоляции и создания границ и барьеров. Особое место в литературе посвящено проблеме огораживания, создания границ в городах и предместьях и появления закрытых (огороженных, обнесенных заборами или стенами) владений, получивших наименование городской цитадели [5], укрепленных анклавов, баррикад из жердей [6; 7; 8], пригородных анклавов, городских крепостей, безопасных деревень [9; 10], а также частных соседств [11].

Е. Блейкли и М. Снайдер отмечают, что общины с большим количеством границ приобретают устойчивость в результате чувства безопасности, которое они

могут дать своим жителям, а также благодаря необходимости подчеркивать свой образ жизни или принадлежность к определенной социальной страте [8]. Пространственная изоляция, установление границ играют большую роль в жизни общества [12; 13; 14]. Благодаря тому что обжитая территория укладывается в четко изолированное, ограниченное пространство, жители получают большие возможности в выборе своего образа жизни, могут вступать в социальные взаимодействия, но в равной степени легко могут прекращать контакты, запираясь в стенах своих владений. Чаще всего исследователями указываются лишь природные границы местности, на которых располагались населенные пункты: это, прежде всего, водные преграды и возвышенности.

Установление рубежей пространства является, по сути, делением. Границы подтверждают права собственника или претендента на территорию. Ограждение территории в любом пространстве означает утверждение права собственности на эту часть пространства или заявление на владение этой территорией. Это универсальное правило сохраняется не только в человеческих сообществах, но и в животном мире, где тот или иной зверь метит свою территорию, показывая иным представителям фауны места своего обитания. С древнейших времен сообщества людей стали разграничивать пространство на свое и чужое. Архетипический характер этой оппозиции демонстрирует надличностные формы сознания, приводящие к преобразованию хаоса в порядок. Индивидуализируя пространство, человек делит территорию на свою и чужую, опасную и враждебную. Так география, по мнению Ю.М. Лотмана, может превращаться в символ [15, с. 55]. Позднее выстроились границы между государствами, которые влекли за собой конфликты за увеличение территорий [16, с. 9–10].

При выборе пространства под строительство городов или острожков также принимались во внимание подобные факторы. Города старались размещать на высоких местах, окруженных природными препятствиями для возможного неприятеля. При выборе места для основания города издавна учитывались такие факторы, как высота местности, наличие водных ресурсов, наличие путей сообщения, дорог и основанных на этом месте предшествующих поселений [17, с. 43–44]. В принципе, эти правила оставались справедливыми и для поселений на вновь организованных, ранее не освоенных территориях, каковой являлась Сибирь. Очень часто города строились на территории, уже выбранной для места жительства аборигенами края. Так было при строительстве в 1593 г. г. Пельма на месте существовавшего до этого вогульского городка [18, с. 78]. Тюмень была основана в устье р. Тюменки – на месте древнего татарского поселения Чемги-Тура [19, с. 241, 269].

Те же или схожие процессы можно отметить и на уровне раздела пространства между различными сообществами, в том числе этническими. В настоящем тексте внимание концентрируется на естественных,

природных объектах, которые являются знаками принадлежности земельной собственности у русских переселенцев в Сибирь в XVII в. Земельные угодья для пахоты и выпаса скота в Томском уезде, благоприятном для развития земледелия и животноводства, нуждались в символах, подтверждающих наличие собственника. В центре внимания автора данной работы – сельскохозяйственные территории Томского уезда в XVII в. Это угодья на территориях деревень и заимок населения Томска и его округи. В данном контексте внимание уделяется в основном служилому населению города и его округи, представителям воеводской администрации, детям боярским и казакам всех рангов. Кроме того, на землях Томского уезда проживало значительное количество сыновей конных и пеших казаков, потенциального пополнения основного корпуса служилого люда.

Чаще всего заимки, где жили и работали представители служилого населения, их семьи и дворовые работники (если таковые имелись), находились поблизости или примыкали к деревням, населенным крестьянами. В архивных документах это фиксировалось таким образом: «Деревня Саломатова на реке Томи, а в ней живут дети боярские иноземного списку, конные и пешие казаки и казачьи дети...» Далее следовала запись: «Сын боярский Иван Иванов сын Литосов, а по сказке его детей у него сын Никита 1 году, а пашенная его заимка в деревне Саломатовой...», – и затем указывались размеры его угодий и соседство, означавшее границы его участка¹. Думается, что владельцы земельных участков находили способы отграничить свою собственность, ставя некие знаки в виде, например, столбов с «тесами и гранями».

Однако довольно часто природа сама подсказывала определение границ. Природные знаки были самыми разнообразными. Пашенная заимка томского конного казака И. Мангазеина находилась «в деревне Мангазеиной на реке Яе, всего длиннику 6 верст, поперечнику тож. Да санных покосов на речке по речке Бурлы длиннику по 5 верст, а поперечнику от реки Яи до вершин речек Бурлы и Ташлы 6 верст»². В данном случае границы угодий устанавливались по рекам и небольшим речушкам, что подсказывалось самой природной средой. Кроме того, наличие близлежащей воды способствовало орошению территории, давало возможность строить водяные мельницы и промыслять рыбу. Пространство Западно-Сибирской низменности насыщено водными ресурсами, реками, речками, протоками, озерами. Эти естественные препятствия широко использовались в XVII в. для определения границ угодий.

У конного казака М. Кожевникова угодья были расположены «...на реке Оби в устье речки Аргалы, длиннику 2 версты, поперечь 4». Он же владел «луговым местом под скотинным выпуском на реке Оби

ниже деревни Кожевниковой на устье речки Малгиге Малгидинским лугом всего динику 2 версты, поперечь 0,5 версты... Рыбные и неводные тони на реке Оби вниз едучи на правой стороне под Красным Яром и под Салтанаковским бором...» Были характерны и такие ограничения территории: «Заимка от речки Ташмы до речки Каюнлыдиннику верста, поперечь полторы версты»³.

Казачий сын Петр Иванов Брагин Большой имел в собственности речку Елбачен «с рыбными и птичьими промыслами и озером Канаклоу от межи той владенья его и от устья речки Елбатаю до росошей и до устья речек Елдашевой и Тогушаковой. И в той речке Елбатае и в озере Канакле ловит рыбу сетями и мордами...»⁴.

В Верхотурском уезде в начале 70-х гг. XVII в. при фиксации земель встречаются записи такого рода, в которых отправными точками отчета при установлении владений собственника являются водные преграды. «По речке Липовке до вершины с верх Липовки речки на верх Мостовые речки, а с верх Мостовые речки на верх Каменки речки, с верх Каменки речки на ключ, от ключа прямо на Точильную гору, с Точильной горы на старую Аяцкую дорогу и на Глинку речку, а от Аяцкой дороги вверх по Глинке речке до вершин. А от Арамашевы слободы до верх Глинки речки 15 верст, то Арамашеве слободе...». Как можно отметить, в этом документе помимо рек любой ландшафтный объект, привлекающий к себе внимание, мог служить ориентиром для границ территории. В приведенном отрывке это Точильная гора, старая дорога, Арамашева слобода⁵.

По томским документам такими приметными местами, делящими территорию томского казачьего сына Ивана Иванова, были «Заимка в деревне Дороховой в межах от межи общего их владения от соснового буяраку в поля к черным лесам по осинник подле вершины речки Кытата мерою... длиннику 1 верста, попереч от елового буяраку по верхней гриве до Кытату ж речки полторы версты...»⁶

Нередко границу угодий определяли приметные деревья с нанесенными на них условными знаками собственника. Такой была пашенная заимка казачьего сына Владимира Приезжева, расположенная за «большим ломом», смежная с д. Крестининой и занимавшая пространство «от вершины речки Чемаклы от Большой лиственницы, на которой положены тесы и грани, подле межипешего казака..., а от Петровой межи вниз по речкам Чемаклы и Коюлы по лиственничной колок и по большой тальник до лиственницы, которая стоит среди пол, а на ней тесы и грани мерою ж 1,5 версты...»⁷

³ Там же. Л. 122, 210.

⁴ Там же. Л. 362.

⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 885.

⁶ Там же. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 325.

⁷ Там же. Л. 328.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 7.

² Там же. Л. 7.

В данном случае тесы и грани, нанесенные на приметные деревья или вкопанные столбы, если таковых не было, являлись своеобразными подписями хозяина территории. Можно предположить, что подобную практику русские переселенцы переняли у местных коренных народов, которые отмечали свои территории родовыми символами, тамгами.

К природным объектам, отмеченным в источнике как некая граница территории, относились помимо значимых водных преград ключи, мокрые болота, буераки, березовые падуны, горы, известные в данной местности лесные массивы (боры, ельники, рощи). Все эти приметы ландшафта тщательно фиксировались в фискальных документах XVII в.

Земли, принадлежавшие частным хозяевам, отгораживались не только от соседей, они имели и защитные границы от потенциальных набегов враждебно настроенных аборигенов. В Верхотурском уезде по росписи 1672/73 г. крестьянских земель имеется запись участка, защищенного природным ландшафтом от возможных посягательств на эту территорию: «А крепки к тем угодым от приходу калмыцких воинских людей река Иртыш, а с верхнего сторону Иртыша от Тунуских ясашных волостей земли болота и камыши топкие. А лесу по тем еленаем рощи березовые изредка»⁸.

Географическое положение пространства Сибири и ландшафты учитывались и в правительственных распоряжениях Сибирского Приказа. В грамоте Бориса Годунова от 1599 г. о выделении территории по р. Косью верхотурским жителям предписывалось: «И велеть бы по той по Косью реке в старые от зимний дороги, куды преже того была вниз по островам, и по берегам и по мелким речкам, которые в Косью впади... всякие угоды владети» [20, с. 48].

В отписке Сибирского приказа о выделении земель вожу А. Бабинову указывалось: «...Пожаловал его Артюшку государь... на Ней реке, в Ницы реки, на усть Режу речки, вверх 10 верст через гору и по Нейве реке до Камени 10 верст через гору жна 5 лет...» [21, с. 151].

Подобные документы дают представление о том, что в Сибирском Приказе имелись описания сибирских территорий и, вероятно, их чертежи, составленные либо претендентами на земельные участки, либо представителями воеводских администраций.

Представленный материал показывает, что символическое разграничение пространства хозяйственных угодий в XVII в. на сибирских территориях осуществлялось преимущественно за счет природных объектов, присущих конкретным ландшафтам. Отличительной особенностью Сибири было наличие свободных земель, поэтому вопрос о межевании сельскохозяйственных угодий не стоял остро, однако участки земли выделялись властями или приобретались собственниками иными способами и требовали разграничений для установления фискального порядка и снижения социальной напряженности.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 885. Л. 26.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wellman B.* The persistence and transformation of community: From neighbourhood groups to social networks. Report to the Law Commission of Canada Wellman Associates. Toronto, 2001. 166 p.
2. *Hampton K.N., Wellman B.* Long distance community in the network society, contact and support beyond Netville // *American Behavioral Scientist*. 2001. N 45 (3). P. 477–496.
3. *Lepofsky J., Fraser J.C.* Building community citizens: Claiming the right to place-making in the city // *Urban Studies*. 2003. N 40 (1). P. 127–142.
4. *Spears J.* A Vision of a sustainable community in the city of Baltimore. Baltimore: Sustainable Design Group Inc., 1997. 56 p.
5. *Davis M.* City of quartz: Excavating the future in Los Angeles. New York: Verso, 1990. 320 p.
6. *Caldeira P.R.* Fortified enclaves: The new urban segregation // *Public Culture*. 1996. N 8 (3). P. 303–328.
7. *Caldeira P.R.* City of walls: Crime, segregation and citizenship in Sao Paulo. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2000. 300 p.
8. *Blakely E.J., Snyder M.G.* Fortress America gated communities in the United States. Washington, DC: Brookings Institutions Press, 1997. 120 p.
9. *Landman K.* An overview of enclosed neighbourhoods in South Africa. Pretoria: CSIR Publication, 2000. 80 p.
10. *Landman K., Schonteich M.* Urban fortresses: Gated communities as a reaction to crime // *African Security Review*. 2002. N 7 (2). P. 71–85.
11. Private cities. Global and local perspective / Eds. G. Glasze, Ch. Webster, K. Franz. London: Routledge, 2006. 400 p.
12. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
13. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуры / Пер. И. Тюрина. М.: Академический проект, 2003. 525 с.
14. *Wood D.* Editorial. Foucault and panopticism revisited // *Surveillance and Society*. 2003. N 7 (3). P. 234–239.
15. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
16. *Байбурун А.К.* Ритуал: свое и чужое // *Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры*. Л.: Наука, 1990. С. 3–17.
17. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М.: Наука, 1983. 255 с.
18. *Соколовский И.П.* Пелым – малый сибирский город XVII в. // *Таможенные книги сибирских городов XVII века*. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. Вып. 4. С. 3–22.
19. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 303 с.
20. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. док. / Сост. Е.Н. Ошанина, отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории СССР, 1982.
21. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 2. 440 с.

REFERENCES

1. *Wellman B.* The persistence and transformation of community: from neighbourhood groups to social networks. Report to the Law Commission of Canada Wellman Associates. Toronto, 2001, 166 p.
2. *Hampton K.N., Wellman B.* Long distance community in the network society, contact and support beyond Netville. *American Behavioral Scientist*, 2001, vol. 45, no. 3, pp. 477–496.
3. *Lepofsky J., Fraser J.C.* Building community citizens: claiming the right to place-making in the city. *Urban Studies*, 2003, vol. 40, no. 1, pp. 127–142.
4. *Spears J.* A Vision of a sustainable community in the city of Baltimore. Baltimore, Sustainable Design Group Inc., 1997, 56 p.

5. *Davis M.* City of quartz: excavating the future in Los Angeles. New York, Verso, 1990, 320 p.
6. *Caldeira P.R.* Fortified enclaves: the new urban segregation. *Public Culture*. 1996, vol. 8, no. 3, pp. 303–328.
7. *Caldeira P.R.* City of walls: crime, segregation and citizenship in Sao Paulo. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 2000, 300 p.
8. *Blakely E.J., Snyder M.G.* Fortress America gated communities in the United States. Washington, Brookings Inst. Press, 1997, 120 p.
9. *Landman K.* An overview of enclosed neighbourhoods in South Africa. Pretoria, CSIR Publ., 2000, 80 p.
10. *Landman K., Schonteich M.* Urban fortresses: gated communities as a reaction to crime. *African Security Review*. 2002, vol. 7, no. 2, pp. 71–85.
11. *Glasze G., Webster Ch., Franz K. (eds.)* Private cities. Global and local perspective. London, Routledge, 2006, 400 p.
12. *Foucault M.* To supervise and punish: the prison birth. Moscow, Ad Marginem, 1999, 478 p. (In Russ.)
13. *Giddens A.* The society organization: a sketch of structurization theory. Moscow, Akademicheskii proekt, 2003, 525 p. (In Russ.)
14. *Wood D.* Editorial. Foucault and panopticism revisited. *Surveillance and Society*. 2003, vol. 7, no. 3, pp. 234–239.
15. *Lotman Yu.M.* Inside minded worlds. Man – text – semiosphere – history. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996, 464 p. (In Russ.)
16. *Baiburin A.K.* A ritual: own and foreign. *Fol'klor i etnografiya: problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury*. Leningrad, 1990, pp. 3–17. (In Russ.)
17. *Dulov A.V.* Geographical environment and history of Russia. The late XV – mid XIX centuries. Moscow, Nauka, 1983, 255 p. (In Russ.)
18. *Sokolovskiy I.R.* Pelym – a small Siberian city of the XVII century. *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka*. Novosibirsk, 2001, iss. 4, pp. 3–22. (In Russ.)
19. *Rezun D.Ya., Vasilevskiy R.S.* Annals of Siberian cities. Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ., 1989, 303 p. (In Russ.)
20. *Preobrazhenskiy A. A. (ed.)* The Upper Tura letters of the late XVI – early XVII centuries. Moscow, 1982, 200 p. (In Russ.)
21. *Miller G.F.* The history of Siberia. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, vol. 2, 440 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190208
УДК 39+726

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

**РАЗМЕЩЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ
КАК ЗНАКОВЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ.
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Статья посвящена проблемам определения закономерностей расположения знаковых для православия зданий – церквей и часовен. На основе архивных и справочных материалов с помощью методов case-study и архитектурного анализа впервые выявлены особенности мест расположения в поселениях храмов Тобольской епархии. Установлено, что для культовых сооружений место выделялось в центре застройки или на окраине села с выходом участка на природный ландшафт. Все храмовые здания находились в радиусе пешеходной доступности от любой части поселения. Значимость храма усиливалась архитектурными средствами: к нему вели проектируемые улицы, здания церквей возвышались над одноэтажной застройкой, выступая высотными ориентирами и закрепляя планировочную структуру поселения своим размещением. Они выделялись и по материалу стен, более солидные каменные здания выглядели значимее деревянных построек поселения.

Ключевые слова: православные храмы, знаковые сооружения, высотные ориентиры, планировка поселения

A.Y. MAINICHEVA

**PLACEMENT OF ORTHODOX CHURCHES OF THE TOBOLSK DIOCESE
AS A SIGN OF CULT CONSTRUCTIONS.
END OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURY**

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17 Ac. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The choice of a place for religious buildings is a multifaceted problem, the solution of which takes a symbolic aspect. It is established that there were regularities in placing iconic religious buildings as Orthodox churches in the Tobolsk diocese based on materials of the late XIX – early XX centuries using a case-study techniques and architectural analysis. A chapel was built in small villages, a church, or a church and a chapel- in big villages. Their place was chosen in the settlement center or its outskirts facing the natural landscape. When located at the crossroads, the churches did not close the perspective, but were slightly out of the way allowing to view the natural environment. In some cases, there was a cemetery near the church. A church and a clergy's houses near it often formed a building complex, administrative and educational buildings occupied places away from it, but on the same street, central one as a rule. It is impossible to determine the ratio of the height of churches and other buildings, because horizontals were not indicated on plans, however, the location of the church is noted mainly on high river banks. All temple buildings were within walking distance from any part of the settlement (up to 1.5 km or 20 min walk), which was important for the possibilities of worship. Every plan preserved churches' location, although the existing structure of residential buildings could be broken in favor of a two-way street type. Moreover, the importance of the temple was enhanced by architectural means: newly planned streets led to it, church buildings rose above the one-story buildings fixing a planning structure of a settlement by placing them at the end or crossroads of streets, solid stone buildings stood out among the predominantly wooden buildings.

Key words: Orthodox churches, landmark buildings, high landmarks, settlement planning.

*Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений, проект № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: annmaini@gmail.com.

Anna Yu. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Выбор места для культовых зданий является многоаспектной проблемой, важную роль в решении которой играет их символическое значение. Не исключением являются и православные церкви и часовни [1, с. 464]. Вместе с тем, в научной литературе эта проблема находит решение только в самых общих чертах и на единичных примерах. Одной из редких публикаций, в которых посредством анализа градостроительной ситуации авторы выявляют правила выбора места для храмов, является работа А.А. Прокудиной и М.С. Томской¹. В настоящей статье впервые ставится цель – проследить особенности размещения в поселениях православных храмов Тобольской епархии в XIX – начале XX в. на основе справочных материалов² и архивных чертежей генеральных планов селений Тобольской губернии, выполненных в 1880-х гг. по предписанию Тобольской казенной палаты в связи с мерами по выделению участков для размещения переселенцев³. Научная ценность этих источников уже отмечалась в литературе [2]. Недостатком планов является отсутствие горизонтальных отметок высотных точек, что затрудняет анализ ландшафта, так как невозможно выявить высотные характеристики церковного участка по отношению к прочим. Для достижения цели исследований применены метод case-study и архитектурный анализ.

Было выделено 9 поселений Тобольского округа Тобольской губ., где на чертежах и в справочных данных указаны церкви и часовни. В Абалакской вол. находилось с. Аремзянское, которое стояло на р. Аремзянке и имело 18 дворов. С северо-запада и юго-востока к застройке подходил лес. Застройка хаотичная гнездовая и уличная двусторонняя. Направление улиц – с севера на юг, имелось несколько переулков. К южной оконечности села подходила дорога из д. Еловки, на въезде на свободном месте находилась Воскресенская церковь [3], ее площадь – около 42x50 саж., в ограде – 14x25 саж. От нее тянулась сельская улица в три дома, а затем раздваивалась. Деревянный храм построен в 1844 г. надворной советницей М. Менделеевой (матерью выдающегося химика Д. И. Менделеева. – *А.М.*) с помощью прихожан. В храме три престола: во имя Воскресения Христова, Трех святителей, Николая Чудотворца⁴. Алтари сориентированы на северо-восток. Проектом предусматривалось увеличение числа дворов до 28 в северном направлении, выравненных по проектируемому прямым улицам. На плане расположение храма сохранено.

¹ Прокудина А.А., Томская М.С. Поиски принципов размещения храмов и их роли в развитии урбанизации местности (На примере Боровского района Калужской области) // АМІТ. URL: https://www.marhi.ru/AMIT/2009/4kvart09/Tomskaya/AMIT_9_paper_Tomskaya.pdf (дата обращения: 25.02.2019).

² Справочная книга Тобольской епархии (СКТЕ) к 1 сентября 1913 года. Тобольск: Изд-во Тобол. епарх. братства им. св. Дм. Солунского, 1913. 227 с.

³ Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 154. Оп. 2.

⁴ СКТЕ. С. 9.

По генплану с. Ашлыкское Ашлыкской вол. стояло на левом берегу р. Ашлык при впадении в нее р. Миньги. Застройка улично-гнездового типа имела северо-восточное направление, эта длинная улица, проходившая вдоль р. Миньги, перерезалась многочисленными переулками, также ведущими к реке. В центре улицы помещалось волостное правление, продолжала ее дорога Птицкое–Шишкино. На северо-восточной окраине села на свободной территории, рядом с зимней дорогой в Тобольск, размещался участок церкви 50x50 саж., в ограде – 20x25 саж. Деревянный однопрестольный Сретенский храм построен прихожанами в 1866–1871 гг.⁵ Церковь находилась на перекрестке улиц, немного отступая от красной линии одной из улиц и завершая перспективу запроектированной улицы. Алтарь ориентирован на северо-восток. К территории церкви примыкали участки домов священника и псаломщика, а также проектируемый участок училища, выходя на одну небольшую площадь, на которой размещалась также часовня. Проектом предполагалось провести новую застройку так, чтобы церковь оказалась в центре села. Все криволинейные улицы были выпрямлены.

Село Малиновское Ашлыкской вол. располагалось на правом берегу р. Илиней и частично на правом берегу ее притоки Малиновки. Застройка развивалась в северо-восточном направлении, была окружена со всех сторон лесом. Жилая застройка повторяла изгибы реки, формировалась по улично-гнездовому типу. Множество переулков вело к реке, прорезая жилую застройку. В проекте расположение церкви сохранено, двусторонняя застройка предусмотрена по уличному типу с небольшим увеличением территории поселения. Практически в геометрическом центре села на перекрестке улиц находился почти квадратный участок церкви, размерами 75x100 саж., в ограде – 15x15 саж. Деревянная Рождественская церковь была построена прихожанами в 1853 г.⁶, она имела прямой выход к реке и мосту через нее, завершая перспективу перекрестка улиц. Алтарь ориентирован на северо-восток. На церковную площадь выходили лицевые фасады домов священника и псаломщика.

Село Бегишевское Бегишевской вол. спроектировано для проживания 93 чел., оно располагалось вдоль правого берега Иртыша в направлении ЗВ–СВ. Жилая застройка формировалась по улично-гнездовому типу, в проекте она скорректирована до уличной двусторонней. В центре села находились волостное правление, училище, хлебные магазины, дома дьячка и священника. Там же на перекрестке улиц на берегу небольшого водоема, с небольшим смещением в сторону возведена каменная однопрестольная Воздвиженская церковь, она построена прихожанами в 1810 г. Алтарь ориентирован на северо-восток⁷. К площадке церкви, близкой к прямоугольнику 40x100 саж. (в ограде 20x25 саж.),

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 27.

подходила проезжая дорога из с. Дубровинского на с. Березовское. Территория храма имела выход на берег Иртыша. Проектом сохранено расположение церкви. На северо-восток от церкви между рекой и оврагом находилась церковная земля, на другом берегу оврага, на выезде в с. Березовское, размещалось кладбище, занимавшее территорию около 40х50 саж.

Село Бронниковское Бронниковской вол. имело однорядную застройку, оно расположено вдоль правого берега Иртыша в направлении С–Ю. Запроектировано размещение 35 дворов. На существующей улице была двухсторонняя застройка, параллельно ей расположена новая улица, выходящая к церкви. Жилую застройку перерезали два оврага. Из села перпендикулярно улицам шла дорога в д. Шестаковскую. Во втором ряду старой застройки запроектированы дом заседателя с садом и место для училища. Волостное правление размещалось на перекрестке новой улицы и дороги в д. Шестаковскую. К основной жилой застройке примыкали запланированные генпланом участки домов священника и причетника, которые лицевыми фасадами выходили на церковь. Место для церкви сохранено. Каменный храм находился севернее жилой застройки, в отдалении от нее на открытой территории 70х60 саж., выходящей на берег реки. Он построен в 1795 г. с двумя престолами во имя Нерукотворного Образа и Трех святителей Московских Петра, Алексия и Ионы⁸. Алтари ориентированы на С–В. В ограде участок церкви занимал 20х25 саж.

Село Демьянское Демьянской вол. располагалось на крутом правом берегу Иртыша. Застройка развивалась вдоль берега реки с ориентацией З–В по улично-гнездовому типу, направление улиц – преимущественно к реке. С северо-запада к селу подходила зимняя дорога из Тобольска, рядом с ней, справа, формировался центр села, состоявший из почтового отделения, участков училища и волостного правления, дома участкового заседателя, а также площадки церкви неправильной формы, ее размеры: 60х60 саж., (в ограде – 40х50 саж.). Здесь же находилось кладбище, занимавшее трапециевидный участок размерами 40х100х50х110 саж., где находилась часовня во имя воскресения Лазаря. С левой стороны дороги из Тобольска размещалось несколько жилых дворов и Вавилонское поле. Каменная церковь построена на пожертвования прихожан в 1831 г. Престола три: верхний этаж – во имя Успения Божией Матери, нижний – св. Николая и Алексея Человека Божия⁹. Алтари сориентированы на С–В. Церковь стояла в стороне от жилой застройки на перекрестке улиц, завершая перспективу: ее место сохранено проектом. Южная часть села в проекте оставлена практически без изменений, северная часть, примыкавшая к церковной территории, уплотнена и преобразована в уличную сеть.

Планировка с. Дубровного Дубровской вол. относится к гнездовому типу. Сельское училище, во-

лостное правление, квартира для волостного писаря, общественные дома для священника, причетника и просвирника располагались компактно на одной улице, все они были обращены лицевыми фасадами к церкви и находившееся при ней кладбище. Площадка церкви была расположена на свободном месте рядом с небольшим озером, юго-западнее жилой зоны. Вместе с кладбищем размеры церковной территории составляли 60х100 саж. Каменная однопрестольная Преображенская церковь построена прихожанами в 1905 г.¹⁰ От планируемой красной линии здание храма отстоит на 40 саж. Алтарь ориентирован на С–В.

В с. Загвоздино Дубровской вол. было 88 домохозяйств, запланировано развитие до 99 усадебных мест. Застройка села – улично-гнездового типа, в направлении вдоль восточного берега оз. Тюлюганское, к которому вели многочисленные короткие улицы. В северной части села на окраине среди редкой застройки на свободном месте находились два здания старой и новой церковью, их ограды примыкали друг к другу, занимаемые ими площадки имели размеры 15х15 саж. Участок церковью по форме близок к прямоугольнику, размером 25х40 саж., его северо-восточная часть выходила на незастроенную территорию. К началу XX в. в селе имелась одна деревянная церковь, построенная прихожанами в 1875 г.¹¹ Вероятно, это здание, которое на плане названо новым, так как план составлен в 1878 г., а к моменту издания справочника в 1913 г. здание старой церкви уже снесли. В церкви два престола: во имя св. Николая Чудотворца и во имя св. кн. Владимира¹². Алтари были ориентированы на С–В. Далее на С–С–В располагалось кладбище, имевшее форму трапеции, со сторонами 30х40х40х50 саж. Рядом с церквями, вне застройки, находилась отведенная им земля. Проектом была решителью сломана вся существовавшая планировочная структура села, на которую наложена формальная двухсторонняя уличная сеть, причем одна из улиц вела к церковному участку. Ни старое здание церкви, ни новое не замыкало перспективу, оставаясь в стороне от улицы.

Село Филинское Денщиковой вол. располагалось на правом берегу Иртыша, рядом с оз. Сор, северо-западнее от поселения. Проектировалось на 31 двор. Старая планировка сформирована по улично-гнездовому типу с выходами к водоемам. Проект во многом повторял уже существующую планировочную систему, усиливая уличный тип. Отмечены дома священника и псаломщика, отведено место для училища. Каменная одноэтажная однопрестольная Вознесенская церковь расположена на значительном расстоянии от села на свободном месте. Построена прихожанами в 1835 г., но до нее существовали еще две, одна из них была освящена в 1755 г., а о времени постройки первого храма сведений нет¹³. В ограде церковь зани-

¹⁰ СКТЕ. С. 116.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 25.

⁸ СКТЕ. С. 9.

⁹ Там же. С. 16.

мала площадь около 40х40 саж., алтарь ориентирован на восток. Кладбище находилось на восточной оконечности села, рядом с жилой застройкой. Новое кладбище запроектировано в удалении от реки и озера, по направлению к церкви, но в некотором отдалении.

Найдено три плана деревень Тобольского округа Тобольской губернии, где отмечены часовни: в д. Весниной Бронниковской вол., д. Домниной Аdbaжской вол. и д. Дулаевой Дубровской вол. Деревня Веснина находилась на правом берегу Иртыша. Она имела одну улицу, простиравшуюся в направлении С–Ю и выходящую одним концом к оз. Самохвалово, а другим – к реке. Улица переходила в дорогу, ведущую вдоль берега в д. Редькину. В деревне на момент снятия плана имелось 22 усадьбы, по плану предусматривалось уплотнение застройки и некоторое уменьшение территории деревни при увеличении количества усадеб до 26. В центре деревни находилась часовня, занимавшая островное положение в уширении улицы, причем жилая застройка располагалась ступенями, окружая часовню. Площадка для часовни занимала 10х10 саж. в ограде. По плану ее месторасположение сохранялось, и центральное положение в застройке усиливалось за счет сокращения с юга территории деревни.

Деревня Домнина имела 25 дворов, расположенных на правом берегу р. Агитки и составлявших улицу. Прерывали ее переулки, ведущие к воде. На берегу реки, на задах усадеб на свободном месте, площадью 15х20 саж. была поставлена часовня. В дополнение к уже имеющемуся переулку, который находился выше по течению реки и вел к часовне, предусматривалось устройство еще одного, который от середины улицы должен был выходить прямо на участок часовни. Причем ее здание не замыкало перспективу, а оставалось немного в стороне.

Деревня Дулаева состояла примерно из 20 домохозяйств, и находилась она на юго-западной части берега оз. Эстозар. Ее разделяли на части глубокие овраги, идущие от озера. Застройка была хаотичной, гнездовой. Часовня находилась в юго-восточной части деревни на берегу озера, в 20 саж. от жилой застройки, занимала участок в ограде 15х20 саж. Планом жилая застройка жестко преобразовывалась в уличную, причем запроектированные единственные улица и переулок к часовне не вели. Место расположения часовен сохранено на всех планах.

По материалам конца XIX – начала XX в. установлено, что размещение таких знаковых культовых сооружений, как православные храмы в Тобольской епархии, подчинялось определенным закономерностям. В деревнях ставили одну часовню, в селах – одну церковь или церковь и часовню. Для церквей и часовен выделялось особое место в центре застройки или на окраине села с выходом на природный ландшафт.

Огражденный участок храма всегда занимал лишь часть свободной территории. Если здания церквей возводились у перекрестков, то они могли не замыкать перспективу, а стояли чуть в стороне, позволяя взгляду свободно скользить, охватывая природное окружение. В ряде случаев рядом с церковью находилось кладбище. В комплексе со зданием церкви часто ставили дома причта, а административные и учебные сооружения размещались в отдалении от него, но, как правило, на одной улице – центральной. Определить соотношения по высоте участков храмов и остальной застройки трудно, однако следует отметить, что церкви помещались в составе жилой застройки, которая в большинстве случаев располагалась на возвышенном берегу реки или ручья. В случае размещения на окраинах все храмовые здания находились в радиусе пешеходной доступности от любой части поселения – до 1,5 км (около 20 мин пешком), что имело важное значение в плане возможностей отправления культа. Всеми планами сохранено место расположения церквей, хотя структура жилой застройки жестко ломалась в пользу уличного двухстороннего типа. Более того, значимость храма усиливалась архитектурными средствами: все вновь планируемые улицы вели к нему, здания церквей возвышались над одноэтажной застройкой, выступая высотными ориентирами и закрепляя планировочную структуру поселения за счет размещения в конце или на перекрестках улиц. Часто отличались они и по материалу стен, более солидные каменные здания выделялись среди преимущественно деревянных построек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Майничева А.Ю.* Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // *Баландинские чтения*. 2018. Т. 13, № 1. С. 462–465.
2. *Курилов В.Н., Майничева А.Ю.* Русские селения Абалакской волости Тобольского округа Тобольской губернии в XIX веке: особенности планировки и застройки // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. №20. С. 221–241.
3. *Диакон Павел Глазунов.* Из села Аремзянского, Тобольского уезда // *Тобольские епарх. ведомости*. 1919. № 6. С. 97.

REFERENCES

1. *Mainicheva A. Yu.* Architecture of Siberia: symbolic development of the space by Russians. *Balandinskije chteniya*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 462–465. (In Russ.)
2. *Kurilov V.N., Mainicheva A. Yu.* Russian villages of the Abalakvolost (Tobolsk district, Tobolsk province) in the XIX century: features of planning and development. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2008, no. 20, pp. 221–241. (In Russ.)
3. *Deacon Paul Glazunov.* From Aremzyansky village, Tobolsk district. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1919, no. 6, p. 97. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190209
УДК 392.9

У.В. ТЮКАЛОВА

СТАРООБРЯДЦЫ БАСЕЙНА РЕКИ ВЕРХНЯЯ СЫДА (МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА)

Новосибирский государственный краеведческий музей,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Красный проспект, 23

Статья посвящена группам старообрядческого населения, проживающим в верхнем течении р. Сыды (современный Идринский район Красноярского края). Основой для данного исследования стали материалы экспедиций Минусинского краеведческого музея им. Мартыанова 2009 и 2016 гг. Со второй половины XIX в. на данной территории появляются представители белокриницкого согласия и несколько групп беспоповцев. В поле зрения автора – особенности отправления культа: местом молений выступали либо жилища, либо природные объекты (родники), причем при чтении молитв надевался особый костюм. Руководство таинствами осуществлял приезжий наставник. Кроме того, рассматриваются особенности погребальной и поминальной культуры. Староверы вели замкнутый образ жизни, что проявлялось в обособленных местах захоронения, запретах на браки с иноверцами, на употребление пищи с ними. Отношение к посуде и крещение двуперстием следует отнести к числу наиболее устойчивых черт.

Ключевые слова: Минусинский край, старообрядцы, конфессиональная группа, традиции, экспедиции.

U.V. TYUKALOVA

OLD BELIEVERS OF THE UPPER SYDA RIVER (MINUSINSK HOLLOW)

Novosibirsk State Museum of Local History
23 Krasniy pr., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

The article objective is studying groups of Old Believers of the Upper Syda river basin (Idrinsky District of Krasnoyarsk Region). It deals with such problems as identifying the place of their exit, the time of appearance in the territory, settlement patterns, the “talks” and “agreements” of Old Believers, who lived in the rural settlements of the region, description of the worship features, functions of mentors, marriage issues including marriages with “worldly” men, peculiarities of funeral and commemoration culture peculiarities. These aspects are poorly studied, as well as the Old Believers population of Minusinsk region as a whole. The article is based on expedition data of Minusinsk Museum of Local History in 2009 and 2016, most of which are published for the first time. The interview method was used to collect materials, a systematic approach – to analyze the data.

Old Believers, natives of Perm-Vyatka Region, settled remote sub-taiga areas in the mid XIX century. They lived in Maly Knyshi, Ekaterinovka, Tobolka, Silkino, Il'inka, Oktyabryovka, Lutag (Cheremshanka), Migna, Kinzel' village and in taiga borrowings. They were representatives of Belokrinitsky agreement and several tolks of Bespopovtsy. Old Believers led a closed way of life manifested in a number of behavioral and household attitudes; held prayers separately choosing as a place either a house, or natural objects (springs). They buried their dead in a separate cemetery or in a separate half of a regular one. There was a ban on marriages with representatives of other denominations, but the materials of the 2016 expedition showed it was not always observed. The longest preserved traditions were crossing with two fingers and a special attitude to dishes.

Keywords: Minusinsk Region, Old Believers, religious community, tradition, expeditions.

Старообрядцы – одна из групп русского населения, сложившихся к началу XX в. на территории Минусинской котловины. Изучение особенностей их водворения в Минусинском уезде позволяет полнее представить систему расселения русских в целом

и выявить особенности и типичные черты поселения старообрядцев в Сибири. Каким образом происходило расселение, представители каких толков и согласий проживали на данной территории, как складывались их отношения с другими группами русского населе-

Ульяна Владимировна Тюкалова (Светачева) – младший научный сотрудник, Новосибирский государственный краеведческий музей, e-mail: uliankalibra@yandex.ru.

Ulyana V. Tyukalova (Svetacheva) – Junior Researcher, Novosibirsk State Museum of Local History.

ния, какова степень устойчивости старообрядческих традиций – все эти актуальные проблемы вызывают интерес у исследователей, интересующихся историей старообрядцев бывшего Минусинского уезда. В данном случае речь идет о старообрядцах, проживавших в бассейне р. Верхняя Сыда. Основой для данного исследования стали результаты этнографических экспедиций Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыянова 2009 и 2016 гг.

Одно из первых упоминаний о старообрядцах Минусинского края встречается в работе А.В. Адрианова [1]. Им перечислены следующие группы староверов: австрийцы, беспоповцы, поморцы, часовенные, спасовские, стариковские, беглопоповцы, катихизцы («подпольники»), однако подробного их описания не дается [1, с. 32–33]. К недостаткам данных очерков следует отнести смешение понятий «сектанты» и «староверы», разделение австрийцев, белокриницких и окружников на отдельные согласия. Культура и быт старообрядцев Усинского края привлекали внимание Ф.Я. Кона. Он показывает особенности религиозного мировоззрения старообрядцев Минусинского края, освещает отдельные стороны их традиционной культуры [2, с. 41]. Интерес к старообрядцам бывшей Енисейской губернии сохраняется и в настоящее время. Изучаются бытовые запреты и предписания старообрядцев, городские и сельские старообрядческие общины, феномен семьи Лыковых, современные проблемы старообрядческого движения¹ [3; 4; 5].

Источниками для изучения старообрядцев Минусинского края являются письменные проекты документального и публицистического характера, а также полевые материалы. Сведения о староверах имеются в «Енисейских епархиальных ведомостях» и «Кратком описании приходов Енисейской епархии», авторы которого, характеризуя каждый из приходов, отмечают проживание в них старообрядцев [6]. В архиве г. Минусинска хранятся пофамильные списки старообрядцев, проживавших в Минусинском уезде. Полевые материалы позволяют проверить информацию о проживании старообрядцев в известных по письменным источникам поселениях, зафиксировать особенности их вероисповедания и бытового уклада. Наибольший интерес для нас представляют данные экспедиций Минусинского регионального краеведческого музея 2009 и 2016 гг. в селах бассейна р. Сыда, в последней из которых автор принимала участие и собрала полевые материалы (далее – ПМА).

На территории Минусинского уезда выделяются несколько областей размещения старообрядцев, одной из которых является бассейн р. Верхней Сыды. Большая часть старообрядцев выбирала для поселения места по берегам рек, причем в некотором удалении от уже освоенной территории, чаще всего в подтаежной

местности. Указанная территория соответствовала их предпочтениям. Староверческое население региона проживало в селах Малые Кныши, Екатериновка, деревнях Тоболка, Силкино, Ильинка, Октябрьевка, Лулаг (Черемшанка), Мигна, Кинзель и на заимках, одной из которых была заимка Расусим [ПМА]. До середины XIX в. эта территория была практически не освоена. В 1850-х гг. выходцы из Пермско-Вятского региона основывают здесь деревни, в том числе Екатериновку и Малые Кныши [7]. Вероятно, к указанному времени относится первое появление старообрядцев в бассейне р. Сыды. Пермско-Вятский край часто назывался информантами как место выхода переселенцев-старообрядцев. Так, в д. Силкино староверов именовали вятские, «вятский лапотъ» [ПМА]. В связи с ростом переселенческого движения в 1880–1890-х гг. и начале XX в. сеть населенных пунктов в верховьях Сыды расширяется. К 1889 г. относится первое упоминание о деревнях Тоболка и Силкино². В окрестностях Малых Кнышей появились выселки: Мигна, Кинзель, Ильинка, Октябрьевка, в двух последних преобладали кнышинские старожилы³. В 1914–1918 гг. в верховьях Сыды примерно в 10–15 км к востоку от д. Козино возникло множество старообрядческих заимок, основанных переселенцами из Вятской губернии. Они были разбросаны в тайге, каждая семья жила обособленно на расстоянии 5–7 км друг от друга. Исчезли заимки в 1950–1960-е гг. в связи с отходом молодого поколения от старой веры и образа жизни родителей⁴.

Согласно «Краткому описанию приходов Енисейской епархии» в верховьях Сыды проживали представители разных толков и согласий: австрийцы, беспоповцы, беглопоповцы, часовенники, стариковщины, спаса согласия, поморцы, странники, филипповцы, «подпольники» [6, с. 148–173]. В с. Малые Кныши существовала старообрядческая община белокриницкого согласия⁵. Информанты сообщают о нескольких группах: староверах и «подпольниках» – в Силкино и австрийцах и староверах – в Екатериновке. В одном населенном пункте могли проживать представители разных старообрядческих течений, каждое из которых имело свое наименование. Такая же особенность размещения старообрядцев отмечается на территории Урала и Западной Сибири [8, с. 27].

Сведения об информантах позволяют установить фамильный состав старообрядцев. В числе староверческих семей в Силкино называли Солдатовых, Макаровых, Усовых, Костиных, Суматохиных, Белякиных, причем Белякины относились к группе «подпольников». В Тоболке приверженцами «старой веры» яв-

² Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 139, л. 3–19; Д. 146, л. 12; Д. 137, 138.

³ Леонтьев Е.В. Отчет о проведении историко-этнографической экспедиции по сельским населенным пунктам Идринского района и приложение к нему // Электронный архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыянова. Минусинск, 2009.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Чернышов В.В. Старообрядцы в Енисейской губернии (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). URL <http://xn----7sbbimrdbk3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/81> (дата обращения: 30.11.2016).

лялись Маклаковы и Башковы. В Екатериновке староверами были Кустовы, Улыбышевы, Вопиловы, Мочаговы, к австрийцам относились Овчинниковы, Морозовы, к «староверам» – Вопиловы, Кустовы, Паначевы. Пановы из «староверов» перешли в «австрийцы» [ПМА]. В составе малокнышинской общины и среди окрестных единоверцев встречались фамилии Иевлевых, Наберухиных, Придановых, Власовых, Соловьевых, Чебыкиных, Лесничевых, Юговых, Грязевых, Исаковых, Лихачевых, Азановых и др. Роды Азановых и Лихачевых считаются в Малых Кнышах старейшими. До революции были в деревне и свои «кушцы» (вероятно, зажиточные крестьяне, занимавшиеся торговлей. – Прим. авт.) – это семьи Глазуновых и Мезенцовых. Среди живших на Сыде старообрядцев назывались фамилии Плеховых, Галычкиных, Терских, Шулеповых, Кривошеинных⁶. На заимке Расусим проживали Стахеевы [ПМА].

В первой половине XX в. в г. Минусинске действовала старообрядческая церковь белокриницкого согласия. В деревнях моления проводились в домах или в особых местах. Так, моления старообрядцев малокнышинской общины проходили у родника на въезде в деревню, где стоял высокий деревянный крест. Вода этого источника наделялась особыми свойствами и считалась святой. Моления проходили без священников, службу вели старики, умевшие читать по церковным книгам (верили, что они могли прочесть в этих книгах судьбу каждого конкретного человека)⁷. В с. Екатериновке, по словам информантов, моленных мест не было, поэтому молились «воровски», «втихомолку». Староверы собирались у Кустовых. В их доме хранились книги и иконы, привезенные ими с родины. Новые иконы не писали, так как «не было разрешения». В восточном углу комнаты для икон ставился специальный столик. Иконы использовались в свадебном обряде, ими благословляли молодых.

Своего наставника в Екатериновке не было, обращались к наставнику, проживавшему в г. Минусинске, а также к деревенским наставникам, проживавшим в Курагинском районе (пос. Рошинский). Наставник приезжал на отпевание, на исповедь ехали к нему. Венчать молодых также должен был наставник, однако это соблюдалось не всегда. Наставник мог наложить епитимью. Исполнять функции наставника мог только мужчина: считалось, читать Евангелие должен мужчина [ПМА]. Особое положение занимали девицы. Им разрешалось читать Евангелие. На моления надевали особую одежду: сарафан (*горбач*), длинный, темный, однотонный, «чтобы было скромно и кротко». На моление надевали также большой платок и пояс [ПМА].

По полевым материалам можно заключить, что староверы жили замкнуто. Праздники отмечали отдельно как от приверженцев официального вероисповедания, так и от других старообрядческих групп, проживавших в поселении. Не принято было ходить

на помочи к «мирским». Если староверы участвовали в помочах, то либо не оставались на гуляние, либо угощались на нем из своей посуды. Практически все информанты отмечали, что крестились двуперстием. На праздники (например, на Пасху) было принято класть три поклона. Детям полагалось класть поклоны также на 1 сентября [ПМА].

По данным экспедиции 2009 г., полученным в с. Малые Кныши, среди староверов существовал запрет на браки с «мирскими». Особенно строгим он был в отношении женщин. Считалось, что старовер, женившись на «мирской», мог привести ее к истинной вере, а вышедшая замуж за «мирского» староверка была обречена на «сворачивание» в другую веру. Родственники в таких случаях не прощали «отлучившуюся». По рассказу одной из таких женщин, ее мать, приезжая в гости, всегда брала с собой посуду, чтобы не оскверниться⁸. Так же обстояли дела и в других населенных пунктах. «Вятские на вятских и женятся», – сообщали жители д. Силкино (поселение ныне не существует) [ПМА]. По данным экспедиции 2016 г., браки между «мирскими» и староверами все же встречались. В случае брака между старовером и «мирской» невеста должна была перейти в «старую веру». Однако соблюдались эти запреты не всегда. Детей в смешанных браках крестили староверы [ПМА].

Хоронили староверов и мирских либо на одном кладбище, но на определенном участке, либо на разных кладбищах. В Екатериновке сделанная трактором полоса делила общее кладбище на староверческую и мирскую части. К мирским на похороны не ходили: «мирские не провожают наших, наши – мирских». На могилы ставили кресты, но запрещалось их восстанавливать либо ставить памятник. Весной перед Пасхой убирали траву на кладбище. Считалось, что нельзя ставить на кладбище столы, есть, оставлять еду, разрешалось только молиться. В церкви покойных не отпевали, читали Псалтырь за упокой. Поминали дома, раздавали милостыню, чтобы помянули другие. К поминкам готовили определенный набор пищи: кисель, суп, пшеничную кашу, кутью и блины. Избыток блюд на современной поминальной трапезе осуждается: «Сейчас столько понаставят, как на свадьбу» [ПМА]. В Тоболке было отдельное староверческое кладбище. В Силкино проживали две группы староверов, одни из которых хоронили на общем кладбище, но на отдельной стороне, другие же скрывали место захоронения. Эту группу староверов называли «подпольниками». Кладбище у них находилось на Еловой горе, хоронили только ночью, «ночью унесут, похоронят, никто не знает» [ПМА]. На «вятские могилки», как их называли, не ставили крестов. У «подпольников» не принято было ходить на кладбище на родительский день. Покойных облачали в саваны [ПМА].

Практически всеми информантами отмечалась традиция есть пищу только из своей посуды: «питались отдельно, у нас пить-есть не станут», «пили из

⁶ Леонтьев Е.В. Указ. соч.

⁷ Так же.

⁸ Леонтьев Е.В. Указ. соч.

своей кружки, нам не давали», «такие же, как мы, только питались отдельно», «не зайдешь и не попьешь, разве что со своей кружкой», «посудой – только своей, посторонний придет – подадут ему посудинку, с этой пей», пили только из своей посуды, гостям не в каждую нальют [ПМА].

Старообрядцы появились на территории бассейна р. Сыды в середине XIX в. Место соответствовало их предпочтениям: было слабо заселено, располагалось в таежной местности. Полевые материалы подтверждают проживание здесь староверов-австрийцев, «подпольников», и групп старообрядцев-беспоповцев (но их принадлежность к определенному толку еще предстоит установить). Замкнутый образ жизни староверов проявлялся в их поведенческих и бытовых установках. Старообрядцы не проводили совместных молений с представителями иных течений, праздники отмечали отдельно, умерших хоронили либо на отдельном кладбище, либо в другой части общего кладбища. Бытовал запрет на браки с мирскими, однако по материалам 2016 г. видно, что соблюдался он не всегда. Самой яркой бытовой чертой является запрет на совместное употребление пищи с представителями иного вероисповедания. В настоящее время старообрядцы составляют меньшую часть населения данных поселений. Многие населенные пункты, где они проживали, такие как Силкино, Тоболка, Ильинка, Октябрька, Лугаг (Черемшанка), Мигна, Кинзель, исчезли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 год. Томск: Изд-во Ф.П. Романова, 1904. С. 3–61.
2. Иванов В.Н. Народы Сибири в трудах Ф.Я. Кона. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 172 с.
3. Старообрядцы Приенисейской Сибири: история и современность. Красноярск, 2012. 220 с.
4. Шестаков А.Н., Леонтьев Е.В. Старообрядческое население Казыра // Старообрядцы Приенисейской Сибири: история и современность. Красноярск, 2012. С. 19–25.

5. Рыговский Д.С. «Чистое», «мирское» и «поганое»: старообрядческая концептуализация ритуальной чистоты // Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции. Академическая серия «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия». 2018. С. 167–186.

6. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1916. 243 с.

7. Леонтьев Е.В. Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 г. // Мартыновские краеведческие чтения. Минусинск, 2010. Вып. 6. С. 100–105.

8. Рыговский Д.С. Святые места и обряды как «неотчуждаемая собственность» конфессиональной группы (на примере сибирских старообрядцев) // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Перм. гос. гум.-пед. ун-та. Сер.: Stadia Historica Jenium. 2015. № 1. С. 27–31.

REFERENCES

1. Adrianov A.V. Essay of Minusinsk district. *Sibirskiy torgovo-promyshlennyy kalendar' na 1904 god*. Tomsk, 1904, pp. 3–61. (In Russ.)

2. Ivanov V.N. Siberia peoples in the works by F.Ya. Kon. Novosibirsk, Nauka, 1985, 172 p. (In Russ.)

3. Old Believers of Prienisey Siberia: history and modernity. Krasnoyarsk, 2012, 220 p. (In Russ.)

4. Shestakov A.N., Leont'ev E.V. Old Believers population of Kazyr. *Starobryadtsy Prieniseiskoi Sibiri: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk, 2012, pp. 19–25. (In Russ.)

5. Rygovskii D.S. "Clean", "profane" and "filthy": Old Believers' conceptualization of ritual purity. *Zaprety i predpisaniya v slavyanskoy i evreyskoi kul'turnoi traditsii*. Moscow, 2018, pp. 167–186. (In Russ.)

6. Brief description of the parishes of the Yenisei diocese. Krasnoyarsk, 1916, 243 p. (In Russ.)

7. Leont'ev E.V. Re-settlement of peasants in the southern Yenisei province on the tax audit materials of 1850. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya*. Minusinsk, 2010, iss. 6, pp. 100–105. (In Russ.)

8. Rygovskiy D.S. Sacred places and rituals as «inalienable possessions» of a religious community. *Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Ser.: *Stadia Historica Jenium*, 2015, no. 1, pp. 27–31. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190210
УДК 391

Р.Ю. ФЕДОРОВ

ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ МАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Тюменский научный центр СО РАН,
РФ, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

Исследование опирается на материалы этнографической экспедиции, проведенной в 2017 г. в Манском р-не Красноярского края – на территории компактного проживания потомков белорусских крестьян–переселенцев начала XX в. Были выявлены характерные особенности традиционной культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода. Отмечен фрагментарный характер их сохранности. Установлено, что наиболее активно адаптационные процессы происходили у представителей первых двух поколений переселенцев. Они были связаны как с адаптацией к новым природно-климатическим условиям и этническому окружению, так и с необходимостью изменения жизненного уклада после установления советской власти. На основании полиэтничного состава обследованных деревень и получившего в них распространения смешанных браков сделан вывод о высокой степени межэтнической интеграции потомков белорусских крестьян-переселенцев и представителей других народов, проживающих на территории данного района.

Ключевые слова: белорусы, крестьянские переселения, Манский район, Красноярский край, традиционная культура, этнокультурная адаптация.

R.YU. FEDOROV

TRANSFORMATIONS OF TRADITIONAL CULTURE AND ADAPTATION PROCESSES AT THE BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS OF MANSKY DISTRICT OF KRASNOYARSK KRAI (ON MATERIALS OF FIELD RESEARCHES)

Tyumen Scientific Centre SB RAS,
86 Malygina str., Tyumen, 625026, Russian Federation

Krasnoyarsk Krai is a leading region in Siberia on a number of Belarusians who settled the territory at the period of mass peasant resettlements in the late XIX – early XX centuries. Despite this fact, it remains one of the least studied Siberian as regards the ethnography of Belarusians living in its territory. The ethnographic expedition held in 2017 in Mansky District of Krasnoyarsk Krai partially filled the gap. The expedition materials become an empirical basis of this study. The research methodology is based on a comparative historical approach. Features of traditional culture of the Belarusian peasants-migrants were compared with its prototypes in Belarus and a new ethnic environment of migrants in Siberia. The expedition revealed the most stable patterns of traditional culture brought to the Siberian territory by the immigrant ancestors. Adaptation processes most actively took place among the first and second generations of migrants. Originally, they were connected with adapting to new climatic conditions and ethnic environment. Later such factors as changes of social and economic life of the Soviet village related to collectivization, life modernization, as well as the World War II consequences affected the adaptation. Nowadays, the prevalence of the multiethnic population is typical for all villages in the surveyed area, where descendants of the Belarusian migrants live. A number of factors contributed to its formation. Initially, lots of sites were populated by people from different provinces with equal economic and social situation. It promoted faster interethnic integration of Belarusians with other migrant groups in comparison with those areas where they lived neighboring Cheldons, Russian old-timer population. In the 1930–1940s the composition of population in the surveyed villages became more ethnically mixed due to resettling residents of individual farms (hutors) to large collective farms (kolhoz), and a demographic failure after the Great Patriotic War. These factors led to mixed marriages becoming more widespread during this period. Due to this situation, today, the migrants identification with Belarusians is connected only with echoes of historical memory kept in their families.

Key words: Belarusians, peasant resettlements, Mansky district, Krasnoyarsk Krai, traditional culture, ethnocultural adaptation.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-09-00028.

Роман Юрьевич Федоров – канд. филос. наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, e-mail: r_fedorov@mail.ru.
Roman Yu. Fedorov – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Associate, Tyumen Scientific Centre SB RAS.

Красноярский край занимает одно из ведущих мест в Сибири по числу выходцев из Белоруссии, обосновавшихся здесь во время массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX в. [1, с. 189]. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Канского, Ачинского, Красноярского и Минусинского округов Сибирского края, территория которых в основном совпадает с административными границами современного Красноярского края, проживало 113 010 белорусов¹, что составляло около трети от общего числа проживавших в Сибири белорусов. При этом 98 % их числа были жителями сельской местности, т.е. они являлись крестьянами-переселенцами.

Сегодня Красноярский край остается одним из наименее изученных регионов Сибири по поводу этнографических характеристик проживающих на его территории белорусов. Лишь узкий круг работ посвящен отдельным аспектам крестьянских переселений белорусов на территорию края [2; 3; 4; 5; 6] и др. В 2011 г. Е.Ф. Фурсовой была проведена этнографическая экспедиция на территории Манского района Красноярского края, в ходе которой изучались этническое самосознание, календарная и семейная обрядность белорусских переселенцев [7; 8].

В 2017 г. Манский район был вновь выбран нами для проведения этнографической экспедиции, ее материалы и стали основой для настоящей статьи. В ходе экспедиции были опрошены представители второго и третьего поколений белорусских крестьян-переселенцев, рожденные в 1920–1940-х гг. и проживающие в районном центре – с. Шалинском, а также в не охваченных ранее полевыми исследованиями деревнях Кияй, Пимья, Покосное, Орешное, Нарва, Кирза, Сугриное и Выезжий Лог.

Выбор Манского района для проведения экспедиционного исследования обусловлен тем, что во многом этот район типичен для земледельческой зоны юга Красноярского края, куда активно направлялись крестьянские переселения в период аграрной реформы П.А. Столыпина. Это обстоятельство дало возможность реконструировать на материалах отдельного локального исследования ряд общих этнокультурных процессов в среде белорусских крестьян-переселенцев, которые были характерны для всего региона. В задачи экспедиции входила фиксация устных рассказов потомков белорусских переселенцев с целью выявления особенностей традиционной культуры, которые были привнесены их предками из мест выхода, а также изучение процессов адаптации выходцев из Белоруссии к новому этническому окружению и природно-климатическим условиям. Методология исследования опиралась на сравнительно-исторический подход, в соответствии с которым полевые материалы сопоставлялись с этнографическими описаниями, сделанными как в местах выхода белорусских переселенцев, так и у некоторых представителей их нового этнического окружения в Сибири.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 06.05.2018).

Большинство опрошенных называло регионом выхода их предков Могилевскую губернию, давшую Сибири наибольшее число переселенцев [9]. Основным мотивом переселений являлось малоземелье, от которого во второй половине XIX – начале XX в. страдали многие крестьяне, проживавшие на территории современной Беларуси. Анализ устных рассказов потомков переселенцев позволил нам выявить отдельные, наиболее стойкие элементы традиционной культуры, привнесенные из мест выхода их предков, а также проследить их некоторые трансформации.

В календарной обрядности долгие все сохранялись характерные для белорусов варианты праздников зимнего и весеннего цикла. Из летних праздников наибольшее значение имели Троица и Купала. Вместе с тем осенние праздники, связанные с окончанием земледельческих работ, утратили свое былое значение. Этому способствовало разрушение традиционных форм ведения сельского хозяйства в советское время и прекращение во многих деревнях коллективных земледельческих работ в постсоветский период. Из семейной обрядности наибольшей сохранностью характеризуются поминальные обряды. Во многом это связано с тем, что их носителями продолжают оставаться представители старших поколений, тогда как практически полное исчезновение традиционных родильно-крестильных и свадебных обрядов связано с общими процессами модернизации жизненного уклада, а также с оттоком молодежи из сельской местности. На сегодняшний день традиционные для белорусов поминальные дни под названием *Деда* редко отмечаются в семьях потомков переселенцев. У некоторых представителей старшего поколения жителей д. Кияй сохранились воспоминания о том, что первопоселенцы деревни отмечали Деда четыре раза в году. Затем этот праздник сохранился в отдельных семьях лишь фрагментарно и чаще всего отмечался в ноябре на Дмитриевскую субботу или в декабре на Николу. Сокращение количества дней, в которые отмечали Деда, было характерно и для других мест компактного проживания белорусских переселенцев в Сибири [10].

В материальной культуре наиболее консервативными являются навыки приготовления традиционных блюд, характерных для белорусов. Во многом это связано с тем, что у большинства потомков переселенцев сохранились приусадебные хозяйства, которые сегодня позволяют хотя бы частично воспроизводить сложившиеся в их семьях традиционные элементы культуры питания. Причем в смешанных браках женщины, как правило, оставались хранительницами национальных гастрономических традиций.

Большинство потомков переселенцев, проживавших в указанных деревнях, отмечали, что в их семьях на протяжении долгого времени выпекался только ржаной хлеб. Повсеместное распространение пшеничного хлеба относят лишь к послевоенному времени. Среди блюд из круп широкое распространение имели каши, кулага, затирки и клецки. В рационе белорусских крестьян Манского района значительное место занимал

картофель. Его употребляли в отварном, жареном и запеченном виде. Картофель также был основным ингредиентом для таких блюд, как драники, бабка и комы́. Второй по значимости овощной культурой после картофеля являлась капуста. В рационе первых поколений белорусских переселенцев из мяса преобладала свинина. Домашние колбасы считались преимущественно праздничным блюдом. В некоторых семьях до сих пор сохранились традиции приготовления кровяных колбас, которые не были характерны для русского населения Сибири. В их рецептуре выявлены инновации, связанные с адаптацией культуры питания переселенцев к новым условиям. Так, для приготовления колбас, кроме свиной крови, могут использовать говяжью, а также кровь лося или марала. Со второй половины XX в. в рационе питания белорусов помимо свинины возросла роль говядины, баранины и куриного мяса. Рассматривая трансформации традиционной культуры питания белорусских переселенцев, проживающих на территории Манского р-на, следует отметить увеличение в их рационе доли мяса и рыбы, что во многом связано с развитием охоты и рыболовства. Переселенцы также активно занимались сбором кедровых орехов и ягод. Причем в культуре питания белорусских переселенцев отмечается большая вариативность в рецептах блюд, идентифицируемых с каким-либо одним традиционным названием. Так, переселенцы стали использовать кабачки, получившие у них распространение в Сибири, вместо традиционного картофеля для приготовления драников. Этому способствовало несколько факторов. Один из них связан с расширением или вынужденной заменой ингредиентов для приготовления традиционных блюд в новых условиях. Другим немаловажным фактором отклонения от исходных традиций стали заимствования у местного этнического окружения, а также утрата отдельных традиционных навыков приготовления пищи представителями более молодых поколений переселенцев.

В отдельных местах компактного проживания белорусов в Манском районе до сих пор сохранились жилые и хозяйственные постройки с элементами строительной культуры, привнесенными переселенцами из мест выхода. Однако ввиду ликвидации хуторов, повлекшей за собой переезд переселенцев в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в сравнительно крупные деревни, а также с учетом пожаров и заимствований более рациональных строительных приемов у сибиряков народная архитектура переселенцев Манского района довольно быстро утратила свои изначальные особенности. Несмотря на это, белорусские особенности терминологии, связанной с жилыми и хозяйственными постройками, оказались достаточно стойкими. Следует также отметить, что традиции изготовления домотканой одежды из льна продолжали бытовать вплоть до 1960-х гг., когда для большинства жителей сельской местности уже была доступна одежда фабричного производства.

В зафиксированных в ходе экспедиции устных рассказах потомков белорусских переселенцев обра-

щает на себя внимание то, что народная память в большинстве случаев сохранила лишь отдельные детали определенных компонентов традиционной национальной культуры. При этом многие информаторы испытывали затруднения в ответах на просьбу подробно описать все составляющие тех или иных праздников и обрядов, навыков традиционной хозяйственной деятельности и т.д. Все это указывает на фрагментарную сохранность традиционной культуры переселенцев.

ВЫВОДЫ

Анализ устных рассказов, зафиксированных в ходе экспедиции, позволяет получить общее представление о характере адаптационных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Манского района, имевших место с начала XX в. Опираясь на модель адаптации, предложенную О.Н. Шелегиной [11], период преадаптации, связанный с привнесением на новую территорию традиционных для мест выхода принципов жизнеобеспечения, формированием потребности в адаптации и началом реализации ее стратегий, был характерен для первого поколения переселенцев. Представители второго поколения переселенцев оказались в специфической ситуации, в которой адаптационная нагрузка на них включала несколько ключевых факторов. Первый из них был связан с продолжением начатой родителями адаптации традиционной хозяйственной деятельности к природно-климатическим условиям Сибири и привнесением в нее заимствований у нового этнического окружения. В рассказах информаторов это нашло отражение в отмечаемом ими повышении роли собирательства и охоты в жизнеобеспечении, внедрении новых приемов земледелия, элементов строительной культуры, появлении новых видов зимней одежды и т.п. Вторым немаловажным фактором, оказавшим влияние на адаптационные процессы среди представителей второго поколения переселенцев, стали революционные изменения социально-экономических реалий советского села, связанные с проведением политики коллективизации, модернизацией быта, а затем с последствиями Великой Отечественной войны. Период постадаптации, для которого характерно «совершенствование результатов адаптации, достигнутых на предшествующих этапах, сохранение их ценности для будущего в латентном состоянии» [11, с. 109] отчасти можно соотнести с периодом, начавшимся в 1950-е гг.

Для более глубокого понимания специфики периода постадаптации и современной этнокультурной ситуации следует принимать во внимание то, что для всех обследованных на территории района деревень, в которых проживают потомки белорусских переселенцев, характерно преобладание полиэтнического населения. Его формированию способствовал ряд факторов. Большинство переселенческих участков изначально осваивалось выходцами из нескольких губерний, которые находились в равном социально-экономическом положении. Это способствовало более бы-

строй межэтнической интеграции белорусов с другими группами переселенцев по сравнению с теми районами, где они первоначально проживали в окружении русского старожильческого населения – челдонов. В 1930–1940-х гг. еще большему смешению этнического состава обследованных деревень способствовало переселение жителей хуторов в те поселения, где создавались колхозы, а также демографический провал, наступивший после Великой Отечественной войны. Все эти факторы обусловили широкое распространение в указанный период смешанных браков. Многие из опрошенных респондентов, представители третьего поколения переселенцев, являются детьми от браков белорусов с русскими, украинцами, латышскими, эстонцами, греками и другими проживающими в этом районе национальностями. А.Ю. Майничева, рассматривая механизмы межпоколенной трансляции идентичности и традиций представителей различных переселенческих общностей, проживающих в Сибири, отмечала важную роль в них представителей третьего поколения. Именно они определяют стратегию дальнейшего сохранения этнических традиций предков или отказа от них [12]. В Манском районе большинство респондентов (третье поколение белорусских переселенцев) считают себя в первую очередь полноправными сибиряками. При этом они нередко испытывают уважение и ностальгический интерес не только к традициям предков – белорусов, но и к этнокультурному наследию представителей других проживающих рядом с ними национальностей, что косвенно подтверждает сделанное в ходе исследования заключение о высокой степени межэтнической интеграции потомков крестьян-переселенцев, проживающих на территории Манского района.

Автор статьи выражает благодарность за помощь в организации экспедиции начальнику Отдела культуры и молодежной политики Администрации Манского района Красноярского края О.В. Лишанковой, а также ведущему методисту Л.А. Дмитриевой и старшему библиографу Н.Н. Василюк МБУК «Манская межпоселенческая библиотека».

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров Р.Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 187–195.
2. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-т., 1962. 565 с.
3. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1978. 142 с.
4. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука-Центр, 2002. 241 с.
5. Александрович Н.Ю. Переселение белорусских крестьян в Енисейскую губернию на рубеже XIX–XX вв. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru, 15 ян-

варя – 15 мая 2009 года / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009. С. 9–18.

6. Дворецкая А.П., Северьянов М.Д., Славина Л.Н., Кухта С.В. Переселенцы из Белоруссии в Енисейской губернии: имперская стратегия и сибирская реальность начала XX в. // Былые годы. 2018. № 48 (2). С. 817–827.

7. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

8. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013. 579 с.

9. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишкин В.И. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 186–189.

10. Золотова Т.Н. Поминальные традиции у сибирских белорусов // Традиционная культура. 2013. № 2 (50). С. 24–29.

11. Шелегина О.Н. О характере адаптации в культуре жизнеобеспечения русских крестьян Западной Сибири (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 109–112.

12. Майничева А.Ю. Диаспоры и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2006. С. 67–71.

REFERENCES

1. Fedorov R. Yu. Transformations of ethnic identity among descendants of the Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, no. 423, pp. 187–195. (In Russ.)
2. Stepynin V.A. Colonization of the Yenisei province during a capitalism era. Krasnoyarsk, 1962. (In Russ.)
3. Vereshchagin P.D. Country resettlements from Belarus (the second half of the 19th century). Minsk, 1978. (In Russ.)
4. Lamin V.A., Kostyuk M.P. (eds.) Sketches of history of Belarusians in Siberia in the 19–20th centuries. Novosibirsk, 2002. (In Russ.)
5. Aleksandrovich N. Yu. Resettlement of the Belarusian peasants to the Yenisei province at a boundary of the 19–20th centuries. *Sibirskiy subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost': materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii na sayte sib-subethnos.narod.ru, 15 yanvarya – 15 maya 2009 g.* Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnoyarsk, 2009. pp. 9–18. (In Russ.)
6. Dvoretzkaya A.P., Severyanov M.D., Slavina L.N., Kukhta S.V. Settlers from Belarus early in the Yeniseysk province: the imperial strategy and the Siberian reality of the early century. *Bylye gody*. 2018, no. 48 (2), pp. 817–827. (In Russ.)
7. Fursova E.F. (ed.) Belarusians in Siberia: preservation and transformations of ethnic culture. Novosibirsk, 2011, 424 p. (In Russ.)
8. Titovets A.V. (ed.) The traditional culture of Belarusians in time and space. Minsk, 2013, 579 p. (In Russ.)
9. Mamsik T.S., Maynichenova A.Yu., Shishkin V.G. Belarusians. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2010, vol. 1, pp. 186–189. (In Russ.)
10. Zolotova T.N. Funeral traditions among the Siberian Belarusians. *Traditsionnaya kul'tura*. 2013, no. 2 (50), pp. 24–29. (In Russ.)
11. Shelegina O.N. On ways of adaptation in everyday life culture of Russian peasants of West Siberia (XVIII – early XX century). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2007, no. 3, pp. 109–112. (In Russ.)
12. Mainichenova A.Yu. Diasporas and a problem of “the third generation of migrants” in Siberia. *Etnotsial'nye protsessy v Sibiri*. Novosibirsk, Institute of philosophy and law SB RAS, 2006, pp. 67–71. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190211
УДК 930+314/316(571.54)

В. В. ЛЫГДЕНОВА¹, О. Б. ДАШИНАМЖИЛОВ²

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИВОЛГИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, г. Новосибирск 630090, пр. Ак.Лаврентьева, 17
²Институт истории СО РАН,
РФ, г. Новосибирск 630090, ул. Николаева, 8

В статье анализируются основные результаты полевого исследования, проведенного в июне–августе 2018 г. в Иволгинском районе Республики Бурятия. На основе итогов анкетирования и ответов на вопросы об идеальном и ожидаемом числе детей изучались социальные нормы в отношении детности и репродуктивные установки бурятского населения. Выбор района обусловлен широким представительством в нем уроженцев других мест. Выявлено наиболее предпочтительное число детей в семьях с учетом возраста, образования, материального положения родителей. Подтвердилось наличие дифференциации в идеальном и ожидаемом числе детей у женщин с разным уровнем образования и доходов. Предположение о том, что внесемейные ценности (карьера, интересная и высокооплачиваемая работа) начинают превалировать у семей с высокими доходами, подтвердилось только частично. Доказано, что репродуктивное поведение бурятского населения соответствует третьему этапу демографического перехода.

Ключевые слова: этническая демография, население, рождаемость, Республика Бурятия, репродуктивная установка, буряты, поле-
вое исследование, анкетирование, народы Сибири, демографический переход.

V. V. LYGDENOVA¹, O. B. DASHINAMZHILOV²

**MODERN REPRODUCTIVE SETTINGS OF THE BURYATIAN POPULATION
OF IVOLGINSKIY REGION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA:
ON MATERIALS OF FIELD RESEARCH**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17 Pr. Ak. Lavrentyeva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Institute of History SB RAS,
8 Nikolayeva Str. , Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Nowadays the decline in fertility takes place in a great number of countries and regions. It makes scholars to search for reasons forcing people to reduce a number of children in families. Using only statistical and mathematical methods cannot provide full explanation. It is necessary to study reproductive behavior that is realized through reproductive setting of a person. The paper considers peculiarities of the Buryat population's reproductive setting in Ivolginsky Region. To solve this objective the authors apply sociological and mathematical methods. The research methodology is the theory of demographic transition.

300 people between 20 and 50 years of age have been reviewed during the research. Women that live in 15 villages of Ivolginsky Region took part in the sociological review, which revealed the ideas of Buryats about the optimum number of children (3,159 children per a woman). It is explained by the fact that the research was conducted in the countryside region where birthrates are traditionally higher than in urban areas. The

*Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00395.

Виктория Васильевна Лыгденова – канд. филос. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com.

Одон Борисович Дашинамжилов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: odon@bk.ru.

Victoria V. Lygdenova – Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Odon B. Dashinamzhilov – Researcher, Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

expected number of children was close to an ideal number – 2,902 children. Demographers regard similarity of these indicators as a proof of high harmony of reproductive settings.

The authors reveal that ideal and expected number of children have not significantly changed for over more than 20 years. Sharp decrease of the parameters is observed among the youngest group of women. The study confirms that women with high and incomplete high education have a lower ideal number of children than the rest of population. The survey results show the link between reproductive settings and financial situation. The lower is income size the higher is an ideal and expected number of children in families. Thus, the field research result proves that the Buryat population have clear ideas about the best number of children and their reproductive settings are characterized by a high harmony. In the short term one can expect further decrease in the number of children in a family and, consequently, declining birth rates.

Key words: ethnic demography, population, birth rates, Republic of Buryatia, reproductive setting, Buryats, field research, survey, sociological review, Siberian peoples, demographic transition.

На сегодняшний день сокращение рождаемости охватывает все большее число стран и регионов. Это заставляет ученых заниматься поиском причин, которые побуждают или вынуждают людей уменьшать количество детей в семьях. Изучение рождаемости только статистическими и математическими методами дает возможность выяснить ее конкретные результаты в определенных условиях. При этом остаются нераскрытыми мотивы и психологические установки людей. Этнодемографические исследования второй половины XX в. показали, что на территории Советского Союза существовала значительная дифференциация в рождаемости, которая была обусловлена спецификой демографического поведения разных национальностей [1].

Однако даже подробная демографическая статистика не способна предоставить полной информации о рождаемости, в том числе ранжированной по этническому признаку. Именно поэтому возникает необходимость в раскрытии механизма того, как различные факторы (социальные, экономические, социальные нормы и представления и пр.) воздействуют на сознание индивидов, формируя определенное социально-демографическое поведение. Эта сфера жизнедеятельности людей, иначе говоря, их репродуктивное поведение, вынуждает демографов обратиться к социологии, психологии и этнографии. Исследование механизма репродуктивного поведения человека привело ученых к необходимости выделить отдельные психологические компоненты, руководящие его поступками в данной сфере.

Ключевым элементом сознания личности является система потребностей, которая в разные исторические периоды имела свои особенности. Потребность в детях и ее место в системе ценностей тоже формировались под влиянием многочисленных внешних факторов в процессе становления личности и во многом определяли поведение человека в репродуктивном возрасте.

Репродуктивное поведение в свою очередь реализуется посредством репродуктивной установки человека. Она играет ключевую роль в поведении человека в вопросах, связанных с числом детей в семье. Репродуктивная установка проявляется также в его мнениях и высказываниях на эти темы. Именно поэтому представляется возможным с помощью социологических методов выявить и изучить этот феномен. Мы исходим из теоретической предпосылки о том, что конечное

реальное число детей в семьях является результатом тесного взаимодействия и взаимовлияния репродуктивной установки и внешних условий.

Одним из наиболее распространенных методов исследования репродуктивных установок стало изучение мнений населения о числе детей в семье [2, с. 64]. Анализ мнений позволяет на основании ответов опрошенных составить представление о психологическом настрое семей, который во многом оказывает воздействие на текущий уровень рождаемости. Исследователями разработан круг вопросов, которые характеризуют важнейшие стороны репродуктивной установки. Наиболее распространенными являются вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей. Ответы на них позволяют получить определенное представление о социальных нормах в отношении детности, существующих в обществе, о потребностях в детях и реальных намерениях семей в отношении их числа.

Социальные нормы в отношении детности отражает показатель идеального числа детей; индивидуальную потребность личности в детях – желаемое число детей; оптимальное число детей в конкретных жизненных условиях – ожидаемое число детей. Ответы на вопрос об идеальном числе детей являются индикатором социальной нормы в сознании личности. Этот вопрос предлагает анкетлируемому абстрагироваться от личностных особенностей и условий жизни. Ответы на вопрос о желаемом числе детей, который реже встречается в опросах, направлены на выявление индивидуальной потребности в детях. Этот вопрос связан с определенными трудностями в понимании, так как опрашиваемые должны абстрагироваться от конкретных условий своей жизни и им трудно провести четкую грань между данным показателем и идеальным числом детей.

Ожидаемое число детей – важный показатель, который приобрел особую значимость в связи с попытками использовать его для демографических прогнозов. Ответы на этот вопрос позволяют выявить число детей, которых собираются иметь опрашиваемые с учетом их конкретной жизненной ситуации (состояние здоровья, материальная и жилищная обеспеченность и т.д.) и личностных характеристик [3, с. 24].

Разрыв между идеальным и желаемым числом детей, с одной стороны, и ожидаемым – с другой, показывает, насколько субъективные мотивы, зависящие

от условий жизни и других причин, мешают реализовать потребность в детях, а также определить наиболее важные факторы, которые опрошенные считают ограничивающими в решении данной проблемы. Если у людей личные предпочтения (желаемое число детей) совпадают с социальными нормами (идеальное число) и семейными планами (ожидаемое число), то это свидетельствует о высокой гармоничности репродуктивной установки [4, с. 204].

Следует также учитывать, что репродуктивное поведение разных этносов, даже проживающих на одной территории, может сильно различаться. В связи с этим представляет интерес изучение демографических установок не только в стране в целом или в ее отдельных регионах, но и у представителей разных этносов.

Изучение мнений об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей проводилось в июне–августе 2018 г. Программа обследования предусматривала получение информации относительно репродуктивной установки бурятских женщин, проживающих в Иволгинском районе Республики Бурятия. Поскольку выполнение такого исследования на всей территории республики потребовало бы привлечения существенных материальных и людских ресурсов, мы ограничились изучением населения одной из административных единиц. Выбор района обусловлен значительным числом мигрантов, в нем достаточно широко представлены уроженцы других мест. В целях дифференцированного анализа репродуктивных установок в анкету были включены вопросы о материальном положении, образовании, возрасте, реальном числе детей и т.п.

При разработке программы обследования за основу были приняты формулировки, предложенные при Всесоюзном обследовании репродуктивных установок семей рабочих и служащих, проведенном в 1969 г. Так как при реализации семейных планов решающее значение имело мнение женщин, опрос проводился только среди них. Всего было опрошено около 300 чел. в основном в возрасте от 20 до 50 лет. В выборку попали женщины, проживавшие в 15 сельских населенных пунктах Иволгинского района. Основная часть респондентов проживала в районном центре (Иволгинск). Значительное число опрошиваемых было из таких поселений, как Хойто-Бэе, Нижняя Иволга, Поселье, Суза, Нурселение, Сотниково, Верхняя Иволга, Гурульба, Тапхар и др.

Итак, в ходе исследования выявлено, что среди бурятского населения имеются вполне четкие представления об оптимальном числе детей в семье. Идеальное число детей среди бурят Иволгинского района составило 3,159 ребенка на одну женщину. Только 3 чел. (1,1 %) из тех, кто дал конкретный ответ, выбрали в качестве наилучшего варианта рождение одного ребенка. Среди анкетированных не оказалось тех, кто считал бы семью без детей идеальной. В городских поселениях показатель идеального числа детей наверняка был бы меньшим, он составил бы, если исходить из логики дифференциации мнений, примерно 2,500 ребенка на одну женщину.

Более половины женщин (54,0 %) считают идеальной семью с тремя детьми. Это связано с тем, что опрос проводился в сельской местности, где рождаемость традиционно выше, чем в городских поселениях. Двух детей предпочли бы иметь 24,8 %, четырех и более – 20,1 %. Интересно, что эти цифры оказались близки к показателям, полученным в исследовании 1969 г. в сельской местности СССР. Если учитывать, что большая часть опрошенных сельских жителей проживала в РСФСР, Украине и Белоруссии¹, то это является косвенным подтверждением ранее сделанного вывода о том, что демографический переход среди бурятского населения идет с запозданием примерно на 40 лет [5, с. 132]. Таким образом, приблизительно 4/5 всех опрошенных считали идеальной семью с двумя – тремя детьми.

Превышение реального числа детей над идеальным встречалось редко – всего в 5,0 % случаев. Это тоже является косвенным подтверждением того, что этнос находится на завершающем (третьем) этапе демографического перехода. Например, в конце 1960-х гг. женщины с высоким реальным числом детей в сравнении с идеальным было много в Казахстане, Азербайджане, Армении, Киргизии, которые находились тогда в конце первой – второй фазе перехода. Именно на этих этапах менялись оценки многодетной семьи, особенно у старших поколений женщин, что в свою очередь оказывало воздействие на младшие поколения.

Среди буряток Иволгинского района ожидаемое число детей, т. е. такое их количество, которое собираются иметь женщины с учетом конкретных жизненных обстоятельств, оказалось близким к идеальному числу – 2,902 ребенка. Схожесть этих показателей расценивается демографами как доказательство высокой гармоничности репродуктивных установок. Вместе с тем, поскольку речь идет о сельской местности, где внутрисемейные ценности по-прежнему играют весомую роль, такое положение неудивительно. В 1969 г. в сельской местности СССР эти различия тоже являлись слабыми (3,47 и 3,32).

Существуют и некоторые особенности. Распределение мнений по числу детей показывает, что категория женщин, назвавшая идеальным троих детей, в действительности собираются заводить их меньше (табл. 1). Вместе с тем мнения тех, кто считает идеальным и ожидаемым четырех детей и более, почти совпадают (20,1 % и 19,2 %). Внутри последней группы наблюдаются различия, вызванные тем, что женщины, которые считают наилучшим вариантом пятерых детей и более, в действительности собираются заводить их меньше. Именно поэтому категория женщин, которая действительно планирует завести четырех детей, получилась больше, чем тех, кто считает эту цифру идеальной.

¹ Исследование 1969 г. проводилось среди рабочих и служащих, без колхозников. Это значит, что реальный показатель идеального числа детей был бы несколько выше. Однако Иволгинский район, хотя и сельский, но одновременно пригородный. Следовательно, показатель идеального числа детей в целом по сельской местности республики тоже будет выше.

Т а б л и ц а 1
**Распределение мнений женщин относительно
идеального и ожидаемого числа детей, %**

Количество детей	Предпочтения женщин, доля	
	Идеальное число детей	Ожидаемое число детей
0	0	0,3
1	1,1	4,7
2	24,8	29,6
3	54,0	46,1
4	8,8	10,4
5	6,9	6,1
6 и более	4,4	2,7
В среднем	3,159	2,902
Всего	100	100

В отношении собственных семейных планов женщины демонстрируют большую осмотрительность, оценивая все риски, которые могут возникнуть и повлиять на их репродуктивное поведение. Такая закономерность прослеживается во всех странах, находящихся на поздних стадиях демографического перехода. Интересно, что показатель ожидаемого числа детей еще высок. Большая часть женщин планирует завести трех детей и более. Если в сельской местности СССР в 1969 г. таковых было 57,4 %, то среди бурятских женщин в 2018 г. – 65,3 %.

Переходим к анализу мнений различных возрастных и социальных категорий бурятского населения (возраст, образование и т.д.). Принадлежность к определенной социальной группе оказывает воздействие на демографические установки. По результатам большинства исследований считается, что установки в отношении идеального числа детей являются стабильными и меняются медленно. Этот показатель слабо варьирует в зависимости от уровня образования, социальной группы, материального достатка семьи. Действительно, в результате разработки собранных анкетных данных идеальное число детей, впрочем, как и ожидаемое, за 20 с лишним лет изменилось незначительно. Лишь в самой молодой возрастной когорте произошло резкое снижение показателей (табл. 2).

Следует отметить, что аналогичные исследования мнений за рубежом проводились в основном в послевоенные годы в период экономического роста и высокой внутренней стабильности, к тому же на завершающем (третьем) этапе демографического перехода, когда скорость падения рождаемости резко снизилась. Поэтому данный показатель слабо менялся (особенно в США, где он даже вырос по сравнению с довоенным периодом) в течение достаточно продолжительного времени. В нашей стране ситуация складывалась несколько иначе, социальные катаклизмы стали частью российского исторического процесса.

Анализируя представленные возрастные когорты с учетом исторического контекста, мы пришли к следующим выводам. Вряд ли можно считать простым совпадением то, что период рождения женщин (1969–1988 гг.), согласно сделанным нами ранее выводам, совпадает по времени со вторым этапом демографического перехода бурятского этноса. Этот этап затянулся более чем на 20 лет благодаря общественной стабильности, активной социальной и демографической политике государства. В это время суммарный коэффициент рождаемости снизился в целом по республике (городские поселения и сельская местность) незначительно, с 3,596 ребенка на одну женщину в 1970 г. до 3,211 в 1988 г., или на 10,7 %. Многодетность семей этого времени в определенной степени повлияла на демографические установки лиц, появившихся на свет и выросших в эти годы. При этом показатель идеального числа детей по сравнению с женщинами, заводившими детей непосредственно в 1970–1988 гг., стал, конечно, меньше².

Однако главной причиной сохранения идеального числа детей на одном уровне являлось то, что репродуктивный период женщин, рожденных в 1970–1980-е гг., в основном охватил 2000-е – первую половину 2010 гг. Это время восстановления экономики, работы государственных институтов, общественной стабильности, укрепления социальной сферы и т.п. Уже у поколений, рожденных в начальный период кризиса (1989–1993 гг.), идеальное и ожидаемое число детей несколько сократилось. У молодежи до 25 лет изменение семейных планов становится более очевидным. Это падение во многом вызвано ухудшением социально-экономического положения в стране после 2013 г.

Уровень образования является важной характеристикой личности, он влияет на образ жизни, интересы и ценности. Обратная связь уровня образования и рождаемости выявлена многими исследователями. Влияние образованности на репродуктивное поведение людей было довольно сильным. У женщин с уровнем образования не ниже среднего было меньше детей, чем у имеющих только начальное [6, с. 52–73]. Вследствие сдвигов в социальной и образовательной структуре увеличивалась доля лиц с демографическим поведением, характеризующимся пониженной рождаемостью и высокой миграционной активностью.

Образованные люди отличались большей расположенностью к регулированию деторождений благодаря хорошей осведомленности о мерах по предупреждению беременности. Они были склонны регулировать размеры семьи и сроки появления детей [7, с. 174]. Позднее всего ребенок появлялся у женщин с высшим образованием. От уровня образованности сильно зависело появление следующих после первого

² Судя по косвенным признакам, показатель идеального числа детей для сельской местности Республики Бурятия в 1970–1980-е гг. составил 4,3–4,5 ребенка на одну женщину.

Т а б л и ц а 2
Мнения женщин о числе детей в семье
в зависимости от возраста

Годы рождения	Возраст	Идеальное число детей	Ожидаемое число детей
1969–1978	40–49	3,398	3,091
1979–1983	35–39	3,157	2,964
1984–1988	30–34	3,187	3,012
1989–1993	25–29	2,974	2,877
1994 и младше	до 25	2,464	2,321

ребенка детей. В среднем выше у высокообразованных были интергенетические интервалы (перерывы между рождениями).

В ходе анкетного опроса выяснилось, что среди респондентов оказалось большое число лиц, получивших хорошее образование, что подтверждается переписными данными. Так, 159 чел. указали на высшее и незаконченное высшее образование, т. е. таковых оказалось больше половины среди всех опрошенных. Среднее специальное имели 133 чел. Во всей совокупности анкетированных только у одного человека было среднее общее образование и у двух – неполное среднее. Не указали уровень образования 12 чел. В связи с этим мы не стали делать подробной классификации, выделили только две категории. В первую из них вошли лица с высшим и незаконченным высшим образованием, во вторую – все остальные.

Исследование подтвердило, что у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием идеальное число детей было ниже (3,025), чем у остального населения (3,159). Но отличия оказались не столь велики, как ожидалось. Скорее всего, это обусловлено тем, что дифференциация в образе жизни и системе ценностей в сельской местности у людей с разным образовательным уровнем явно менее заметна. Круг общения, быт, ритм жизни не столь сильно различались, а влияние обычаев, традиций, ощущалось сильнее.

Подтвердилось наличие большей дифференциации между идеальным и ожидаемым числом детей в семьях у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Считается, что у более образованных женщин это различие выше, потому что с ростом уровня образования женщинам труднее реализовать свою потребность в детях, даже несмотря на то, что она и так меньше, чем у остального населения. Высокообразованная женщина обычно больше дорожит своей работой, ей необходимо больше свободного времени, у нее высокие требования к воспитанию детей.

Ожидаемое число детей у высокообразованных женщин составило 2,761 ребенка, т. е. дифференциация оказалась менее выраженной (8,7 %), чем показало исследование 1969 г. (17,3 %). У второй группы разница составила только 4,6 %. Возможно, здесь имеет место сближение демографического поведения разных образовательных групп населения на третьей фазе

демографического перехода, что было отмечено еще в выборочном исследовании 1972 г. [6, с. 70].

Высокий интерес представляет исследование зависимости репродуктивных установок от материального благосостояния. Несмотря на наши опасения, женщины в основном ответили на вопрос о доходах. В большинстве семей – это 20–40 тыс. руб. (132 чел.) и до 20 тыс. руб. (110 чел.), на доход выше 40 тыс. руб. – указал только 61 чел. Большинство демографических исследований показывает, что связь между числом детей и уровнем дохода является обратной. Одной из задач исследования является проверка данного предположения.

Для этого мы рассчитали показатели душевого дохода на одного члена семьи. Результаты опроса подтвердили наличие вышеназванной связи. Чем ниже уровень дохода, тем выше показатели идеального и ожидаемого числа детей в семьях (табл. 3). Причем эта зависимость выражена сильнее, чем дифференциация по образовательному уровню. Все опрошенные по уровню дохода были распределены на три группы.

Как видно из табл. 3, мнения об идеальном и ожидаемом числе детей являются самыми близкими в наименее обеспеченных семьях. В то же время различия явно возрастают в семьях с самыми высокими доходами. Аналогичная динамика была выявлена и в 1969 г., но тогда она была сильнее выражена, даже в сельской местности.

Анализ биографических данных анкетированных выявил интересные особенности. В группе с самым высоким уровнем дохода несколько больше молодежи, и женщины в ней чуть позже выходят замуж. Среди самых обеспеченных семей доля лиц с высшим и незаконченным образованием являлась самой высокой (62,7 %), тогда как во второй группе – 56,2 %, а среди семей с самыми низкими доходами – только 48,6 %. Это подтверждает мнение о том, что за доходом скрывается уровень образования, доступ к качественной медицине, услугам, культурному досугу и т.д.

Гипотеза о том, что внесемейные ценности (карьера, интересная и высокооплачиваемая работа) начинают превалировать у семей с высокими доходами, подтвердилась только частично. Корреляция между этими характеристиками едва заметна. Это означает, что снижение ожидаемого числа детей с ростом доходов вызвано другими причинами. Скорее всего, женщины в семьях с высокими доходами стремятся повысить

Т а б л и ц а 3
Мнения о числе детей в зависимости от уровня
доходов на одного члена семьи

Группа опрошенных	Идеальное число детей	Ожидаемое число детей
1 группа	3,538	3,475
2 группа	3,253	3,033
3 группа	2,922	2,701

качество воспитания детей, использовать свободное время для повышения культурного уровня, отдыха, интересного общения.

Косвенно это подтверждается тем, что в группе с самыми небольшими доходами и, соответственно, с высоким показателем ожидаемого числа детей самой низкой была доля жителей из районного центра – Иволгинска (28,8 %) и больше представителей мелких сельских поселений. А в группе со средними и высокими доходами доля районного центра заметно выше – 48,9 и 44,2 %.

Итак, благодаря обработке и анализу полученных результатов полевого исследования выявлено, что среди бурятского населения имеются четкие представления об оптимальном числе детей в семьях, а его репродуктивные установки отличаются высокой гармоничностью. Ожидаемое число детей является пока высоким, но у молодых поколений оно снижается. Выявлено, что в сельской местности воздействие уровня образования на планируемое число детей не являлось значительным, более сильная дифференциация обнаружена при ранжировании анкетированных по уровню дохода. В ближайшей перспективе предполагается дальнейшее сокращение ожидаемого числа детей в семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. 128 с.
2. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972. 144 с.

3. Белова В.А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.
4. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
5. Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Динамика численности бурятского населения в районах преимущественного расселения в 1959–2010 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Археология и этнография. 2018. Т. 17, № 7. С. 121–134.
6. Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1977. 104 с.
7. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М.: Статистика, 1974. 183 с.

REFERENCES

1. Bondarskaya G.A. Birth rates in the USSR (ethnic demographic aspect). Moscow, Statistika, 1977, 128 p. (In Russ.)
2. Belova V.A., Darский L.E. Opinion statistics in studying the birth rate. Moscow, Statistika, 1972, 144 p. (In Russ.)
3. Belova V.A. The number of children in a family. Moscow, Statistika, 1975, 176 p. (In Russ.)
4. Borisov V.A. Prospects of fertility. Moscow, Statistika, 1976, 248 p. (In Russ.)
5. Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. Dynamics of the Buryat population in regions of their predominant settling in 1959–2010. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Arkheologiya i etnografiya*, 2018, vol. 17, no. 7, pp. 121–134. (In Russ.)
6. Belova V.A., Bondarskaya G.A., Vishnevskiy A.G. et al. How many children will be in the Soviet family (the research results). Moscow, Statistika, 1977, 104 p. (In Russ.)
7. Sifman R.I. Dynamics of the birth rate in the USSR (based on sample surveys). Moscow, Statistika, 1974, 183 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.04.2019

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190212
УДК 94 (571.1)“1850/1917”

М.К. ЧУРКИН

ИНСТИТУТ ИМПЕРСКИХ ЭКСПЕРТОВ В КОЛОНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.): ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 166, кв. 73

Статья посвящена характеристике деятельности института имперских экспертов в плане колонизации Западной Сибири и Степного края. Включение экспертов – путешественников-экспедиционеров, чиновников регионального масштаба – в экспедиционную работу способствовало накоплению и тиражированию материалов о природных условиях, экономике, а также уточнению этнографической карты сибирских и степных территорий. Вместе с тем, экспедиционная и издательская работа имперских экспертов в ранний период колонизации под эгидой ЗСО ИРГО не отвечала масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. В 1880–1890-е гг., с ростом аграрных миграций и усилением политики «русского дела» институт имперских экспертов был реорганизован и переориентирован на выполнение исключительно имперских задач. Включаясь в общеимперский план колонизации, с присущими ему принципами доминирования и принуждения в отношении Западной Сибири и Степного края, эксперты получали неограниченный кредит доверия со стороны правительства и финансовую поддержку.

Ключевые слова: колонизация, имперские эксперты, ориентализм, общественно-политический дискурс, государственная политика.

M. K. CHURKIN

THE INSTITUTION OF IMPERIAL EXPERTS IN THE COLONIZATION OF WEST SIBERIA AND THE STEPPE KRAI (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES): FACTORS OF FORMATION AND EVOLUTION

Omsk State Pedagogical University,
73, 166Yakovleva Str., Omsk, 644007, Russian Federation

The issue of colonization tasks in the context of imperial building became an important element of the public discourse and state policy in the second half of the XIX – early XX centuries with growing migration movement to the eastern outskirts. Under conditions of peasantry mass migrations to West Siberia and steppe region (Steppe Krai), activity to define the colonization potential of settlement areas and to assess the capacities of resettlement territories for immigrants came to the fore. Solving current tasks and creating projects for “internal” colonization, the imperial authorities pursued ideological goals trying to put into practice certain elements of the “Russian cause” policy that were not implemented on the empire’s western

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, e-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Mikhail K. Churkin – Doctor of Historical Sciences, Professor of Omsk State Pedagogical University.

outskirts. Mass relocations made it possible to implement a nationally conservative plan to create a “big Russian nation”. Special functions in this program belonged to the institution of imperial experts, which was the main conductor of imperial ideas in the eastern regions. The peak of migration movement to the region chronologically coincided with the approval of the governance principles of the country’s eastern outskirts, the meaning of which was to establish the empire’s special powers in russification; it gave chances to overcome the cultural distance between Russia and West Europe. Two periods can be traced in the imperial experts’ activities. Initially, the organizer of the expert activity was the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society (ZSOIRGO). However, along with intensifying peasant migration and reanimating nationally conservative ideas, as well as emerging institutions, which claimed the colonial ministries status, the need to re-format the institution of imperial experts appeared. In the 1890s new criteria defining the content of this group of persons were approved, which included strict adherence to instructions of sending institutions, servility, mobility and desire to correlate results of their expeditionary activities with the current state tasks of colonization.

Key words: colonization, imperial experts, orientalism, social political discourse, state policy.

Вопрос о колонизации восточных окраин России во второй половине XIX – начале XX в. был тесным образом связан со стратегическими задачами империостроительства. По замечанию М. Раева, еще после смерти Петра «русское общество так и не осознало, что государство превратилось в многонациональную империю» (цит. по: [1, с. 270]). Толчком к пробуждению национального имперского сознания стала широко растиражированная в философском и общественно-политическом дискурсе Западной Европы полемика о цивилизованных и нецивилизованных народах. В продолжении XIX столетия европейскими мыслителями, попавшими под влияние идей дарвинизма, были выработаны общие теоретические положения, в основе которых находился тезис о европейской культуре как магистральном, единственно возможном пути цивилизации с последовательным привлечением к нему «нецивилизованных» народов, к числу которых выдающиеся деятели западной науки относили и славянство [2].

С середины XIX в. общественное мнение России вступает в рефлексивную стадию, в системе координат которой отечественные философы, социологи, этнографы, историки пытаются не столько найти ответ на вопрос о причинах исключения России из общеевропейской семьи, сколько обосновать правомочность собственного, «доморощенного» варианта российского империализма, обеспечивающего инкорпорированность России в европейский культурный контекст. Как бы полемизируя с Ф. Энгельсом, утверждавшим, что со времен Карла Великого немцы с величайшей настойчивостью и постоянством направляли свои усилия на то, чтобы завоевать, колонизовать, цивилизовать восток Европы [3, с. 355], представители российской власти и общества заявляли о существовании своего «востока», который по европейским лекалам становился предметом завоевания и колонизации.

В связи с этим для русских востоковедов, обративших свои взоры к восточным окраинам империи, ключевым становился вопрос об оправдании и обосновании необходимости экспансии, ответ на который они находили в свойственных европейской теории представлениях о колонизованных народах как о «других», чуждых Европе.

Актуализация этих теоретических построений, вылившихся в формирование российского варианта строительства империи, произошла во второй половине XIX в., когда освобождение крестьян

и аграрно-экологические проблемы в центре страны инициировали массовое переселенческое движение в губернии и области Западной Сибири и Степного края. Недолго бытовавшее в среде русской интеллигенции убеждение в том, что распространение среди русского крестьянства научного мировоззрения станет спасением от всех несправедливостей общественного строя, сменилось новым подходом, раскрывавшим сущность природы российской модели «внутренней колонизации», в рамках которой принципы доминирования и принуждения распространяются как на коренные группы населения, так и собственно русский народ, который являлся не только главным субъектом колонизации, но и ее объектом. В российском общественно-политическом дискурсе утверждается мысль, вполне совпадающая с выводами европейских мыслителей о необходимости «открыть» народам Востока их собственное прошлое. В.В. Бартольд в 1900 г. писал: «Восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» (цит. по: [1, с.273]). Одной из характерных черт сознания российских востоковедов, и главным образом национал-консервативного их сегмента, являлось твердое убеждение в существовании тесной связи между понятиями «национальное» и «имперское» строительство. По мнению таких выдающихся исследователей восточных окраин империи, как М.И. Венюков, В.В. Григорьев, А.Е. Снесарев, для эффективного управления народами, принадлежавшими к иной культурной сфере, необходимо ясное осознание собственной национальной принадлежности.

В 1860-х гг. на фоне политических коллизий в западной части Российской империи была проделана масштабная работа, направленная на укрепление русской национальной идентичности, благодаря «охранительным» изданиям М.Н. Каткова («Русский вестник», «Московские ведомости»). По заявлению главного идеолога национал-консерваторов, озвученному в передовой статье «Московских ведомостей», политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства [4, с. 470].

Таким образом, к 1870-м гг. во властных сферах в основном были озвучены приоритетные принципы

«оцентрирования» восточных окраин страны, в этих принципах нашли отражение ключевые задачи империостроительства. Они заключались, с одной стороны, в фиксации естественного права колонизаторов рассказывать населению этих территорий о них самих, а с другой – имперские власти позиционировали политику русификации на окраинах как цивилизующую миссию, что до некоторой степени давало возможность преодолеть культурную дистанцию между Россией и западноевропейским миром.

В реализации глобального проекта колонизации на восточных окраинах знаковая роль предназначалась имперским экспертам, деятельность которых разворачивалась на фоне смены вектора колонизации Западной Сибири и Степного края, что выразилось в постепенном отказе от признания главенства военно-политических задач в пользу обсуждения аграрных перспектив региона. Заметим, что категория «имперский эксперт» в современной историографии и специальной литературе, сосредоточенной на вопросах колонизации, трактуется максимально широко. К числу имперских экспертов можно отнести и путешественников-экспедиционеров, представлявших различные общества, и чиновников регионального масштаба разного уровня. Другими словами, речь идет о всех тех, кто так или иначе включался в колонизационный процесс, участвуя в репрезентации представлений об отдаленных территориях восточных окраин.

В рамках данной статьи имперские эксперты – это широкий круг лиц, вовлеченных центральной или региональной властью в колонизационное дело – представители общественных организаций, научного сообщества, чиновничества. Задачи исследовательского проекта, таким образом, заключаются в характеристике деятельности института имперских экспертов, а также в анализе его эволюции в процессе колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

В стартовый период формирования института имперских экспертов их деятельность была тесным образом связана с практической экспедиционной и научно-исследовательской работой учрежденного в 1877 г. (г. Омск) Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. «Политика населения» [5, с. 30], утвердившаяся в качестве приоритетного метода в имперских практиках России, предполагала активное вмешательство властных структур в колонизационный процесс и его составляющие, что означало осознание имперской бюрократией необходимости «научного завоевания» перспективных в аграрно-земледельческом отношении территорий. Организованные ЗСО ИРГО экспедиции проводились выдающимися учеными под контролем или при финансовой поддержке центральной (региональной, местной) администрации и были призваны выявить экономический потенциал региона, определить основные траектории его хозяйственного освоения, наметить перспективы земледельческой колонизации, уточнить стратегии управленческой деятельности в от-

ношении коренного населения и локальных групп принимающего общества.

Имперский ракурс исследований Западной Сибири и Степного края обозначился уже к концу 1870-х – началу 1880-х гг., когда в экспедиционную и научную деятельность ЗСО ИРГО включились не только общественно-политические деятели и ученые, но и представители военного сословия, а также чиновничество. Известно, что один из основателей отдела, лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, первоначально критиковавший ЗСО ИРГО за преобладание в нем военно-чиновничьего контингента, сам впоследствии неоднократно выполнял поручения губернской администрации, выступая в качестве правительственного чиновника. Именно Н.М. Ядринцевым на общем собрании отдела 25 октября 1877 г. была сформулирована задача ЗСО ИРГО о необходимости разработать широкую программу этнографических исследований в Западной Сибири и Степном крае [6, с. 2]. В дальнейшем практика такого «совмещения» получила широкое распространение в экспедиционных мероприятиях И.Я. Словцова, Н.Н. Балакшина, Н.К. Хондажевского, Н.П. Григоровского и других, благодаря чему изыскания в области этнографии, ботаники, почвоведения, климата, обустройства переселенцев, хозяйственной жизни казачества и «иностранцев» края, состояния торговых путей признавались в равной степени существенными и поручались людям, которые, по мнению властей, выполняли важное имперское поручение.

Стартовый этап экспедиционной и научно-академической работы ЗСО ИРГО практически совпал по времени с процессом формирования широкой правительственной программы земледельческой колонизации Сибири. Известно, что с конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда относительное аграрное перенаселение и крестьянское малоземелье, усиленные в качестве фона аграрно-экологическим кризисом, приняли реальные очертания, выразившись в резком росте вольнонародных миграций за Урал, государство принимает ряд практических мер, направленных на придание хаотическому народному движению форм колонизационного освоения. Очевидно, что ориентация центральной власти в решении переселенческого вопроса исключительно на нормативно-правовое регулирование миграций, или ставка на «голое» администрирование в регуляции крестьянских переселений, без учета общественных настроений вряд ли могла поспособствовать выработке четкого плана действий по организации хозяйственной и социокультурной инкорпорации Сибири в состав Российского государства.

В исследуемый хронологический период постепенно складываются объективные предпосылки для совместной деятельности власти и общества в колонизационном вопросе.

Существенное значение имело то, что изначально отдел был ориентирован на тесное сотрудничество с имперскими властями, и этот факт инициировал детальное исследование естественно-географических условий восточных окраин страны, в том числе в кон-

тексте земледельческого освоения. В период с 1878 по 1887 г. обществом было организовано в общей сложности 36 крупных экспедиций (Ю.А. Шмидт, П.В. Путилов, Н.Н. Балакшин, Г.Г. Анзимиров и др.), в число задач которых входило изучение территории Западной Сибири и Степного края в природно-географическом, этнографическом и земледельческом отношении (подсчитано автором по: [7]). Активная деятельность ученых-экспедиционистов позволила развеять многие мифы о бескрайности территорий, пригодных для земледельческой обработки, и, как следствие, неограниченных возможностях по расселению в регионе мигрантов.

Однако уже с 1888 по 1897 г. наметилась отчетливая тенденция к снижению экспедиционной активности отдела. В указанный период на заседаниях ЗСО ИРГО регулярно обсуждалась проблема разукрупнения экспедиций и объема издаваемых трудов по их результатам. Некоторые члены общества обращали внимание на неудобства установившейся практики «экспедиций и поездок с учеными целями, сопряженной с выдачей крупных сумм вперед и с продолжительным ожиданием результатов обработки собранного» [7, с. 20]. Вносились также предложения о сокращении числа отдаленных, дорогостоящих, крупных экспедиций и поощрении местных исследователей, «сжившихся с данной местностью, могущих ознакомиться с ней научно, в пределах известной специальности» [7, с. 21].

Практически в рассматриваемый период ЗСО ИРГО организовало 22 экспедиции, 8 из которых направлялись в относительно близлежащие районы Степного края. Безусловно, сокращение объемов экспертно-экспедиционной работы отчасти объяснялось причинами объективного свойства: смертью крупных и энергичных экспертов (Н.Н. Балакшин, Ф.Н. Усов); отъездом из Сибири знаковых деятелей общества (М.В. Певцов, М.А. Шестаков, И.Ф. Бабков). В результате сложившегося положения поездки членов ЗСО ИРГО осуществлялись в служебном порядке и без серьезной материальной поддержки.

Вместе с тем объяснения финансового и кадрового характера не исчерпывают, по всей вероятности, всего существа проблемы. По нашему убеждению, корневой причиной «блокирования» имперской властью достойного финансового обеспечения и снижения моральной поддержки ЗСО ИРГО стало неоднозначное соответствие выводов экспертов ожиданиям колониальной администрации. Фундаментальные расхождения национал-консерваторов и либералов в отношении цели и задач колонизационной деятельности на восточных окраинах империи в полной мере проявились в результатах работы ученых-экспедиционистов. Именно в системе координат функционирования ЗСО ИРГО были предприняты в этот период первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала сословий Западной Сибири и Степного края: представителей коренного населения, казачества и крестьян-переселенцев

из Европейской России. При этом отмеченная задача должна была, по убеждению власти, решаться в рамках концепции «русского дела». Однако на практике имперские эксперты не предлагали однозначного ответа на поставленные вопросы.

Так, чиновником особых поручений Н.Н. Балакшиным, в 1878 г. командированным в Степной край и выполнявшим «политический заказ» генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, при оценке будущего номадических общин региона была высказана мысль о сомнительности верноподданнических чувств кочевников, а также обоснована идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал гражданственности среди кочевников [8].

Напротив, Н.М. Ядринцевым по результатам экспедиций была разработана и опубликована в 1880 г. программа исследования инородцев Западной Сибири [6], в которой были обозначены основные параметры и направления в изучении различных аспектов колонизации Сибири, в том числе в связи с вопросом о соотношении имперских практик освоения степных областей региона с уровнем коммуникативной восприимчивости и адаптивного потенциала коренных народов.

В.А. Остафьев, будучи сторонником либеральной концепции «взросления киргизского населения» вследствие культурного «вторжения» русского крестьянского элемента, связывал перспективы освоения края с его районированием, а также с четким определением тех ареалов, где возможно внедрение земледельческих практик. Все это, с точки зрения В.В. Остафьева, могло быть достигнуто в процессе изучения края, но не с «тарантаса», а посредством привлечения широкой общественности и специалистов [9, с. 60].

Столь же неоднозначно оценивалась имперскими экспертами и роль отдельных социальных групп в аграрной колонизации региона. Так, Н.Г. Путинцев беспартийно настаивал на решающей роли казаков в Зауралье: «История признала за казаками честь завоевания Сибири и дальнейшего ее постепенного занятия от Урала до Камчатки и от Тобола к югу, вглубь Джунгарии и киргиз-кайсацких степей», именно Сибирское казачье линейное войско сыграло «столь видную роль на нашем наступательном движении на юг по Иртышу и вглубь Киргизских степей и среднеазиатских независимых ханств» [10, с. 12]. Г.Н. Потанин, напротив, полагал, что казак – «ловкий торговец, кулак и плохой работник», а «...прежняя постоянная военная служба на постоянном содержании от правительства приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами...» (цит. по: [11, с.64]).

С конца 1880-х – начала 1890-х гг. отчетливо наметился и главный предмет расхождений во взглядах «охранителей» и либералов относительно колонизационных задач и практик. ЗСО ИРГО, в кабинетной и экспедиционной работе которого заметное место

всегда занимали областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, П.М. Головачев и др.), предельно ясно формулировал свое отношение к перспективам освоения восточных окраин страны и определению места Сибири и степных областей в общеимперском пространстве. Выражая свое мнение о роли железной дороги, Н.М. Ядринцев утверждал, что ее постройка приведет к ликвидации богатств края. На страницах главного областнического издания, газеты «Восточное обозрение», Н.М. Ядринцев писал: «Если железные дороги покрыли сетью Европу и окупают себя, то выгоды “стальной сети” в Европейской России не везде оправдались и во многих местах сомнительны. Весьма важно определить культурную границу этой стальной сети в данную минуту, сообразно культурному уровню и промышленному развитию каждой страны» (цит. по: [12, с. 6]).

Резкие высказывания областников о грабительских для региона последствиях строительства Сибирской железной дороги актуализировали полемику о статусе восточной окраины. В областническом дискурсе центральное место всегда занимало понятие «колония» как определение основной сибирской ипостаси. В противовес областникам деятели правого спектра и имперские власти сознательно избегали термина «колония», поскольку восточные окраины империи воспринимались империей как естественное продолжение территорий метрополии, и эти окраины лишь должны быть «оцентрированы». В таком контексте строительство магистрали становилось способом инкорпорации Сибири в «общегосударственное тело», со всеми негативными последствиями (ресурсная эксплуатация, абсолютная зависимость региона от центра).

Главным «внутренним» аргументом, которым руководствовались власти в перестройке практик колонизационного дела в Западной Сибири и Степном крае, становилось убеждение, сообразно с которым эксперты ЗСО ИРГО – учреждения, слабо контролируемого центром, переставали быть имперскими. По замечанию А.В. Филимонова, государство остро нуждалось в разветвленной сети ответственных представителей на окраинах [13, с. 156]. Добавим, что, по мнению властей, новая генерация имперских экспертов должна была четко осознавать важность именно государственных задач в сфере колонизации. С этой целью создавались и специальные учреждения, которые, с точки зрения имперских властей, призваны были стать аналогами европейских колониальных министерств [14].

Знаковым учреждением, унаследовавшим функции ранее существовавшего Министерства государственных имуществ, осуществлявшего надзор за всеми видами собственности в империи и освоением окраин, стало Переселенческое управление, организованное при МВД в 1896 г. Показательно, что главными действующими лицами этого учреждения являлись лица технократического склада, понимавшие свою функцию как исполнительскую и осознававшие колониальный вектор своей деятельности.

Следует сказать, что представители нового поколения имперских экспертов, несмотря на различия в происхождении и политических взглядах, самым фактом создания протоколониального министерства были поставлены в условия совместной, подчиненной решению общей цели работы. В 1890-е гг. имперские власти окончательно утвердились во мнении, что только та земля является русской, где прошел плуг ее пахаря. Во многом поэтому экспедиционная деятельность имперских экспертов теперь стала направляться на реализацию собственно колониальных задач, что предопределило и соответствующий уровень их подготовки. Так, землемеры и специалисты по ирригации Переселенческого управления ездили в ознакомительные поездки в Австралию и Америку. В разработке вариантов решения переселенческих вопросов А.Н. Куломзин, приобретший богатый опыт имперского эксперта, служа в Государственной канцелярии, Министерстве государственных имуществ, департаменте госэкономии Госсовета и Комитете министров, опирался на обширный опыт развития фермерских хозяйств в Америке, но в первую очередь на прусские достижения в «германизации польских провинций» [15, с. 225]. Часть экспертов (А.А. Кауфман, Ф.А. Щербина, А.А. Половцов и др.), регулярно курсировали по империи, выполняя поручения Переселенческого управления на контрактной основе [14, с. 130].

К основным задачам экспертов относился теперь не столько сбор сведений о природно-географических и этнографических условиях региона, сколько получение материалов, касавшихся колониальной емкости сибирских и степных областей, возможностей распространения там русской оседлости, сбор статистических сведений о крестьянских миграциях и общая аккомодация свидетельств, красноречиво говоривших об успехах переселенческого дела.

Наступало время активных действий, когда экспертиза территорий, заполнявшихся переселенцами, требовала реальных результатов и принятия прагматических решений в русле общеимперского курса колонизации. В начальный период строительства железной дороги, призванной «оцентрировать» Сибирь, и организации Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), перед которым помимо непосредственных проблем магистрального строительства ставились стратегические задачи освоения отдаленных окраин, при земском отделе Министерства внутренних дел были учреждены должности чиновников особых поручений для командирования их в сибирские губернии и степные области. В результате происходил прилив свежих сил в дело организации переселений на местах (А.А. Станкевич, П.П. Архипов, К.В. Берг, П.П. Мурзин и др.). Показательно и то, что включение в переселенческое дело нового поколения имперских экспертов пришлось на 1880-е – начало 1890-х гг. – эпоху спада революционной активности интеллигенции и популярности так называемой «теории малых дел», к числу которых, несомненно, относились и экспедиционно-экспертные практики.

Симптоматично, что путешествия имперских экспертов по долгу службы призваны были «вписать» практики организации переселенческого дела в общий контекст имперских представлений о задачах колонизации как важном элементе обеспечения безопасности империи. А.Н. Куломзин, занимая одновременно посты управляющего делами Комитета министров и Комитета Сибирской железной дороги, в 1896 и 1897 гг. (в ходе поездок в Сибирь) резюмировал необходимость распространения за Уралом частного дворянского землевладения: «Между тем, целое множество примеров из прошлого колонизационной политики и в том числе неудачная попытка в 1840-х гг. даровой раздачи казенных земель малоимущим дворянам указывает, насколько непригодными для колонизационных целей элементом являются малообеспеченные классы населения, не обладающие достаточными средствами для обработки земли. При насаждении в Сибири частного землевладения нужно стремиться к привлечению такого контингента лиц, который соединял бы знания улучшенных способов ведения сельского хозяйства и необходимый оборотный капитал. В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев, преимущественно из дворян, явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твердую почву вещей»¹. Подобный проект абсолютно соответствовал политике «русского дела» на западных окраинах империи, и, соответственно, в качестве эксперимента мог быть апробирован в Западной Сибири.

Сервильность «новых» имперских экспертов, их готовность к выполнению правительственных поручений, вкупе с горизонтальной и вертикальной мобильностью, являлись профессиональными признаками группы, кардинально отличавшейся от своих предшественников – экспедиционистов ЗСО ИРГО. Более того, имперский эксперт, облеченный широкими полномочиями, становился не просто исследователем, но полномочным представителем империи в главных районах колонизации.

В этом смысле показательны некоторые сюжеты биографии одного из таких имперских экспертов – Андрея Афанасьевича Станкевича. В январе 1892 г. молодой чиновник в качестве первой самостоятельной должности получил назначение в особый комитет под началом действительного статского советника Чайковского. Комитет был создан для оказания помощи населению Тобольской губернии, пострадавшей от неурожая 1891–1892 гг. В комитете Станкевич проработал до сентября того же года, когда его направили на работу в земский отдел Министерства внутренних дел на должность младшего помощника делопроизво-

дителя. Дальнейшая жизнь чиновника была тесно связана с Переселенческим управлением МВД, от которого в 1903 г. он был командирован на Кавказ с целью организации там переселенческого дела. С Кавказа, в декабре 1904 г. Станкевича перевели управляющим канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора – по сути, с одной окраины на другую, где А.А. Станкевич занимался вопросами культуры, образования и землеустройства этих территорий, а в апреле 1905 г. был назначен почетным мировым судьей Виленского уезда.

Очевидно, что профессиональная деятельность имперских экспертов, проводивших большую часть жизни в путешествиях по бескрайним просторам государства, в обмен на исполнение сложных правительственных поручений получала гласную и негласную поддержку властей. Управляющий делами МВД Н.Н. Дурново, обращаясь к вышестоящему начальству по поводу командировки в Тобольскую губернию коллежского секретаря П.П. Архипова, особо подчеркивал, что «путевые пособия и суточное содержание командированного не отвечают важности возложенного на него поручения и количеству предстоящего ему труда. Я считал бы справедливым пособия эти назначить в усиленном размере, а именно, на подъем – 450 рублей, и суточные деньги по расчету из оклада 2000 рублей в год»². О масштабах и значимости возложенных на чиновников особых поручений обязанностей можно судить по предписанию того же Н.Н. Дурново о направлении в Сибирь и Степные области А.А. Половцова, которому предписывалось, кроме исполнения означенного поручения (изучение переселенческого дела), ознакомиться с ходом переселений в Туркестанском крае и Закаспийской области³.

Таким образом, в формировании официальных представлений и выстраивании практик колонизации восточных окраин знаменательную роль играли имперские эксперты. Первоначально категория лиц, мобилизованных для сбора общих сведений о различных районах Сибири и Степного края, группировалась при отделах ИРГО. Вовлечение экспертов в экспедиционную деятельность, реализуемую в путешествиях по районам, входящим в ареал русской колонизации, способствовало накоплению и тиражированию материалов о природных условиях региона, а также уточнению этнографической карты сибирских и степных территорий. Вместе с тем, экспедиционная и издательская работа экспертов отдела, прежде всего ЗСО ИРГО, в понимании имперской власти, не соответствовала в полной мере масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. Активизация переселенческого движения из российских губерний в 1880–1890-е гг., способствовала реанимации национал-консервативных идей осуществления политики «русского дела» и поиску надежных механизмов ее реализации на восточных окраинах. С появлением

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 391. Оп. 2. Д. 319. Л.41 об.; Оп.1. Д.388. Л.42.

² Там же. Д. 12. Л. 12–12 об.

³ Там же. Л. 31–31 об.

учреждений, претендующих на статус колониальных министерств (КСЖД, Переселенческое управление), возникла потребность в переформатировании института имперских экспертов. Принимались новые критерии, определявшие круг обязанностей и меру ответственности данной группы лиц, к числу которых можно отнести четкое следование предписаниям командирующих учреждений, сервильность, мобильность и стремление результаты своей экспедиционной деятельности соотносить с текущими задачами колонизации. Включаясь в общеимперский план колонизации с характерными для него принципами доминирования и принуждения в отношении колонизируемых территорий Западной Сибири и Степного края, эксперты получали неограниченный кредит доверия и финансовую поддержку. Результатами такой совместной работы на рубеже XIX–XX вв. стали постепенная дискредитация и исключение общественных сил России из колонизационного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толъц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С. 266–308.
2. Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. // *Вестник Том. гос. ун-та*, 2005. № 289. С. 108–113.
3. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд-во полит. литературы, 1986. Т. 1. С. 313–411.
4. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М.: Изд. С.П. Катковой, 1898.
5. Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // *Россия XXI*. М., 1998. № 11/12. С. 26–54.
6. Ядринцев Н.М. Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. изд.
7. Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества // *Записки ЗСО ИРГО. Юбилейный*. Омск, 1927. Т. XXXIX. С. 1–78.
8. Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. 56 с.
9. Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *Записки ЗСО ИРГО*. Омск, 1895. Кн. XXVIII. С. 1–62.
10. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск: Тип. Окр. штаба, 1891. 274 с.
11. Краснов Н. Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // *Военный сборник*. 1878. № 4. С. 35–69.
12. В-н Л. Прошлое и настоящее вопроса о Сибирской железной дороге // *Северный вестник*. 1892. № 10. С. 4–22.
13. Филимонов А.В. Роль чиновников особых поручений в реализации переселенческой политики на примере А.А. Станкевича // *Вестник Том. гос. ун-та*, 2016. № 407. С. 156–159.
14. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: Никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*: сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С. 105–150.
15. Канн С.К. А.Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги // *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века)*: сб. материалов Междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 218–233.

REFERENCES

1. Tolts V. Russian orientalists and pan-European tendencies in reflections on the empires of the late XIX – early XX centuries. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917)*. Moscow, 2010, pp. 266–308. (In Russ.)
2. Churkin M.K. The Problem of the natural and geographical factor role in Russian history: assessments of Russian historiography and socio-political thought in the second half of the XIX–XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 289, pp. 108–113. (In Russ.)
3. Engels F. The revolution and counter-revolution in Germany. Marks K., Engel's F. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1986, vol. 1, pp. 313–411. (In Russ.)
4. Katkov M.N. Editorials collection of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. 1863. Moscow, Izd. S. P. Katkovoy, 1898. (In Russ.)
5. Kholkvist P. The Russian catastrophe (1914–1921) in the European context: total mobilization and “population policy”. *Rossiia XXI*, 1998, no. 11/12, pp. 26–54. (In Russ.)
6. Yadrincev N.M. The program to study indigenous peoples of West Siberia. Omsk, 1880, 16 p. (In Russ.)
7. Semyonov V.F. Essay on the fifty-year activity of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1927, vol. 39, pp. 1–78. (In Russ.)
8. Balakshin N.N. About the Kirghizs and Muslims subjected in Russia. Saint Petersburg, Tip. MVD, 1887, 56 p. (In Russ.)
9. Ostaf'ev V.A. Colonizing steppe regions in relation to the problem of nomadic economy. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1895, vol. 28, pp. 1–62. (In Russ.)
10. Putintsev N.G. A chronological list of events from the history of the Siberian Cossack Army from the moment of their resettlement on the territory they occupy now. Omsk, Tip. Okr. shtaba, 1891, 274 p. (In Russ.)
11. Krasnov N. Population and Cossacks territory in Europe and Asian Russia. *Voennyi sbornik*, 1878, no. 4, pp. 35–69. (In Russ.)
12. V-n L. The past and present of the Siberian railway issue. *Severnii vestnik*, 1892, no. 10, pp. 4–22. (In Russ.)
13. Filimonov A.V. The role of special assignment's officials in implementing the resettlement policy, a case of A. A. Stankevich. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 407, pp. 156–159. (In Russ.)
14. Sunderland V. The Ministry of Asian Russia: the colonial office that never existed but had every chance for it. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)*. Moscow, 2010, pp. 105–150. (In Russ.)
15. Kann S.K. A. N. Kulomzin on the resettlement policy of the Siberian Railway Committee. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX veka)*: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. Novosibirsk, 2014, pp. 218–233. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190213
УДК 94+332.1(571) "1920/1980"

А.И. ТИМОШЕНКО

АРКТИКА И СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ (1920–1980-е гг.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается роль советской Арктики, а также Сибири в экономическом развитии и индустриальной модернизации СССР. Кроме того, анализируются особенности экономики регионов в советский период. Обозначены этапы в экономическом развитии Арктики. Подчеркнуто, что первой индустриальной программой в регионе было строительство в Норильске, которое началось в середине 1930-х гг., а в апреле 1942 г. был получен первый никель – важнейший металл для военно-оборонной промышленности. Огромное значение в экономическом развитии Арктики имел Северный морской путь, проходящий исключительно вдоль границ Советского государства. Следующей по времени явилась нефтегазовая программа в Арктике, которая и в настоящее время успешно развивается. В статье сделан вывод, что в советский период в экономическом развитии Российской Арктики, в том числе ее сибирской части, был сделан значительный шаг вперед. Эти достижения внесли весомый вклад в развитие экономики не только Сибири, но и всего Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, Сибирь, Арктика, экономическое развитие, индустриальные программы, военно-оборонная промышленность, Северный морской путь.

A.I. TIMOSHENKO

THE ARCTIC AND NORTHERN SEA ROUTE IN ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIA (1920–1980s)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

This article objective is to reveal main issues related to peculiarities of the Arctic economic development during the Soviet period. The study is essential to define the historical experience of industrial development of the region rich in natural and mineral resources. The article's problematic field includes step-by-step implementation of industrial programs in the Arctic. The first program was the industrial project's realization in Norilsk: the metallurgical plant construction began in 1935; the first portion of nickel (the most important metal for the military-defense industry) was smelted in 1942. Norilsk industrial area continued its development after the World War II. In 1950s Norilsk had already been able to produce a substantial amount of nonferrous metals, which became even larger after Nadezhdinskiy smelter start-up. The article points out other events of the industrial modernization taking place after the World War II in the Arctic and northern Siberia regions under industrial program's implementation. The next program was forming the West Siberian oil and gas complex to produce large volumes of natural gas and oil. Hydrocarbon extraction in Sub-Arctic and Arctic regions started in the late 1950s and actively developed in 1960–1980s. Nowadays, it is still the main source of fuel and energy resources in the country. The state strategy was aimed exclusively at promoting the growth of industrial capacity of eastern regions including Arctic Siberia. The Northern Sea Route along the Soviet Union's northern border was very important for economic development of Soviet Arctic.

The author concludes that the main factor of economic development of Siberia and Arctic in the USSR was industrial modernization which pre-determined the state approach to this region.

Key words: USSR, Siberia, Arctic, economic development, industrial programs, military defense industry, Northern Sea Route.

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00041А «Экономическое и социально-демографическое развитие Арктических территорий СССР (1920-1980-е годы).

Альбина Ивановна Тимошенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Albina I. Timoshenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Institute of History SB RAS.

Проблемы, связанные с российской Арктикой, привлекают самое пристальное внимание исследователей, особенно отечественных историков (см., напр.: [1; 2; 3]). Советское правительство с самого начала своего существования рассматривало Арктику как зону важнейших национальных интересов страны. В своих намерениях оно основывалось на представлении о чрезвычайной значимости северных территорий для страны как в геополитическом, так и в экономическом отношении. Уже в 1920-е гг. северные регионы включались в общегосударственные планы социально-экономического развития СССР. Акцентировалось внимание на обустройстве и развитии Северного морского пути (СМП), который признавался важнейшей транспортной магистралью для полноценного государственного развития, имеющей кратчайшее расстояние между западом и востоком страны, а именно портами Мурманском и Владивостоком. СМП полностью проходил вдоль границ государства и не зависел от международных отношений в тот или иной период времени, в отличие, например, от южного прохода через Суэцкий канал. Кроме того, Северный морской путь вместе с реками Сибири составлял глобальную транспортную сеть, охватывающую своим влиянием огромную территорию. Поэтому обустройство СМП и создание крупнотоннажного речного флота в Сибири, оживление здесь хозяйственной жизни в целом оценивалось советским правительством в качестве важнейшей задачи региональной политики.

Попытки освоения СМП предпринимались еще в имперский период. Затем эту эстафету приняло советское правительство, которое в апреле 1920 г. в Сибири при Сибирском революционном комитете (Сибревкоме) организовало специальный Комитет Северного морского пути. На него были возложены обязанности объединить под своим контролем все проводимые в Сибири работы по изучению и оборудованию СМП, «имеющие целью превращение последнего в артерию планомерной экономической связи Сибири со странами Европы и Тихого океана путем транспортирования грузов через устья Оби, Енисея и Лены и Колымы, а также для наблюдения за правильным ходом работ по совершаемым Северным морским путем товарообменным операциям»¹.

В докладе на заседании Сибревкома, посвященном организации Комитета Северного морского пути, говорилось, что он должен являться не губернским и не областным, а всероссийским учреждением, составлять особый специальный орган центральной власти, непосредственно ей подчиненный как «особое представительство в Сибири, охватывающее работу по Северному морскому пути, как в организационной, так и оперативной стадиях». Исполнительным органом Комитета было определено Управление делами, состоящее из 9 отделов: торгового, транспортного, портового хозяйства, гидрографического, радиосвязи, по

топливу, секретариат (с хозяйственным подотделом), сметно-финансового и научного. Возглавлял каждый отдел соответствующий специалист, проверенный на лояльность советской власти и утвержденный Сибревкомом. Таким образом, на службе советской власти были оставлены прежние работники и участники полярных экспедиций: К.К. Неупокоев, А.М. Вихман, Б.А. Дмитриев, Н.И. Евгенов, С.Д. Лаппо др. На все ключевые посты были назначены советские функционеры. Комитет возглавил член Сибирского революционного комитета Ф.И. Локацков, его заместителем был назначен сотрудник имперского периода экономист Ф.А. Шольц².

Комитет СМП создавался для проведения так называемых Карских экспедиций, которые со временем стали более или менее регулярными. Наркомат внешней торговли и Наркомат путей сообщения под контролем Совета народных комиссаров закупали, насколько позволяли государственные финансы, за границей новые суда, ледокольное оборудование, новые сигнальные и навигационные приборы, моторные лодки и другое оборудование, необходимое для плавания по северным морям. Вывозом грузов из Сибири (продовольствия, пушнины, рыбы, леса, различного сырья) и доставкой их в порты на арктическом побережье по сибирским рекам занимались соответствующие отделы Комитета СМП. Его представительство в Архангельске в свою очередь контролировало поставки в Сибирь машин, инструментов, охотничьего снаряжения, химических и других товаров, в которых нуждался регион. Заграничные представительства Наркомата внешней торговли РСФСР в Лондоне и Берлине работали в рамках общей схемы планирования и реализации импортно-экспортных операций. На государственные средства закупались товары, фраговались морские суда, контролировались грузоперевозки из европейских портов на восток.

Карские экспедиции постепенно приобретали все больший опыт и успех. Государственный интерес к их развитию объяснялся, несмотря на трудности и издержки, их высокой экономической эффективностью. В результате плавания по Северному морскому пути перемещались на значительные расстояния объемные сырьевые грузы, которые направлялись на экспорт. Ими не загружался более дорогой железнодорожный транспорт. Развитие перевозок стимулировало хозяйственную жизнь в северных районах: разработку месторождений курейского графита, производство лесоматериалов. При значительных лесных богатствах Сибири вывоз леса мог стать главной и самой прибыльной частью экспорта. В перспективных планах хозяйственного развития северных районов Сибири предполагалось строительство крупного деревообрабатывающего центра в Игарке, нескольких лесозаводов в районе Маклаково и Енисейска, за счет продукции которых планировалось значительно увеличить количество экспортных лесоматериалов из Сибири.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

² Там же. Д. 4. Л. 4, 209.

В конце 1920-х гг. Комитет СМП был реорганизован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта в системе Наркомата торговли СССР, которое получило название «Комсеверопуть». Так была создана специфическая территориальная комплексная пионерная организация, которая должна была осуществлять не только транспортные операции по рекам Сибири и Северному морскому пути, но и вести заготовку леса, строить порты, разрабатывать месторождения полезных ископаемых и даже решать социально-экономические проблемы на подведомственной территории, чем она и занималась в 1928–1932 гг.

Продолжало хозяйственную и научную деятельность в Арктике и Главное управление Северного морского пути («Главсевморпуть»), которое заняло важное место в иерархии государственной власти в регионе. Юридически данный факт был закреплен специальным постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 20 июля 1934 г. В нем говорилось, что вся хозяйственная и научно-исследовательская деятельность в Арктике должна проводиться под руководством Управления «Главсевморпуть». Устанавливались также границы территории влияния этой специфической организации. В европейской части страны они распространялись на острова и моря Северного Ледовитого океана, а в азиатской – на всю территорию к северу от 62-й параллели. Согласно постановлению, все предприятия союзного значения, расположенные на этой территории, переходили в ведение «Главсевморпути». Организация по своему усмотрению могла формировать кадровый корпус, проводить мероприятия по подготовке и закреплению кадров, страхованию их жизни и трудоспособности при работе в северных условиях [4, с. 481–486].

Свою деятельность Управление «Главсевморпуть» осуществляло через семь территориальных управлений: Ленинградское, Архангельское, Мурманское, Омское, Красноярское, Якутское, Дальневосточное с подчинением ему Чукотского треста. Каждому территориальному управлению отводилась особая роль. Например, на Ленинградское возлагалась организация сквозных рейсов по Северному морскому пути, Якутское отвечало главным образом за речные перевозки, развитие местной промышленности и работу судововерфей и т.д. В результате деятельности «Главсевморпути» уже в 1930-е гг. была проведена значительная работа по освоению Северного морского пути, научному изучению полярных областей, развитию речного судоходства, промышленному и транспортному строительству, а также по обеспечению жизнедеятельности населения на Севере. К началу 1940-х гг. российская Арктика была покрыта густой сетью полярных станций, а с 1937 г. начались исследования на дрейфующих льдинах [3, с. 214–264].

Важная часть советских планов в Арктике была связана с изучением ее природных ресурсов и включением их в развитие экономики СССР. Эти задачи уже

ставились в плане ГОЭЛРО. Проведенные в его рамках горно-геологические изыскания на Таймыре под руководством Н.Н. Урванцева позволили выдвинуть на повестку дня решение норильской проблемы, которая затем определила создание в азиатской части российской Арктики крупнейшего в мире горнопромышленного комплекса по производству цветных металлов. На материалах Урванцева свой проект выдвинул другой исследователь Арктики – О.Ю. Шмидт, который также считал, что на Таймыре необходимо создать мощный горнопромышленный район СССР.

Норильский промышленный район явился весомой частью экономики СССР и Сибири. Он начал формироваться еще в годы первых пятилеток. Но наиболее остро необходимость его создания обозначилась с началом Великой Отечественной войны, когда в рамках эвакуационных планов в Норильск были перебазированы Мончегорский никелевый завод и часть оборудования и специалистов комбината цветных металлов из Нальчика. В результате восстановления прибывших производственных мощностей первый никель на Норильском металлургическом комбинате был получен в апреле 1942 г., а 18 мая Государственный Комитет Оборона принял решение о расширении на Таймыре производства этого важнейшего для военно-оборонной промышленности металла. В 1944–1945 гг. производство норильского никеля постоянно росло. К концу войны удалось практически полностью компенсировать потерю никелевых комбинатов из Мончегорска и Нальчика. Одновременно с производственным развитием северных территорий СССР рос грузопоток по СМП. За военные годы перевозки через арктические моря увеличились более чем в 2 раза, а перевозки в Якутию морем – в 10 раз [5, с. 14].

К 1953 г. главное предприятие Норильского промышленного комплекса горно-металлургического комбинат им. А.П. Завенягина – производило 35 % никеля в СССР, 12 % меди, 30 % кобальта, 90 % платины. В 1966 г. с открытием Октябрьского месторождения медно-никелевых руд начался новый этап развития Норильского промышленного района. У Норильска появился город-спутник Талнах, в котором были построены рудники и горно-обогатительная фабрика. Продукция горно-металлургического комбината в Норильске составляла значительную долю мирового и российского производства цветных металлов. Еще больше она увеличилась с вводом в строй Надеждинского металлургического комбината. В результате в арктической зоне Сибири образовался крупнейший в мире комбинат по производству цветных металлов [6, с. 516–517].

Надеждинский металлургический комбинат по выплавке никеля и меди начал строиться после открытия Талнахского и Октябрьского месторождений. Свое название он получил от железнодорожного разъезда Надежда, который находился в 12 км от Норильска. Завод начал строиться после приезда председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в Норильск

7 января 1968 г.³ Позднее было принято решение о необходимости строительства второго металлургического комбината по выплавке цветных металлов.

В 1960-е гг. новые импульсы для своего экономического развития получил север Западной Сибири, где были открыты крупные месторождения углеводородов. Проблема освоения сибирских месторождений нефти и газа была оценена как важнейшая для экономического развития СССР. Были приняты масштабные государственные решения, определившие создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Выделенные капитальные вложения для освоения наиболее продуктивных нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири в 1970-е гг. превысили затраты на строительство ВАЗа, КамАЗа, БАМа и Атоммаша вместе взятых. Народное хозяйство СССР в ходе решения нефтегазовой проблемы получило значительную выгоду. ЗСНГК уже к концу 1970-х гг. обеспечивал главную добычу нефти и газа в стране [7, с. 220].

Значительный вклад в экономику Сибири и страны вносило промышленно-транспортное развитие северных районов, особенно тех, в которых были обнаружены месторождения нефти и газа. Началось оно с территории Среднего Приобья, затем сдвигалось прямо на север, где центрами добычи стали Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой и Ямал. В 1970-е гг. промышленная разработка месторождений углеводородов начала производиться в основном в приполярной и арктической зонах. Из общего прироста добычи нефти и газоконденсата в стране за 1971–1975 гг. около 86 % приходилось на ЗСНГК, который стал главной базой страны по добыче нефти и газа, причем в сложных географических и природно-климатических условиях.

Организация крупной топливно-энергетической и сырьевой провинции на севере Западной Сибири позволила уже к концу 1970-х гг. существенно улучшить структуру топливно-энергетического баланса СССР, полностью компенсировать падение добычи нефти и газа в других районах страны. Кроме того, углеводороды Сибири стали формировать существенную часть экспортных поставок нефти и газа, а, следовательно, и инвалютных поступлений.

Во второй половине XX в. экономическое развитие Сибири также в значительной степени было связано с арктическими территориями. Здесь происходило активное промышленное и транспортное строительство, поиск новых месторождений полезных ископаемых, что увеличивало масштабы научно-исследовательских работ в регионе. Инициатором и одновременно исполнителем практически всех социальных, экономических и военно-стратегических программ в Арктике являлось государство. Бурное развитие экономики северных районов, темпов промышленного производства требовало значительного увеличения завоза грузов. Одновременно возрастала

потребность страны в продукции, производимой на Севере, в вывозе сибирского леса, норильских цветных металлов, ямальского природного газа и т.д.

Основой промышленно-транспортного развития в советский период, безусловно, являлся Северный морской путь, получивший в послевоенные годы значительные импульсы для своего развития. В СССР он оценивался не только как транспортная магистраль, но и как северная граница государства, требующая определенной защиты. Поэтому создающаяся производственная и военно-оборонная инфраструктура в Арктике должна была обеспечивать решение самых различных задач. В послевоенные годы в высоких широтах проводились масштабные морские и воздушные научно-исследовательские экспедиции под названием «Север». Начиная с 1950-х гг. в Северном Ледовитом океане в круглогодичном режиме одновременно дрейфовали по две-три научно-исследовательских станции «Северный полюс», наблюдения которых использовались в метеорологическом прогнозировании не только для Арктики, но и для всей территории СССР.

Восстанавливавшейся после войны промышленности требовались новые минеральные и топливные ресурсы, которые, как показывали предшествующие геологические изыскания, вполне могли находиться на Крайнем Севере, и в большом количестве. В Новосибирске в 1957 г. было создано Сибирское отделение Академии наук СССР, которое сразу же подключилось к решению задач экономики Арктического региона.

Следует отметить, что в условиях бурного развития в 1950–1980-е гг. хозяйственное освоение сибирского Севера испытывало острую нужду в транспортном обеспечении. Особенно нуждались в нем районы интенсивного промышленного освоения и активной разработки месторождений полезных ископаемых. Государство направляло сюда огромные средства для транспортного строительства, которое разворачивалось по всей горизонтали арктических территорий и особенно в нефтегазовых районах Западной Сибири. Здесь высокими темпами сооружались не только железные, но и автомобильные дороги преимущественно с твердым покрытием, строились самые современные аэродромы со специальными взлетно-посадочными полосами для приема большегрузных самолетов. Однако все это требовало крупных затрат, а в условиях заболоченных в основном территорий, располагавшихся в зоне северной тайги и тундры, было делом крайне трудным. Авиация не могла решить все транспортные проблемы.

Поэтому большие надежды возлагались на транспортировку по Северному морскому пути, в развитие которого в послевоенные годы вкладывались огромные средства. Значительные изменения претерпел ледокольный флот, занимавший ключевое положение среди транспортных средств в Арктике. Его развитие было связано, с одной стороны, с заменой паровых установок на более современные дизель-

³ Правда. 1968. 8 янв.

электрические, а с другой – состоялся переход на качественно новый тип энергических установок, имеющих в своей основе атомные реакторы. После первого атомного ледокола «Ленин», введенного в эксплуатацию в 1959 г., были построены еще более мощные атомные ледоколы – «Москва», «Арктика», «Россия» и другие, благодаря которым начался новый этап плаваний по СМП.

Атомные ледоколы представляли совершенно новый класс плавающих средств. Они обладали крайне высокой степенью ледопробиваемости, имели очень высокую маневренность в сложной ледовой обстановке. Ледоколы были вполне автономными в своем движении по Северному морскому пути. Они могли долгое время не заходить в порты для пополнения запасов топлива и продовольствия. Введение в эксплуатацию атомных ледоколов позволило постепенно перейти к круглогодичным навигациям по морям Северного Ледовитого океана. Показательно изменение суммарной энерговооруженности ледоколов. Так, если в середине 1950-х гг. она составляла около 100 тыс. л.с., то ко второй половине 1970-х гг. – примерно 500 тыс. л.с. [8, с. 111–112].

Наличие мощного ледокольного флота в СССР в 1970-е гг. обеспечивало круглогодичное плавание в западном секторе СМП и бесперебойное снабжение промышленных предприятий и строек Сибири. Благодаря экспериментальным плаваниям в 1970–1971 гг. навигацию по трассе между Карскими воротами и Дудинкой удалось продлить на 57 суток по сравнению со средними многолетними сроками, существовавшими ранее. Государство получило только за счет продления навигации экономию примерно в 500 млн руб. [9, с. 96].

К началу 1970-х гг. общий объем грузоперевозок по Северному морскому пути составил около 3 млн т. К 1987 г. он достиг максимума – 6,58 млн т. Главные перевозки производились по маршруту Мурманск–Дудинка, что позволяло надежно осуществлять транспортно-производственную схему взаимодействия предприятий Кольского и Норильского промышленных районов [5, с. 15].

К 1980-м гг. активное экономическое развитие сибирской Арктики подготовило возможности для изменения стратегии «очагового» освоения Арктики в пользу комплексного развития ее экономики. В Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН СССР (ИЭиОПП СО РАН СССР) разрабатывались проблемы комплексного развития экономики северных территорий, богатых природными ресурсами. Летом 1980 г. была совершена экспедиция по морям Северного Ледовитого океана под руководством академика А.Г. Аганбегяна. Согласно расчетам комплексное развитие производства в Арктике принимало значение масштабного и всеохватывающего социально-экономического явления, включающего в единой системе производственное, социальное и экологическое развитие северных территорий.

В 1980-е гг. сибирские экономисты неоднократно обращались со своими проектами в Госплан СССР, предлагали перспективное формирование в Арктике ряда территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, объединенных крупной региональной программой национального значения. В докладах сибирских ученых отмечалось, что основа комплексного развития в Арктике уже заложена. В европейской части страны складывается Мурманский ТПК, разрабатывается проект Тимано-Печорского. Крупным территориально-производственным образованием в арктической зоне Сибири считается Северо-Обской ТПК – главная газодобывающая база страны. Границы его со временем будут расширяться от Уральских гор до Енисея. Крупнейшим территориально-производственным объединением является Северо-Енисейский ТПК с центром в г. Норильске. Со временем он может слиться с севером Якутии, где до 2000 г. предполагается дальнейшее развитие алмазодобывающей и золотосурьмяной промышленности, оловянного горно-обогатительного комбината.

Проект комплексного развития советской Арктики, разработанный под руководством академика А.Г. Аганбегяна, включал одновременно решение проблем пропорционального развития производственной и социальной инфраструктур, безопасности человеческого вмешательства в природную среду и т.п. Теоретически он был оценен очень высоко, но на практике не был реализован. Государственная политика в Арктике в советский период, как правило, основывалась на преобладании производственных приоритетов. Главное внимание участников хозяйственной деятельности сосредоточивалось на росте производственных показателей, который сопровождался не всегда выгодным и рациональным экспортом сырых продуктов. Например, за счет углеводородов, добытых в арктических районах, в 1980-е гг. решались вопросы элементарного обеспечения населения СССР продовольствием, одеждой, обувью и другими бытовыми товарами, которые могли быть произведены в стране. По-видимому, проект экономистов в тот период несколько опережал свое время.

Через несколько десятилетий идеи комплексного развития арктических районов России оказались востребованными. В июне–августе 2000 г. была проведена новая арктическая экспедиция под руководством академика А.Г. Гранберга, участвовавшего в исследованиях ИЭиОПП СО РАН в 1980-е гг. Академик А.Г. Гранберг через двадцать лет подтвердил необходимость и социально-экономическую целесообразность комплексного социально-экономического развития Арктики, ценность которой для настоящего и будущего Российского государства после распада СССР постоянно растет.

Таким образом, в советский период в экономическом развитии российской Арктики, в том числе ее сибирской части, был сделан значительный шаг вперед. Уже в 1920–1930-е гг. разрабатывались и реализовывались планы хозяйственного освоения приполярных

территорий СССР. Северный морской путь рассматривался как важнейшая транспортная магистраль, крайне необходимая для развития всей Арктической зоны России. Начало индустриализации сибирской Арктики было связано с периодом Великой Отечественной войны, когда в Норильске началось производство цветных металлов. Главные же успехи были достигнуты в послевоенный период, который знаменит разработкой крупнейших в мире месторождений минерально-сырьевых ресурсов, сопровождавшейся совершенствованием как производственной, так и транспортной сферы. Эти достижения стали весомым вкладом в развитие экономики не только Сибири, но и всего Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Траектории проектов в высоких широтах: кол. моногр. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.
2. Российская Арктика: современная парадигма развития: кол. моногр. / отв. ред. А.И. Татаркин. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.
3. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения: кол. моногр. / отв. ред. А.И. Тимошенко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Параллель, 2017. 494 с.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М: Политиздат, 1967. Т. 2: 1933–1940. 797 с.
5. Проблемы Северного морского пути: кол. моногр. / отв. ред. А.Г. Гранберг. Москва: Наука, 2006. 581 с.
6. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. 807 с.
7. Тимошенко А.И. Особенности промышленного развития Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг. на примере формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. // Вопросы

истории Сибири в новейшее время. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 3. С. 212–229.

8. Арикайнен А.И. Транспортная артерия Советской Арктики. М.: Гидрометеоздат, 1984. 192 с.

9. Тимошенко А.И. Арктика – национально значимая территория: опыт российского освоения в XX столетии. // Горные ведомости. 2014. № 11. С. 92–99.

REFERECES

1. Lamin V.A. (ed.) The projects' trajectories in the high latitudes. Novosibirsk, Nauka, 2011, 440 p. (In Russ.)

2. Tatarkin A.I. (ed.) Russian Arctic: the modern paradigm of development. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 2014, 844 p. (In Russ.)

3. Timoshenko A.I., Elert A.Kh. (eds.) Russia in the Arctic: state policy and development problems. Novosibirsk, Parallel', 2017, 494 p. (In Russ.)

4. Decisions of the party and government on economic issues (1917–1967). Moscow, Politizdat, 1967, vol. 2, 1933–1940, 797 p. (In Russ.)

5. Granberg A.G. (ed.) Problems of the Northern Sea Route. Moscow, Nauka, 2006, 581 p. (In Russ.)

6. Lamin V.A. (ed.) Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, vol. 2, 807 p. (In Russ.)

7. Timoshenko A.I. Features of Siberia's industrial development in the second half of the 1960-80s, a case of the West Siberian oil and gas complex formation. *Voprosy istorii Sibiri v noveyshee vremya*. Novosibirsk, 2013, iss. 3, pp. 212–229. (In Russ.)

8. Arikaynen A.I. The Soviet Arctic transport artery. Moscow, Gidrometeoizdat, 1984, 192 p. (In Russ.)

9. Timoshenko A.I. Arctic is a national significant territory: the experience of Russian development in the XX century. *Gornye vedomosti*, 2014, no. 11, pp. 92–99. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 11.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190214
УДК: 94 (571) "1928/1937"

В.И. ИСАЕВ

ФОРМЫ И КАНАЛЫ СНАБЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ТОВАРАМИ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1937 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассмотрены проблемы обеспечения городского населения Сибири товарами повседневного пользования в условиях введения карточной системы. Показаны особенности организации снабжения городского населения через систему нормированного и закрытого распределения товаров, возможности приобретения товаров в свободной торговле. Представлена структура розничного товарооборота торговой сети в городах Сибири. Сделан вывод о том, что уровень жизни населения в условиях тотального дефицита товаров повседневного спроса находился на стадии минимального удовлетворения основных жизненных потребностей.

Ключевые слова: Сибирь, городское население, уровень жизни, товары повседневного пользования, система снабжения, нормированное распределение, карточная система.

V. I. ISAEV

FORMS AND CHANNELS TO SUPPLY THE URBAN POPULATION OF SIBERIA WITH EVERYDAY GOODS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PERIODS (1928–1937)

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The New Economic Policy failure and transition to accelerated formation of the socialism radically changed not only the Soviet society's political and economic sphere, but the daily life of people as well. The concentration of financial and other resources to implement forced industrialization, eliminate market mechanisms in the economy, including the population provision, led to a total shortage of everyday goods.

Against this background, serious interruptions in supplying the urban population with food, first of all bread, and other goods, took place in Siberian cities, as well as throughout the country. The channels and structure of providing the population changed radically. The private trade which provided between a third and a half of consumer goods in the 1920s was eliminated in the early 1930s. The relationship between the cooperative and state trade changed dramatically in favor of the latter. Introducing the card system, realizing goods through the distributors of enterprises and institutions meant that an average citizen could no longer provide himself.

The structure of retail turnover and consumer budgets in Siberian cities indicated that the population acquired mainly foodstuffs, where bakery products occupied the leading place. Thus, during the first five-year plans, the problems of meeting everyday needs became a difficult task for the population. In general, the people life quality and standards were sacrificed for implementing accelerated industrialization.

Key words: Siberia, urban population, living standard, everyday goods, supply system, normalized distribution, rationing system.

В жизни городского населения Сибири в годы первых пятилеток одной из главных забот повседневного существования являлась проблема обеспечения про-

дуктами питания и промышленными товарами бытового пользования. Глава городской семьи должен был на производстве обеспечить финансовую сторону ее мате-

Исаев Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии России, e-mail: history49@mail.ru.

Viktor I. Isaev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of National Guard Troops of Russian Federation.

риального благополучия, а в сфере быта на жену-кормилицу возлагалась не менее сложная задача – купить все, что нужно для каждодневного или длительного потребления членов семьи. В статье мы попытаемся рассмотреть условия и способы решения этой задачи в городах Сибири в годы первых пятилеток.

Уровень материального благосостояния населения в советское время, в том числе и проблемы снабжения, относился к числу тех проблем, которые должны были демонстрировать преимущества социализма. Однако в реальных условиях постоянного дефицита товаров и низкого уровня жизни в большинстве исторических работ авторы вынуждены были ограничиваться пропагандистской риторикой. Лишь в немногих научных работах встречались робкие попытки рассмотреть материальные трудности, выпавшие на долю советского народа в годы первых пятилеток, которые в конечном итоге тоже сводились к воспеванию успехов в решении этих проблем [1; 2].

В отличие от советских авторов зарубежные ученые подчеркивали, что строительство социализма в 1920–1930-е гг. сопровождалось резким падением уровня жизни населения, но из-за отсутствия необходимых источников подробного анализа они дать не могли [3; 4; 5; 6; 7].

Только в постсоветской литературе стали появляться серьезные аналитические исследования, посвященные материальным проблемам существования советских людей в годы первых пятилеток, однако тема эта до сих пор исследована очень слабо [8; 9; 10; 11; 12].

В статье рассмотрены происходившие в годы первых пятилеток изменения в сфере снабжения городского населения Сибири. Источниками для изучения поставленных вопросов являются архивные материалы, в основном извлеченные из фондов ГАНУ, а также опубликованные источники и литература по теме.

К началу первой пятилетки проблемы обеспечения населения городов Сибири товарами повседневного спроса решались на основе рыночной нэповской экономики, в которой значительную долю товаров предоставляла частная и кооперативная торговля. Например, жители столицы Сибирского края Новосибирска в 1927 г. приобретали в частной торговле 54,4 % продуктов, 23,7 % бакалейных товаров, 18,9 % промышленных товаров. В целом около трети различ-

ного товарооборота в городе обеспечивалось за счет частной торговли¹.

Однако покупку товаров в пунктах частной торговли многие семьи не могли себе позволить, потому что цены у частника были значительно выше, чем в государственной и кооперативной торговле. По данным сибирской статистики, в 1930 г. хлеб у частника стоил в 8 раз дороже, чем в государственной торговле, молоко и яйца – в 2,5 раза, мясо и овощи – примерно в 2 раза².

Частная торговля рассматривалась правившей партией большевиков как наследие капитализма и в перспективе подлежала уничтожению. В противовес частнику поощрялось развитие кооперативной торговли, которая рассматривалась как переходная форма к социалистической организации снабжения. Основная масса работающих горожан была вовлечена в общества потребительской кооперации. Рабочие и служащие имели возможность, заплатив небольшой вступительный и годовой взносы, получить членский билет одного из отделений потребительской кооперации. Это давало определенные преимущества при покупке товаров. Если товара не хватало на всех желающих, то его продавали только членам потребительских кооперативов.

С началом первой пятилетки, а особенно после провозглашения И.В. Сталиным «Великого перелома», развернулась целенаправленная кампания вытеснения частника из сферы торговли. Собственно линия на вытеснение частника была взята уже с середины 1920-х гг. По сравнению с данными середины 1920-х гг. доля частной торговли к концу десятилетия уменьшилась почти в 2 раза. Намечившиеся тенденции изменений в соотношении различных секторов в розничном товарообороте показывают данные по Сибирскому краю (табл. 1)

Хлебозаготовительные кампании в конце 1920-х гг., проводившиеся с применением чрезвычайных методов давления на крестьянство, показали кризис всей заготовительно-снабженческой системы в СССР и обозначили поворот от нэпа к административно управляемой экономике. Концентрация финансовых и иных ресурсов на проведении форсированной индустриализации, ликвидация рыночных механизмов в экономике, в том числе в снабжении на-

Т а б л и ц а 1

Доля секторов торговли в розничном товарообороте в Сибирском крае в 1923–1928 гг., %*

Сектор	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1928 г.
Государственный	7,0	10,0	15,5	14,4	21
Кооперативный	46,2	56,4	59,1	63,5	61
Частный	46,8	33,6	25,4	22,1	18

*Составлено по: Народное хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. С. 56; Советская Сибирь. 1930. 12 янв.

¹ Большевик (журнал Сибкрайкома ВКП(б)). 1927. № 8. С. 37.

² Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 128.

селения, обусловили тотальный дефицит товаров повседневного спроса. На этом фоне в городах Сибири, как и по всей стране, возникли серьезные перебои со снабжением городского населения продуктами питания и другими товарами. Прежде всего, это проявилось в торговле хлебом.

Отражением сокращения запасов продовольствия стал постоянный дефицит, порождавший длинные очереди в магазинах. Стояние в очередях было в основном уделом женщин, но и значительная часть мужского работающего населения также была вынуждена после рабочего дня отстаивать новую вахту. В регулярных обзорах ОГПУ о настроениях городского населения Сибири в конце 1920-х гг. отмечалось, что долгие часы стояния в очередях вызывали у людей раздражение, неверие в политику и обещания советской власти и коммунистической партии.

Озлобление рабочих против коммунистов и высших слоев общества выливалось в разговорах во время стояния в очередях. Типичное высказывание приводится в сообщении осведомителя ОГПУ в Новосибирске: рабочий мыловаренного завода, обращаясь к людям в очереди, возмущался: «Рабочий дохни с голоду, стой в очередях, а почему ни одного спеца или коммуниста не видно в очереди. Видимо, им на дом привозят сколько угодно. Вот тебе и равноправие. Хорошей свободы добился себе рабочий»³.

В сводке представительства ОГПУ по Сибири за 1929 г., освещающей политические настроения на промышленных предприятиях, отмечалось, что среди рабочих идут разговоры об иллюзорности тех завоеваний, которые обещала революция, об усилении эксплуатации, измене правившей верхушки. Например, в Новосибирске агентами ОГПУ было зафиксировано более 40 антисоветских выступлений рабочих, вызванных перебоями со снабжением продовольствием, еще 23 случая были связаны с недовольством низкой зарплатой. По существу, это была одна и та же проблема – невозможность для работающего человека прокормить себя и свою семью. Всего в городе было зафиксировано 135 антисоветских выступлений, что отражало острое недовольство жителей своим материальным положением⁴.

В феврале 1929 г. в городах Сибири, как и в других городах СССР, вводится карточная система приобретения потребительских товаров: сначала хлеба, потом других продуктов, а затем и товаров промышленного производства. В течение 1929–1930 гг. практически все виды товаров массового спроса стали продаваться по карточкам. Система нормированного снабжения строилась в соответствии с принципами диктатуры пролетариата, отдавая приоритет рабочему классу и дискредитируя «социально чуждые элементы».

С введением карточной системы снабжения городского населения частная торговля была резко со-

кращена и постепенно вытеснена из розничного оборота. Так, в 1930 г. в снабжении промышленными товарами государственная и кооперативная торговля обеспечивала 95,2 % потребностей жителей Новосибирска, в обеспечении продуктами эта доля была несколько ниже – 66,6 %⁵.

В условиях дефицита быстрый рост цен в контролируемом государством секторе торговли, а тем более на неорганизованном рынке, стал неизбежен. По усредненным данным, приведенным в статистическом справочнике «Сибирский край», стоимость бюджетного набора для городской семьи (необходимого набора продуктов и других товаров) возросла к началу 1930 г. на 31,7 % по сравнению с началом 1927 г., в том числе по продуктам, рост составил 68,1 %⁶.

Профсоюзная статистика давала еще более печальную картину: цены на продовольствие к марту 1930 г. возросли по сравнению с мартом 1929 г. в государственной и кооперативной торговле в 2,5 раза, на частном рынке – в 3 раза. По данным Сибирского краевого совета профсоюзов, только за полгода, с октября 1929 г. по апрель 1930 г., стоимость бюджетного набора выросла с 24,18 до 31,51 руб., т.е. на треть⁷.

Нормированное распределение товаров породило сеть закрытых рабочих кооперативов-распределителей (ЗРК). Они создавались в первую очередь для обеспечения рабочих, а также всех работавших на государственных предприятиях. Однако первые опыты новой организации торговли выявили главный изъян всей системы ЗРК и нормированного распределения в целом: количество карточек и выданных продуктов и товаров слишком часто не совпадало с числом реально работающих на тех предприятиях, которые должны были обслуживаться соответствующим ЗРК. Во-первых, продолжали получать товары те, кто уже уволился с предприятий; во-вторых, злоупотребления и хищения дополняли путаницу и неразбериху с числом прикрепленных.

Для более гибкого учета экономических и политических условий, определявших дифференциацию снабжаемого населения, с 1931 г. была введена система списков (особый, №1, №2, №3 списки), куда включались все работающие. Распределение населения по спискам строилось по территориально-производственным и социальным критериям. В особый список включались рабочие и служащие важнейших предприятий истроек; в список №1 – рабочие особо тяжелого труда, ведущих индустриальных профессий, инженерно-технические специалисты и номенклатурные работники, командный состав РККА. В списки №2 и 3 вошли остальные индустриальные рабочие, рабочие мелкой и кустарной промышленности, служащие, не имевшие шансов на включение в особый и 1-й список. Приоритетность снабжения зависела от списка: в первую оче-

⁵ ГАНО. Ф. Р-627. Оп.1. Д. 605. Л. 18

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-22. Оп.3. Д. 69. Л. 89.

⁶ Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 386–387.

⁴ Там же.

⁷ ГАНО. Ф. Р-627. Оп.1. Д. 605. Л. 185.

редь должна была быть обеспечена выдача по карточкам по особому списку и списку №1.

Рабочие и служащие получали так называемые заборные (от глагола забрать) книжки на себя и на членов семьи, где на отдельных карточках отмечалось, сколько и каких продуктов предстоит им получить в данном месяце. При этом нормы снабжения для служащих устанавливались, как правило, на 50 % ниже, чем для рабочих.

Установленные нормы снабжения на бумаге выглядели не так уж плохо: так, рабочему в 1931 г. по нормам Наркомата снабжения полагалось 800 г хлеба в день, 4,4 кг мяса в месяц, 2,5 кг рыбы, 400 г масла, 1 кг муки и 3 кг крупы, 10 шт. яиц, 1,5 кг сахара [11, с. 23].

Однако в действительности эти нормы редко выполнялись. Поступавших товаров, как правило, было недостаточно для всех, имевших карточки, поэтому ожидание в очередях, сокращение норм выдачи, просроченные, но неотоваренные карточки были постоянными спутниками нормированного снабжения. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР, выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины действительных потребностей [12, с. 90].

В 1932 г. была предпринята реорганизация всей системы распределения. На крупных предприятиях были организованы собственные отделы рабочего снабжения (ОРСы), в районах города создавались управления рабочего снабжения (УРСы).

В условиях нормированного распределения товаров торговля теряла свои естественные функции: из инструмента отслеживания спроса и предложения, удовлетворения основных потребностей жителей города она превращалась в канал административной системы распределения, с помощью которой государство регулировало, кому и сколько дать, кого хорошо подкормить, а кого обречь на голодные муки. Именно в таких условиях утвердился стиль работы советских магазинов с их невниманием к покупателю, высокомерием продавцов, распоряжавшихся дефицитными товарами. Главным аргументом продавцов в общении с покупателями стал знаменитый девиз «Берите, что дают, а то и этого не будет».

Снижению качества обслуживания покупателей способствовал и возрастающий монополизм государственной торговли: ее удельный вес в товарообороте городов Западно-Сибирского края с 33,9 % в 1928/29 гг. возрос до 80,6 % в 1934 г., в то время как удельный вес кооперативной торговли сократился за эти годы с 54,4 до 19,4%.⁸

Городское население в своих покупках ограничивалось в основном товарами, необходимыми для скудного поддержания жизни. Это отражалось и в структуре розничного товарооборота, которая страдала явными перекосами. Так, в 1933–1937 гг. основную долю розничного товарооборота в городах Западной

Сибири составляли покупки продовольствия – 56–60%, в том числе покупки хлеба – 5–6 %, муки – 2–3, мяса – 3–4, молочных продуктов – 1,5–2, остальных видов продуктов – в среднем по 1 %⁹.

Данные о розничном товарообороте характеризуют структуру питания и потребления населения: как видно, основной продукт питания – это хлеб, покупки мясных и молочных продуктов составляли меньшую долю. Тяготы жизни сибиряки могли несколько подсластить кондитерскими товарами, правда, из них большую часть составили хлебобулочные изделия, которые занимали 6–7 %, сахар – 2–3 %.

К числу продуктов питания статистика относила и алкогольные напитки, занимавшие довольно значительную долю в товарообороте: хлебное вино (так обозначали тогда водку) – 13–14 %, другие алкогольные напитки – 4–5 %. Таким образом, около 1/5 всего товарооборота, или 1/3 продовольственных покупок, составляло потребление алкоголя, которое, безусловно, не лучшим образом влияло на здоровье и качество жизни сибирских жителей.

Среди покупок промышленных товаров, составлявших 40–44 % розничного товарооборота, преобладали покупки готового платья – 8–10 % от общего розничного товарооборота, обувь – 4, галантерейные товары – 4, трикотаж – 2, хлопчатобумажные ткани – 2, другие виды тканей – 2,5; мебель – 0,5 %, покупка культтоваров, куда помимо книг, предметов искусства, включались и школьные принадлежности, составляла 4 % от общего розничного товарооборота. В то же время табачные изделия, помимо негативного влияния на здоровье, отнимали еще около 3,5 % всех средств, потраченных на покупку товаров населением¹⁰. При этом надо подчеркнуть, что большинство товаров продавались по карточкам населению, которое, не имея права выбора, быстро разбирало поступившие в магазины товары. К тому же уровень доходов средней семьи не позволял приобретать продукты и другие потребительские товары, не оглядываясь на цены. Поэтому покупки вне системы нормированного снабжения, например на рынке, делались только в крайнем случае.

Таким образом, проблемы обеспечения повседневного существования превращались для жителей сибирских городов в трудноразрешимую задачу. О низком уровне и качестве жизни городской семьи свидетельствуют и данные потребительских бюджетов. В конце 1920-х гг. в структуре расходов городской семьи в Сибири около половины занимали расходы на питание; на одежду и обувь тратилось примерно 15–20 %, на мебель и другие хозяйственные покупки – около 4 %, квартира и другие коммунальные расходы требовали около 10 %¹¹. В 1930-е гг. доля расходов на

⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. Новосибирск, 1939. С. 93.

¹⁰ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 94.

¹¹ Бюджеты городского населения Сибири за 1928/29 и 1929/30 гг. Новосибирск, 1931. С. 172–173.

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 24.

Т а б л и ц а 2

Уровень цен на рынках городов Сибири в 1932–1934 гг. (руб. за кг)

Продукт	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Мясо говядина	7,7	17,6	9,8
Мясо свинина	14,0	21,0	13,5
Картофель	0,74	1,14	0,35
Мука пшеничная	5,37	7,12	5,8
Масло сливочное	19,9	29,8	20,0
Молоко, л	1,65	2,30	1,5
Яйцо, десяток	6,5	8,4	5,7

*Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 30.

питание еще выросла. В условиях тотального дефицита государство засекретило и перестало публиковать данные о бюджетах населения, но, судя по архивным материалам, на питание приходилось до 60–70 % всех расходов городской семьи¹². Подобная структура расходной части бюджета семьи складывается при крайне низком уровне жизни.

Снабжение по карточкам стало совсем уж скудным, когда в стране возникли экстремальные условия неурожая. Голод 1933 г., охвативший южные регионы страны, косвенным образом отразился и на положении населения Сибири, хотя не в столь жесткой форме. Выдача по карточкам продуктов стала крайне нерегулярной, купить же продукты на рынке рабочим и служащим часто было не по карману: цены резко пошли вверх. Даже в обзорах положения населения, составленных партийными органами Сибири, отмечалось, что большинство жителей городов не может покупать продукты по тем ценам, которые сложились на рынке¹³.

Данные о ценах на рынках крупнейших городов Сибири – Новосибирска, Томска, Омска, Сталинска и Кемерова – показывают, что и без того высокий уровень цен в тяжелых условиях 1933 г. сделал базар практически недоступным для большей части населения (табл. 2)

Контроль государства над ценами и товарными ресурсами породил специфическую форму советской торговли: так называемые коммерческие магазины, а также магазины Торгсина (торговля с иностранцами). Продажа товаров в них по высоким ценам (в 2–3 раза выше обычных) приносила государству дополнительный доход.

По существу, организация коммерческих магазинов была лишь скрытой формой повышения цен, так как в основном в них продавались не какие-то деликатесы или предметы роскоши, а по существу те же товары, что и в обычных магазинах. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в «коммерческой» торгов-

ле городов Западной Сибири, 248,5 млн руб., т.е. более половины, было выручено от продажи хлеба. Видимо, даже семьи рабочих и служащих, включенные в систему нормированного распределения, которые не дождались выдачи по карточкам или же нуждались в дополнительных объемах продовольствия, вынуждены были покупать хлеб в коммерческих магазинах.

Используя этот прием, государство, по существу, искусственно создавало возможности для дополнительного ограничения уровня жизни населения, так как уровень зарплаты рабочих и служащих все же был привязан к ценам, существовавшим в системе нормированного снабжения. Доля коммерческой торговли в общем розничном товарообороте городов Западной Сибири с 7,9 % в 1932 г. повысилась до 22,9 % в 1933 г. и 36,6 % в 1934 г., при этом в продаже промышленных товаров в 1934 г. она составляла 53 %¹⁴.

Разные цены на одни и те же товары, сложная система различных категорий карточек, общая атмосфера ажиотажного спроса и дефицита – все это порождало массу злоупотреблений, воровство и мошенничество. Постоянные чистки и проверки, к которым были подключены и сами рабочие, организованные в лавочные комиссии профсоюзов, давали весьма слабый эффект.

Особый контроль был установлен за распределением самого важного для тех условий продукта – хлеба. Этим вопросом занимались все инстанции – от государственных до общественных, включая комиссии партийного контроля. В специальном постановлении от 3 февраля 1932 г. новосибирский горком ВКП(б) принял решение ужесточить всю систему контроля за приходом и расходом хлеба, а также предписал провести показательные судебные процессы по фактам хищений и мошенничества при торговле хлебом¹⁵.

Постоянно обсуждаемой проблемой являлись махинации с числом прикрепленных к нормированному снабжению, переводом из низшей категории снабжения в более высокую и т.п. Правительству СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены были неоднократно принимать специальные постановления по этому поводу, объ-

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп.19. Д. 401. Л. 23–26; ГАКО. Ф. 12. Оп.1. Д. 32. Л. 13–16; Д. 75. Л. 265.

¹³ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 394.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп.7. Д. 599. Л. 26.

¹⁵ Там же. Ф. П-22. Оп.1. Д. 48. Л. 51.

являя чистку контингента снабжаемых в масштабе страны. Такая чистка, например, развернулась в декабре 1932 г., в результате значительная часть «мертвых душ» или незаконно попавших не в ту категорию была исключена из контингента снабжаемых. Специальное постановление Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 4 декабря 1932 г. «О работе ОРСов» стало сигналом к очередной перетряске рядов снабжаемых. И вновь были выявлены серьезные нарушения¹⁶.

Постоянной темой советского делопроизводства, заседаний партийных органов в 1930-х гг. являлось прикрепление работника к системе снабжения и определение категории снабжаемого. Бывший партработник Левобережной ГРЭС Новосибирска А. Бальбур, исключенный из партии в ходе чистки 1935 г., обратился в партком с заявлением, в котором, описывая бедственное положение своей семьи, просил восстановить его в рядах партии, простодушно мотивируя свою просьбу тем, что «вне рядов партии (а точнее – без спецраспределителя. – В.И.) мне материально будет трудно жить»¹⁷.

Как высоко ценилась в те годы возможность принадлежать к привилегированной системе снабжения, можно понять на примере такого решения. В знак сочувствия и в целях оказания помощи семье умершего в 1933 г. сотрудника Новосибирского горкома ВКП(б) Хапинского ей было разрешено специальным постановлением бюро горкома в течение трех месяцев пользоваться столовой и спецраспределителем продуктов и товаров¹⁸.

Система выдачи некоторым категориям населения добавки к установленным нормам применялась и по отношению к рабочим, но им дополнительный паек нужно было заработать. Ударникам, перевыполнившим нормы выработки, выдавались сверх установленных по карточкам норм продукты и другие товары. Так, в 1932/33 г. ударник мог дополнительно получить 2 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 0,5 кг масла в месяц и некоторые другие продукты. Для ударников в столовых отводились специальные столы, где кормили лучше, в магазинах создавали специальные отделы или полки ударника¹⁹. Правда, в условиях дефицита все это могло означать, что другие рабочие могли не дожидаться положенного им по карточкам. Да и самим ударникам реально доставалось явно меньше, чем фигурировало в отчетах.

В целом сложившееся положение с обеспечением населения товарами массового спроса необходимо было менять, так как оно подрывало денежный оборот, нормальное развитие экономики. В годы второй пятилетки производству товаров массового спроса стало уделяться повышенное внимание. Во второй половине 1934 г., благодаря некоторой стабилизации сельскохозяйственного производства, положение с продоволь-

ствием несколько улучшилось. Руководство страны приняло решение с 1 января 1935 г. перейти к свободной продаже хлеба. С 1 октября 1935 г. одновременно со снижением цены на хлеб была разрешена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение 1936 г. постепенно были отменены карточки и на промышленные товары [13, с. 448–450, 476].

С отменой карточной системы начался постепенный переход к нормальной торговле. Магазины коммерческой торговли и обычной торговой сети были объединены в единую систему, при этом цены на товары устанавливались примерно на середине прежней разницы.

К концу второй пятилетки положение со снабжением населения товарами повседневного спроса улучшилось. О росте производства товаров массового потребления свидетельствуют данные по Западно-Сибирскому краю: в 1928 г. таких товаров было произведено на сумму 43,66 млн руб., в 1932 г. – на 266,6 млн руб., а в 1936 – уже на сумму более 544 млн руб.²⁰.

Об улучшении снабжения свидетельствует, например, сумма, которую тратил за год житель Новосибирска на покупку товаров в торговой сети: она выросла до 959,5 руб. в 1937 г. по сравнению с 351,3 руб. в 1932 г.²¹. Правда, при этом нельзя забывать и о росте цен, который существенно повлиял на этот показатель.

Отмена карточной системы еще не означала, что проблемы со снабжением горожан были решены. Те или иные формы нормированного снабжения продолжали сохраняться, довольно часто возникал дефицит каких-либо товаров. Нормального обеспечения всех потребностей по-прежнему не было, хотя после мытарств покупателей в условиях карточной системы положение могло казаться жителям гораздо лучшим.

Подводя итоги, следует отметить, что в исследуемый период городское население Сибири жило в условиях скудного обеспечения своих жизненных потребностей. Существовавшая система снабжения с трудом обеспечивала удовлетворение минимума потребностей населения городов Сибири. Структура розничного товарооборота наряду со структурой потребительских бюджетов красноречиво свидетельствует о том, что уровень жизни населения был крайне низок. Кроме того, значительная часть свободного времени и сил горожан тратилась на стояние в очередях, покупка товаров превратилась в борьбу за добывание пищи, одежды или других необходимых вещей.

Карточная система снабжения стала ярким выражением сущности социалистического распределения. Даже с ее отменой в обеспечении жителей города необходимыми товарами продолжали действовать те же принципы: сосредоточение всех товарных ресурсов в централизованном управлении государственных органов, выделение приоритетных в снабжении групп

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 595. Л. 55–75.

¹⁷ Там же. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 98. Л. 28.

¹⁸ Там же. Оп. 7. Д. 67. Л. 204.

¹⁹ Там же. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 608. Л. 43.

²⁰ Коммунист (журнал Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)). 1936. № 13–14. С. 57.

²¹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 120.

населения, жесткое регулирование зарплаты и покупательной способности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маеір В.Ф.* Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль, 1977. 263 с.
2. *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль, 1964. 439 с.
3. *Handbuch der Geschichte Russlands.* G. Schramm (Hg). Stuttgart, 1992. Bd. 3: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856–1945)
4. *Meyer G.* Sozialstruktur sowjetischer Industriearbeiter Ende der zwanziger Jahre. Marburg, 1981.
5. *Obertreis J.* Traenen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie. 1917–1937. Koeln; Weimar; Wien. 2004. 456 S.
6. *Schroder H.* Industrialisierung und Parteiburokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtliche Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus. 1928–1934. Berlin, 1988.
7. *Weissenburger U.* Die Entwicklung von Realeinkommen und materieller Lage der Arbeiter und Angestellten in der Periode der Vorkriegsfunfjahrplane. 1928/29–1941. Bremen, 1980.
8. *Иванов Ю.М.* В сталинском «раю». М.: Карпов, 2005. 115 с.
9. *Нефедов С.А.* Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев. // Известия Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. №2 (102). С. 222–230.
10. *Коровин Н.Р.* Рабочий класс России в 1930-е годы. Иваново: ИвГУ, 1994. 149 с.
11. *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
12. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
13. *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам.* М., 1957. Т. 2. 888 с.

REFERENCES

1. *Maier V. F.* The standard of living of the USSR population. Moscow, Mysl', 1977, 263 p. (In Russ.)
2. *Malafeev A. N.* History of pricing in the USSR (1917–1963). Moscow, Mysl', 1964, 439 p. (In Russ.)
3. *Schramm G. (ed).* Handbook of the history of Russia. Stuttgart, 1992, vol. 3: From autocratic reforms to the Soviet state (1856–1945), XII, 1004 p. (In Germ.)
4. *Meyer G.* The social structure of Soviet industrial workers in the late twenties. Marburg, 1981, 193 p. (In Germ.)
5. *Obertreis J.* Tears of socialism. Living in Leningrad between everyday life and utopia. 1917–1937. Cologne, Weimar, Vienna. 2004, 456 p. (In Germ.)
6. *Schroder H.* Industrialization and party bureaucracy in the Soviet Union. Attempt at writing a social history of the initial phase of Stalinism. 1928–1934. Berlin, 1988, 940 p. (In Germ.)
7. *Weissenburger U.* The development of real income and material situation of workers and employees in the pre-war year period. 1928/29–1941. Bremen, 1980. (In Germ.)
8. *Ivanov Yu. M.* In Stalin's "paradise". Moscow, Karpov, 2005, 115 p. (In Russ.)
9. *Nefedov S. A.* The standard of living in the Stalin era: food of the Ural people. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 222–230. (In Russ.)
10. *Korovin N. P.* The Working Class of Russia in the 1930s. Ivanovo, IvGU, 1994, 149 p. (In Russ.)
11. *Osokina E. A.* The hierarchy of consumption. On the population life under conditions of Stalin's supply. 1928–1935. Moscow, MGOU, 1993, 144 p. (In Russ.)
12. *Osokina E. A.* Behind the facade of "Stalin's abundance". Moscow, ROSSPEN, 2008, 351 p. (In Russ.)
13. *Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues.* Moscow, 1957, vol. 2, 888 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190215
УДК 94(470.5)“1927/1935”

М.И. МИРОШНИЧЕНКО

НОВЫЕ СПОСОБЫ РОДОВСПОМОЖЕНИЯ НА УРАЛЕ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МАТЕРИНСКОЙ СМЕРТНОСТИ (1927–1935 гг.)

Южно-Уральский государственный университет,
РФ, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

В статье поставлена цель – охарактеризовать состояние родовспоможения на Урале в конце 1920-х – середине 1930-х гг., показать роль государственных родовспомогательных учреждений в проведении родов под медицинским контролем. Установлено, что внедрение новых способов обезболивания при родах стало осуществляться с 1927 г. Выявлена роль Свердловского акушерско-гинекологического института охраны материнства и младенчества, врачей родильных домов Свердловска, Перми, Тюмени, Ишима и других городов в разработке и применении медикаментозного метода обезболивания родов и психопрофилактической подготовки женщин А.Ю. Лурье, а также гипноза и использования по инициативе уральского гинеколога А.А. Иконниковой с первой половины 1930-х гг. для обезболивания родов эвипаннатрия в пропаганде этих новых методов среди врачей из клиник Украины, Донбасса, Кавказа, Чувашии, Сибири, Казахстана. Изучено отношение беременных к новым методам, которое лишь у незначительной части женщин было недоверчивым, но у основной части испытуемых – позитивным.

Ключевые слова: здравоохранение, история женщин, охрана материнства и младенчества, родовспоможение, роды под медицинским надзором, родильный дом, роженица, родильница, акушерство, гинекология.

M.I. MIROSHNICHENKO

NEW WAYS OF OBSTETRIC AID IN THE URALS AS A FACTOR IN REDUCING MATERNAL MORTALITY (1927–1935)

South Ural State University,
76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

The article deals with the problems of introducing new methods of obstetrics as a factor reducing morbidity and mortality among pregnant and postpartum women in the late 1920s – early 1930s. The study is based on the materials of the Urals and the methodological concept of everyday life history, its ideas of the life world and everyday life structures. The article objective is to give a general description of the obstetrics in the Urals, to show the role of state maternity hospitals, delivery under medical supervision in the Soviet concept of medicine. It was established that introducing new methods of anesthesia in childbirth started in 1927. The author presents data on the mortality of expectant mothers and children during the treatment of placenta previa with the use of old methods as of 1927; shows activities of specialists of the Sverdlovsk Obstetric and Gynecological Institute and gynecologists from other institutions aimed at promoting the appropriate indications of cesarean section. The paper characterizes the contribution of the medical personnel of the maternity hospitals of Sverdlovsk, Perm, Tyumen, Ishim and others in new methods development and application: a technique of childbirth anesthetizing and women's psychic-preventive training by A. Yu. Lurie, hypnosis; using evpapan-natrium (hexenal) for analgesia on the initiative of A.A. Ikonnikova, a Ural gynecologist, since the early 1930s. The author studies attitudes of pregnant women to new techniques, when the minority of women demonstrated distrust, while the majority's attitude was positive. The article shows that Sverdlovsk Research Institute for the Protection of Maternity and Infancy instructed doctors coming to train from Ukraine, Donbass, Caucasus, Chuvashian, Siberian, Kazakhstan clinics since 1935, it promoted development of mass movement for anesthesia of childbirth in the USSR.

Key words: health care, history of women, protection of motherhood and infancy, obstetricsaid, childbirth under medical supervision, maternity hospital, maternity, obstetrics, gynecology.

Мария Ильинична Мирошниченко – д-р ист. наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: mmi74@yandex.ru.

Maria I. Miroshnichenko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National and Foreign History, South Ural State University.

Роды являются одним из самых важных переломных моментов как традиционного, патриархального, так и современного жизненного мира женщины, а также одним из наиболее опасных, критических этапов в развитии женского организма. Наряду с течением беременности они оказывают существенное влияние на здоровье и матери, и ребенка. Развитие перинатальной психотерапии и неонатологии усиливает актуальность не только изучения истории становления правовых норм, институтов здравоохранения и охраны материнства и младенчества [1; 2; 3], демографических процессов в рамках проблем деторождения, динамики материнской и детской смертности [4; 5], структур женской повседневности [6; 7], но и анализа исторического опыта, связанного с переходом родовспоможения в России на новый уровень в советскую эпоху.

Изучение темы уходит своими корнями в раннее советское время, когда врачи-гинекологи описывали непосредственный опыт внедрения новых способов из своей практики [8; 9; 10; 11; 12]. Среди них особое место принадлежит А.Ю. Лурье [13; 14; 15; 16]. Полезным оказался и анализ ряда трудов партийно-административных руководителей края [17; 18; 19; 20]. А.Н. Рахманов, например, отмечая комплексность проблемы деторождения и необходимость специальной государственной политики для ее решения, в качестве одной из функций женской консультации называл объяснение физиологии родов беременной с тем, чтобы снять у нее страх и создать благоприятную обстановку непосредственно в процессе самих родов [21]. Специальные работы по Уралу, посвященные этой теме, единичны. Так, Г.Г. Гиятуллина описывает системы родовспоможения в условиях Башкирской автономной республики [22].

Поскольку роды были обыденным явлением в жизни женщин, в качестве теоретико-методологической базы исследования выбраны методологические основания теории повседневности. Поведенческие стереотипы и привычки сознания – вот те уровни повседневности, которые в первую очередь подвергались трансформации при внедрении в процесс медицинского сопровождения родового акта новых способов родовспоможения.

Цель статьи – изучить на материалах Урала разработку новых способов родовспоможения и их применение в медицинской практике 1920-х – первой половины 1930-х гг., в период становления советской концепции охраны материнства и младенчества, согласно которой родовспомогательные учреждения занимали свое место между консультацией для беременных и консультацией для матери и ребенка.

К началу 1920-х гг. роды под медицинским надзором на Урале были редким исключением. В основном роды принимали «бабки» (знахарки или повитухи-практики без медицинского образования). Баня или летом нежилая изба, жилое помещение (особенно при тяжелых родах) оставались элементами традиционной системы проведения родов на Урале. Сети медицинских учреждений, которые бы осуществляли наряду

с диагностикой и лечением гинекологических больных родовспоможение и составляли акушерско-гинекологическую службу, на Урале, как и в России в целом, к началу 1920-х гг. еще не существовало. Роды во время работы (у станка, в поле), в дороге и прочих ситуациях были нередким явлением. Роды на рабочем месте не только проходили в негигиеничных условиях, но и носили униженный характер. Возможность занесения инфекции как матери, так и ребенку в этих условиях многократно возрастала. От заражения крови, кровотечений и других послеродовых заболеваний умирали сотни женщин [23, с. 780].

В обыденном традиционном, патриархальном сознании роды воспринимались как естественная и потому просто выполнимая природная функция женщины. Истоки облегчения течения родов многие простые женщины черпали в вере. Считалось, что при родах помогают специальные молитвы и иконы (Феодоровская икона Божьей матери – «Помощница в родах» или «Поможение в родах», а также иконы Божьей матери «Помогательница женам чады рождати», «Скоропослушница», «Взыграние младенца», «Целительница» и др.). Однако в профессиональной медицине, в гинекологии и акушерстве уже к концу XIX в. было выявлено множество патологий, которые могли осложнять родовую акт. Наиболее сложной и нередко встречающейся патологией было предлежание плаценты (или предлежание последа). До сих пор механизм смещения плаценты относительно внутреннего зева в течение беременности не совсем понятен. Поэтому смерти рожениц были возможны не только при ведении родов «бабками», но и в условиях оказания квалифицированной медицинской помощи. Были опасны для рожениц и низкая плацентация, отслойка плаценты и кровотечение и др. Обильнейшие кровотечения требовали экстренного родоразрешения путем проведения операции кесарево сечение. При приращении плаценты к стенке матки единственным способом остановки кровотечения до сих пор является удаление матки. Понятно, что в таких случаях как бы сильна и неистова не была вера, молитвы и иконы спасти не могли, требовалась квалифицированная профессиональная медицинская помощь врача-гинеколога.

Лишь при советской власти организация родовспоможения получила государственный статус. Родильные койки, родильные избы, родильные пункты, родильные отделения в больницах, родильные дома, консультации для беременных, Дома матери и ребенка, Дома ребенка, в которых работали врачи-гинекологи, фельдшерицы-акушерки и акушерки, составили элементы новой государственной системы охраны материнства и младенчества. Дома матери и ребенка предназначались для матерей, не имевших своей семьи и жилья. Здесь беременные находились до родов, родильницы отдыхали после родов и привыкали к своему ребенку, учились уходу за ним¹. Организация охраны

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

материнства и младенчества в национальных округах и районах северных окраин РСФСР возлагалась на кочевые Советы (р. II, п. 18)².

Первоначально идея новых методов родовспоможения включала профилактические осмотры беременных. (В условиях доминирования неграмотности среди женщин сам термин «гинекология» был нов, непривычен и зачастую искажался. В протоколах женских собраний первоначально родильно-гинекологическое отделение называли «голологическим», «генологическим», «гелологическим» и др.³). Но в профессиональной среде постоянно возбуждался интерес к новым методам родовспоможения. В 1920 г. на медицинском факультете Екатеринбургского государственного университета на кафедре акушерства и гинекологии под руководством ее заведующего А.М. Новикова началось накопление материала о сложных родах в рамках развития вузовской науки⁴. Работа активизировалась после создания Свердловского акушерско-гинекологического института, в 1930 г. преобразованного в Свердловский научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества (Свердловский НИИ ОММ).

Анализ медицинской практики показал, что предлежание плаценты наблюдалось у повторнородящих в 5–7 раз чаще, чем у первородящих. С учетом высокой плотности рождений у женщин в исследуемый период становится ясным, почему на I съезде хирургов, гинекологов, офтальмологов, отоларингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний (который состоялся в Свердловске 20–23 января 1927 г.) в секции «Акушерство и гинекология» проблемам предлежания плаценты и последа уделялось основное внимание. Заведующий Пермским родильным домом К.П. Звягин в числе новых способов лечения этой патологии назвал кесарево сечение («кесарское» – по терминологии того времени). По данным нижегородского врача А.С. Пальмова (1870–1961 гг.), стажировавшегося в первой половине 1910-х гг. в клиниках Парижа, Берлина и Вены, в России операция кесарева сечения при предлежании последа производилась очень редко: к 1926 г. было описано всего 18 случаев [9, с. 138].

К.П. Звягин привел данные об успешном применении кесарева сечения в Пермском родильном доме 10 декабря 1925 г. У сорокалетней больной М.А.В. при пятой беременности и четвертых родах (трое детей, в первой половине 1924 г. – выкидыш полуторамесячного плода) после операции ребенок был извлечен в состоянии легкой асфиксии. На четырнадцатый день

М.А.В. была выписана со здоровым ребенком, который кормился грудью и весил 3300 граммов. Во втором случае кесарево сечение было сделано К.П. Звягиным при сроке в восемь месяцев двадцатипятилетней беременной З.П. К-вой (беременность пятая, четверо детей). Больная поступила 20 ноября 1926 г., 21 ноября у нее началось сильное кровотечение сгустками, головокружение, пульс 100. Операция кесарева сечения длилась 35 минут. На шестнадцатый день больная была выписана здоровой со здоровым ребенком весом 2 кг 750 гр. К.П. Звягин также проанализировал данные о смертности матерей при лечении предлежания последа с применением старых способов – она составляла от 2,04 до 19 % (в среднем – 10,5 %), в Свердловском родильном доме – 17,7 %. Смертность детей при этом достигала 60 % – по российским данным и 50 % – по зарубежным [9, с. 140–144].

На съезде выступал также Л.Ф. Соболев с докладом об опыте использования классического кесарева сечения при предлежании плаценты в Аша-Балашевской больнице, где впервые такой новый способ был применен 28 ноября 1921 г. У двадцативосьмилетней больной М.М. (беременность и роды первые) показаниями к этой операции стали профузное кровотечение, резкая анемия, пульс плода 136. Под хлороформно-эфирным наркозом ей было проведено классическое кесарево сечение. Был извлечен живой плод женского пола. На пятнадцатый день больную выписали в хорошем состоянии со здоровым ребенком. (В 1924 г. М.М. имела нормальные роды без осложнений). Второй раз операция кесарева сечения в Аша-Балашове была произведена в 1926 г. Двадцатисемилетняя больная З.П., домохозяйка (замужем с 20 лет), имела восьмую беременность, перенесла пять родов и два аборта (при двух последних беременностях). Она поступила 17 мая 1926 г. по поводу кровотечения, начавшегося примерно с месяц назад; 19, 21 и 27 мая у нее отмечались небольшие кровотечения, 30 мая вечером – усилившееся, а 31 мая утром – значительное кровотечение. Больной, по ее согласию, под хлороформно-эфирным наркозом было проведено малое кесарево сечение, показавшее центральное предлежание последа; пузырь не был вскрыт и рукой вместе с плодом и плацентой удален. Плод был жив и погиб через 5 минут. При осмотре плода были найдены отложения извести. Ввиду резкой анемии было произведено вливание физиологического раствора. Попутно, по просьбе З.П., была произведена операция стерилизации. Через две недели, 11 июня 1926 г., З.П. была выписана в хорошем состоянии [8, с. 145–147].

В 1927 г. роженицам в Тюменском роддоме профессором медицины В.Г. Божовским и доктором И.И. Туревским для обезболивания родов был применен гипноз. Подготовительным сеансам согласились подвергнуться 33 беременные женщины, находившиеся в конце восьмого и на девятом месяце беременности. Три из них после первого-второго раза перестали ходить на сеансы, а еще три начали посещать сеансы лишь незадолго до родов. При этом 14 испытываемых

² Об утверждении «Положения о кочевых советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР»: постановление ВЦИК и СНК 20 августа 1933 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1933 г. № 49. Ст. 209.

³ ОГАЧО. Ф. П-334. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Д. 19. Л. 35.

⁴ Черных Н.В. Уральский научно-исследовательский институт материнства и младенчества. 125 лет со дня основания. 13 апреля 1877 г. URL: <http://omm.ur.ru/conferehces.html> (дата обращения: 20.04.2013).

относились к первородящим роженицам, 19 – к повторным. 25 испытуемых женщин имели нормальный таз, 8 – общесуженный. Среди гипнотизируемых было 19 жен служащих (из них 4 женщины сами были служащими); 10 жен рабочих (в том числе 3 работавших на производстве) и две супруги торговцев и ремесленников. Пятеро испытуемых находились в возрасте до 20 лет включительно, 12 чел. – от 20 до 25 лет, 11 чел. – от 25 до 30 лет и пятеро – старше 30 лет. Первые две женщины гипнотизировались в лежачем положении; затем, когда число участниц эксперимента стало больше трех, беременные оставались сидеть, так проводился массовый гипноз. Женщины вводились в состояние сна, у каждой сон был различной глубины. Гипнотизер вел систематические беседы, в ходе которых внушал мысль о том, что обычно наблюдающиеся родовые боли не являются обязательными спутниками родового акта, что не только роды, но и послеродовой период пройдут без всяких болевых ощущений. Всего проводилось 4–6 сеансов (каждый длительностью от 12 до 21 мин.), сеансы проходили два раза в неделю с перерывом в три дня [10, с. 164–168].

Роды беременных, подвергавшихся подготовительным сеансам гипноза, сопровождал врач-гипнотизер. Как только поступала подвергавшаяся подготовительным сеансам гипноза беременная, дежурная акушерка немедленно призывала врача, проводившего сеансы. Чаще всего это был профессор В.Г. Божовский. После процедуры обычного туалета роженицы вновь подвергались гипнозу. Шесть женщин недоверчиво относились к гипнозу, получили мало сеансов и родили без гипноза. Из остальных 25 пять родили также без гипноза по разным непредвиденным причинам. Из 20 родивших под гипнозом у 18 (т.е. в 90 % случаев) были хорошие результаты – роды прошли без болей, в двух случаях (10 %) эффект обезболивания не проявился. В остальных пяти случаях сеансы гипноза по различным обстоятельствам не были завершены, и роды проходили без участия врачей-гипнотизеров, в обычной обстановке. Однако у одной из этих пяти оставшихся рожениц роды прошли совершенно безболезненно, в четырех случаях – сопровождалась болями. То есть, положительные результаты имелись в 75,75 % (в 25 случаях из 33) [10, с. 164–168].

С 1928 г. обезболивание родов проводилось А.Б. Прейсманом в Ишиме. По его наблюдениям, больная А.Д. (27 лет, за 4 года – 3 родов и 4 беременности) во время операции чувствовала, будто режут рубашку. Больная Е.Д. 3-ва (23 лет, замужем, за пять лет родила троих детей) во время аборта находилась в состоянии глубокого сна, ничего не чувствовала. Больная Е.Д. Д-ва (24 года, учительница), которой врач внушил, что ей захочется петь, во время аборта, дивясь с приготовлением к операции 15–20 мин., пела «Стоит гора высокая», «Белую акацию» и другие песни [11, с. 52–53].

Инициатором массового обезболивания родов стал свердловский профессор Александр Юдимович

Лурье (1897–1958 гг.). Он вел широкую пропагандистскую работу [15; 16]. Для слушателей курсов заочной переподготовки участковых акушеров при отделе охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения в цикле лекций «Охраны материнства и младенчества» им была подготовлена лекция №12 «Родовспоможение». Опубликованная в 1930 г. отдельной брошюрой лекция распространялась бесплатно [13]. Итоги работы по обезболиванию родов были изложены А.Ю. Лурье в брошюре «Обезболивание родов», опубликованной в Свердловске в 1936 г. [14]. Наряду с ней памятка об обезболивании родов была выпущена А.Ю. Лурье в Ленинграде [12].

Совместно с А.Ю. Лурье над методом обезболивания родов в Свердловске работала опытный врач с 25-летним стажем (из них 8 лет лечебной работы) Г.С. Айзмкович. Директор Свердловского акушерско-гинекологического института, прекрасный организатор, она была представлена к ордену Ленина в 1936 г. вместе с А.Ю. Лурье. В Свердловском НИИ ОММ с 4 июля 1935 г. инструктаж по обезболиванию родов получили 113 врачей, в том числе врачи Украины, Кавказа, Чувашии, Сибири, Казахстана. Крупным специалистом по обезболиванию была врач-гинеколог, заведующая гинеколо-хирургической клиникой Свердловского акушерско-гинекологического института Э.А. Бунимович. В 1936 г. она была представлена к награждению орденом «Знак почета» и грамотами ВЦИК. Впервые в СССР разработала метод применения «эвипан-натрия» (сейчас наиболее известен как гексенал) при обезболивании родов в акушерстве уральский гинеколог А.А. Иконникова, к 1934 г. имевшая всего 6 лет врачебного стажа. Одной из первых в Уральской области приступила к обезболиванию по методу А.Ю. Лурье Ф.В. Бархина, работавшая с 1934 г. заведующей акушерским отделением на Уральском машиностроительном заводе⁵. Движение за обезболивание родов стало массовым и охватило многие клиники в СССР. К январю 1936 г. в Свердловской области уже насчитывалось свыше 8 тыс. родов, прошедших без боли. Эта методика применялась в каждом районном центре [24, с. 27].

Таким образом, в непростой обстановке социалистического строительства врачи Урала осваивали передовые и разрабатывали новые методы родовспоможения, в том числе «королевские роды» (роды без боли), которые входили в практику и становились доступны простым женщинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербинин П.П. Традиции и инновации в механизме защиты прав женщин (региональный аспект) // Вестник Тамб. гос. ун-та. 2013. Вып. 8 (124). С. 411–415.
2. Щербинин П.П., Лапочкин Е.В., Щукин Ю.К. История сестринского дела на Тамбовщине (XVII–XXI вв.). Тамбов, 2013. 147 с.
3. Сулейманова Р.Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX в. Уфа, 2014. 336 с.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 14. Д. 504. Л. 104–106.

4. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. 244 с.

5. *Журавлева В.А.* Состояние младенческой смертности в городах Урала в 1920–1930-е годы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 179–183.

6. *Алферова И.В.* Модернизация быта по-коммунистически: проекты и результаты (1917–1920-е гг.) // Вестник Брян. гос. ун-та. 2011. №2. С. 12–17.

7. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд. М., 2016. 640 с.

8. *Соболев Л.Ф.* К вопросу о классическом кесарском сечении при placenta praevia // 1-й съезд хирургов, гинекологов, офтальмологов, оториноларингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний. Свердловск, 1927. С. 145–147.

9. *Звягин К.П.* Лечение предлежаний последа // 1-й съезд хирургов, гинекологов, офтальмологов, оториноларингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний. Свердловск, 1927. С. 138–145.

10. *Божовский В.Г., Туревский И.И.* Гипноз при родах // 1-й съезд хирургов, гинекологов, офтальмологов, оториноларингологов и рентгенологов Уральской области и прилегающих губерний. Свердловск, 1927. С. 164–168.

11. *Прейсман А.Б.* Гипноз в практике гинеколога // Уральский медицинский журнал. 1930. №1. С. 52–54.

12. *Лурье Р.Г.* Обезболивание родов. Л., 1936. 25 с.

13. *Лурье А.Ю.* Родовспоможение. М.; Л., 1930. 22 с.

14. *Лурье А.Ю.* Обезболивание родов. Свердловск, 1936. 43 с.

15. *Лурье А.Ю.* Памятка беременной. М., 1928. 28 с.

16. *Лурье А.Ю.* Памятка беременной. М.; Л., 1929. 30 с.

17. *Лебедева В.П.* Задачи и пути охраны материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1926. № 1. С. 1.

18. *Белостоцкий И.С.* Здравотделы в Екатеринбургской губернии за время существования Советской власти // Медработник Урала. 1922. № 3. С. 2.

19. *Перетц В.Г.* Медицинский обзор 50-летней деятельности Свердловского акушерско-гинекологического института. Свердловск, 1928. 19 с.

20. *Серебренников В.С.* Здоровоохранение на Урале. Итоги и очередные задачи. Свердловск, 1929. 24 с.

21. *Рахманов А.Н.* Консультации для беременных и родильниц как основа охраны материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1926. № 1. С. 2.

22. *Гиятуллина Г.Г.* Проблемы охраны материнства и младенчества в Башкирской АССР в 1920-х гг. // Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. №8 (337). С. 25–29.

23. *Слуднова Ф.Ф.* Служба акушерско-гинекологическая // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 780.

REFERENCES

1. *Shcherbinin P.P.* Traditions and innovations in the mechanism to protect women's rights (a regional aspect). *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 8, pp. 411–415. (In Russ.)

2. *Shcherbinin P.P., Lapochkin E.V., Shchukin Yu.K.* The History of Nursing in the Tambov Region (XVII – XXI Centuries). Tambov, 2013, 147 p. (In Russ.)

3. *Suleymanova R.N.* Women in social-political life of Bashkiria in the XX century. Ufa, 2014, 336 p. (In Russ.)

4. *Isupov V.A.* Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: historical and demographic essays. Novosibirsk, 2000, 244 p. (In Russ.)

5. *Zhuravleva V.A.* The state of infant mortality in the Urals in the 1920s-1930s. *Ural industrialnyy. Bakuninskie chteniya: materialy IX Vseros. nauch. konf.* Ekaterinburg, 2009, vol. 2, pp. 179–183. (In Russ.)

6. *Alferova I.V.* Modernization of everyday life in a communist way: projects and results (1917-1920). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 12–17. (In Russ.)

7. *Rozhkov A.Yu.* In the circle of peers: a young man's lifeworld in Soviet Russia in the 1920s. 2nd ed. Moscow, 2016, 640 p. (In Russ.)

8. *Sobolev L.F.* On the problem of classical Caesar section at placenta praevia. *1-yy s'ezd khirurgov, ginekologov, oftalmologov, otorinolaringologov i rentgenologov Uralskoy oblasti i prilegayushchikh guberniy.* Sverdlovsk, 1927, pp. 145–147. (In Russ.)

9. *Zvyagin K.P.* Treatment of post-mortem presentations. *1-yy s'ezd khirurgov, ginekologov, oftalmologov, otorinolaringologov i rentgenologov Uralskoy oblasti i prilegayushchikh gubernii.* Sverdlovsk, 1927, pp. 138–145. (In Russ.)

10. *Bozhovskiy V.G., Turevskiy I.I.* Hypnosis at childbirth. *1-yy s'ezd khirurgov, ginekologov, oftalmologov, otorinolaringologov i rentgenologov Uralskoy oblasti i prilegayushchikh guberniy.* Sverdlovsk, 1927, pp. 164–168. (In Russ.)

11. *Preysman A.B.* Hypnosis in the practice of a gynecologist. *Uralskiy meditsinskiy zhurnal*, 1930, no. 1, pp. 52–54. (In Russ.)

12. *Lurie R.G.* Anesthesia of childbirth. Leningrad, 1936, 25 p. (In Russ.)

13. *Lurie A.Yu.* Childbirth. Moscow; Leningrad, 1930, 22 p. (In Russ.)

14. *Lurie A.Yu.* Anesthesia of childbirth. Sverdlovsk, 1936, 43 p. (In Russ.)

15. *Lurie A.Yu.* Memo of a pregnant woman. Moscow, 1928, 28 p. (In Russ.)

16. *Lurie A.Yu.* Memo of a pregnant woman. Moscow; Leningrad, 1929, 30 p. (In Russ.)

17. *Lebedeva V.P.* Tasks and ways to protect motherhood and infancy. *Okhrana materinstva i mladenchestva*, 1926, no. 1, p. 1. (In Russ.)

18. *Belostotskiy I.S.* Health care departments in Yekaterinburg province during the Soviet power. *Medrabotnik Urala*, 1922, no. 3, p. 2. (In Russ.)

19. *Peretz V.G.* Medical review of 50-year long activity of Sverdlovsk Obstetric and Gynecological Institute. Sverdlovsk, 1928, 19 p. (In Russ.)

20. *Serebrennikov V.S.* Health in the Urals. Results and future tasks. Sverdlovsk, 1929, 24 p. (In Russ.)

21. *Rakhmanov A.N.* Consultations for pregnant women and puerperas as a basis to protect motherhood and infancy. *Okhrana materinstva i mladenchestva*, 1926, vol. 1, p. 2. (In Russ.)

22. *Giyatullina G.G.* Problems of maternity and infancy in Bashkir ASSR in the 1920s. *Magistra vitae: e-zhurnal po ist. naukam i arheologii*, 2014, no. 8, pp. 25–29. (In Russ.)

23. *Sludnova F.F.* The service of obstetrics and gynecology. *Chelyabinsk: Entsiklopediya.* Chelyabinsk, 2001, p. 780. (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190216
УДК 94+314.14 (571.1) "1941/1945"

М.П. БЕЛЕНКО

ИСТОЧНИКИ ПО ЧИСЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ЭВАКУИРОВАННОГО В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ (СИУ РАНХиГС),
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

В статье анализируются источники опубликованных ранее данных по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны, выявляются причины расхождения этих данных в разных учетных документах, рассматривается методика работы с такими документами. С точки зрения организации процесса эвакуации населения выделяются две юридически равнозначные группы эвакуированных граждан – «беженцы» и «организованное население». На основании анализа причин недостоверности статистических данных сделан вывод о необходимости исследователю работать в первую очередь с документами первичного учета населения, несмотря на трудоемкость такого подхода. Они более достоверны, нежели обобщающие статистические сводки. Кроме того, в собранные статистические данные необходимо вносить поправки на погрешность учета, которые можно определить, лишь опираясь на делопроизводственную переписку органов учета. Размер погрешности для сводных сведений по Западной Сибири составляет 10 тыс. чел., для отдельных субъектов региона – 5 тыс. чел.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, гражданское население, источники, статистический учет, Западная Сибирь.

M.P. BELENKO

SOURCES ON THE NUMBER OF CIVILIANS EVACUATED TO WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str. Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
6 Nizhtgorodskaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article deals with the issue of the number of civilians evacuated to West Siberia. The paper notes inconsistency of the data number published up to date; analyzes sources of the published data on the size of evacuated population quantity. Based on a legal definition of “evacuated population”, the author identifies the following varieties: “refugees” and “organized population”; reveals features of their accounting and corresponding errors.

The article formulates several conclusions: the exact number of people who arrived in the region during the civil evacuation can't be established due to accounting errors in statistical data. At the same time, errors of generalizing statistical data are greater than the primary data collected by the local population accounting authorities, because the first ones accumulate errors of the second ones. Thus, to determine the evacuated population (and the population in general) size, it is necessary to rely primarily on the documents of the primary population registration, despite the complexity of this approach. Business correspondence of the accounting authorities is of particular importance in this case, as it contains information that allows

Михаил Павлович Беленко – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (СИУ РАНХиГС); e-mail: mikeslon@gmail.com.

Mikhail P. Belenko – Candidate of Historical Sciences, Junior researcher, Institute of History SB RAS; Associate professor, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

taking into account the error size inherent in the statistics provided by them. It is important to consider as well, that the error in the accounting the population during the war increased significantly, its value differed significantly in various war periods and in different regions, and, consequently, should be differentiated. In West Siberia, the statistical data errors for each territorial subject (Altai, Novosibirsk and Omsk regions) was about 5 thousand people, and as for general estimates of the number of people who arrived in the region, it is advisable to specify it with an accuracy about 10 thousand people. This value is justified by the peculiarities of preparing data on the natural and mechanical movements of population, as well as the mortality rate in the region, ranging from 13 to 20 thousand people a month during the war.

Key words: Great Patriotic war, evacuation, civilians, sources, West Siberia.

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже более 70 лет, но интерес общества к тем великим событиям не ослабевает. Одним из слагаемых Победы была оперативная эвакуация производительных сил в восточные районы СССР, а ее важной составной частью стала эвакуация гражданского населения. К сожалению, эта тема в настоящий момент изучена еще недостаточно, хотя исследователи обращались к ней неоднократно. Но изучение миграций населения в указанные годы ВОВ затрудняется рядом специфических причин, прежде всего – обилием разновидностей миграций и, соответственно, используемых для их описания терминов [1], что часто приводит к путанице.

Исследователи зачастую в понятие «эвакуация» вкладывают разное содержание. Например, в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» число эвакуированных из прифронтовой полосы граждан оценено в 12 млн чел. [2]. И.И. Белоносов подсчитал [3], что масштаб эвакуации был существенно больше – 25 млн чел., но он не разделял эвакуированное население на перемещенных в глубокий тыл и отселенных от линии фронта на несколько десятков километров, что и обусловило столь сильную разницу в оценке численности эвакуированных. Таким образом, прежде чем говорить о собственно источниках по теме, следует начать с более точного определения терминов.

В годы Великой Отечественной войны понятие «эвакуированное население» имело вполне конкретное значение: граждане, получавшие статус эвакуированных, обладали рядом льгот (право на получение материальной помощи, им отдавался приоритет при трудоустройстве и т. п.). Следовательно, регламентировался и порядок получения данного статуса. Так, согласно циркулярному письму Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации, при учете поступающего в тыловые районы населения (и при повторных его переучетах) статус эвакуированных получали «лица <...>, прибывшие из прифронтовой полосы во время войны, а также лица, командированные в область, если территория их постоянного проживания занималась врагом»¹.

Военнослужащие – персонал перемещенных в тыл военных госпиталей, курсанты и слушатели военных учебных заведений, не попадали в разряд эвакуированных, однако члены их семей такой статус

получали. Заключенные перемещенных в восточные районы страны тюрем и исправительно-трудовых лагерей, амнистированные или освобожденные по прибытии при переучете записывались как эвакуированные, однако они не обладали льготами и преимуществами, положенными эвакуированному населению. Статус эвакуированных не получали перемещенные в восточные районы страны поляки и депортированные народности. В дальнейшем мы станем придерживаться этой официальной терминологии, для того чтобы избежать путаницы при рассмотрении документальных источников.

Отталкиваясь от данного определения, можно выделить несколько различных (с позиции «организации процесса») групп эвакуированных. Во-первых, это «организованное население», к которому следует отнести рабочих и служащих различных организаций и учреждений, перемещаемых в тыловые районы страны в рамках эвакуации. Их эвакуация планировалась в Совете по эвакуации, а затем соответствующие наркоматы организовывали перемещение «своих» предприятий и персонала. Второй группой стали «беженцы», т. е. население, самостоятельно покинувшее место своего проживания, а также гражданское население, перемещаемое из крупных городов, в первую очередь из Москвы и Ленинграда, по соображениям военно-политического характера (как добровольно, так и принудительно) с целью разгрузить эти города от «лишнего населения». Таким образом, к этой же группе нужно отнести эвакуированные с Дальнего Востока семьи военнослужащих: 28 июня Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт, что дало основание для эвакуации гражданских лиц из «прифронтовой полосы» летом–осенью 1941 г.

Но только разницей в понимании и использовании понятия «эвакуированное гражданское население» разброс данных по численности эвакуированных в Западную Сибирь граждан объяснить сложно. Например, по подсчетам Г.А. Докучаева, в Сибирь за годы войны прибыло от 1,5 до 2 млн чел. [4, с. 164]. Ю.А. Васильев указывал, что в Иркутскую, Новосибирскую, Омскую и Курганскую области было эвакуировано более 1 млн чел. [5, с. 162]. Солидарны с ним В.Т. Анисков, М.Р. Акулов и И.И. Кузнецов [6, с. 91]. В.В. Алексеев и В.А. Исупов считают, что в 1941–1942 гг. в Сибирь прибыло 908 тыс. чел., а с учетом естественной убыли – более 1,1 млн чел., в том числе примерно 600 тыс. чел. во второй половине 1941 г. и около 400 тыс. чел. летом и осенью

¹Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 157.

1942 г. Из них в Западной Сибири было размещено 798,4 тыс. чел., и 109,6 тыс. чел. – в Восточной [7, с. 168]. Л.С. Пановский в своих исследованиях утверждает, что к апрелю 1943 г. в городах и сельской местности Западной Сибири было размещено 934,5 тыс. чел. [8, с. 220]. А.Д. Колесник считает, что к началу 1943 г. в Западной Сибири было размещено 925,7 тыс. чел [9, с. 95]. По подсчетам Л.И. Снегиревой, численность эвакуированного в Западную Сибирь населения превышала 1 млн чел., но она допускает неточность данной цифры [10, с. 23].

Таким образом, назрела необходимость изучить вопрос об источниках, которые позволяют определить численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения и составить мнение о точности содержащихся в них сведений.

Основной массив данных о численности эвакуированных граждан содержат **статистические** источники. Их можно разделить на три подгруппы: сводные всесоюзные статистические таблицы; сводные региональные статистические таблицы, охватывающие территорию области или края; документы первичного учета населения.

Всесоюзные статистические таблицы охватывают всю территорию СССР и предоставляют информацию о том, какое количество эвакуированных направлено в ту или иную область или край. Это дает возможность оценить масштабы эвакуации гражданского населения не только по трем интересующим нас регионам, и, кроме того, оценить место Западной Сибири во всесоюзных эвакуационных процессах. Составлялись такие сводные таблицы на основе данных региональных статистических органов, в них приведены сведения, полученные из областей и краев.

Основная ценность данного источника в том, что таблицы позволяют увидеть полную, систематизированную картину в масштабах всей страны. При этом данные относятся к одному периоду, что обеспечивает получение одномоментного среза, редко встречающегося в других документах. Кроме того, сведения сводных статистических таблиц позволяют восполнить лакуны, вызванные плохой сохранностью исходных, региональных статистических документов, о чем будет сказано далее. Главным же недостатком этого источника является то, что погрешности учета в нем имеют наиболее выраженный характер, так как сводные всесоюзные таблицы и сводки аккумулируют все погрешности регионального и местного учета.

Вторая подгруппа статистических источников – таблицы, составленные областными и краевыми статистическими управлениями, а также областными и краевыми органами здравоохранения. К ним следует отнести таблицы двух типов: стандартные таблицы учета механического движения населения, здесь эвакуированные в отдельную категорию не выделяются (но, зная регион выбытия и дату учета, мы можем сделать определенные предположения об их статусе). Второй тип – сводные таблицы численности, учета и переуче-

та населения, составленные на материалах первичного учета, в которых эвакуированное население выделяется в отдельную категорию граждан. Нужно учитывать, что сохранность этих сведений неодинакова: они в полном объеме сохранились в Новосибирской области, неудовлетворительно – в Алтайском крае и вообще не сохранились – в Омской области

Достоверность данных регионального учета уже при их составлении вызвала множество нареканий. Причины неточного и несвоевременного текущего учета прибывавшего эвакуированного населения, как и вообще учета населения, мы рассмотрим далее, а пока отметим, что потребность органов власти в точных данных о количестве эвакуированных пытались реализовать посредством «экстренных», внеплановых переучетов населения. Однако такие переучеты населения проводились неодновременно по всей Западной Сибири, что затрудняет определение общей численности и состава граждан, прибывших в регион по эвакуации.

Третья подгруппа – документы первичного учета. К ним можно отнести заполненные бланки учета эвакуированного населения (форма № 2), списки лиц, проживавших на территории сельсовета, включая эвакуированных (форма № 4-а), эшелонные списки, сводки эвакуопунктов и санпропускников о количестве принятых, обслуженных, отправленных (если следуют далее) и размещенных граждан. Эта подгруппа источников особенно важна для Омской области, так как обработанные статистические сведения сохранились здесь хуже, чем в других регионах Западной Сибири, и данные первичного учета позволяют отчасти восполнить скудость статистической информации. В силу своей специфики документы третьей подгруппы не предполагают полноты и несут фрагментарный характер. Основная ценность этих сведений в том, что они позволяют оценить не только динамику прибытия в регион эвакуированного населения, но и своевременность его учета.

Помимо статистических сведений информацию о численности эвакуированного населения содержит **делопроизводственная документация**. В рамках нашей темы ее можно разделить на две подгруппы: отчетные документы и деловая переписка.

В подгруппе **отчетных документов** следует выделить отчеты районных инспекторов по эвакуации населения. Они включают как более или менее формализованные данные о составе и численности прибывавшего населения, так и сопроводительные письма, где в свободной форме изложены взгляды инспекторов на состояние и перспективы учета, качество и характер расселения эвакуированных. При сопоставлении этих сведений с данными статистических таблиц видны недостатки системы учета эвакуированного населения в плане своевременности и полноты передаваемых в органы государственной статистики сведений. Эти же отчеты наглядно демонстрируют разницу между декларируемой важностью учета населения, усилиями по его организации действующих органов власти

и его фактическим местом в системе целей и приоритетов низового управленческого аппарата. К сожалению, отчеты районных инспекторов сохранились только в фонде отдела хозяйственного и бытового устройства эвакуированного населения исполкома Новосибирской области, в архивах других субъектов Западной Сибири их обнаружить пока не удалось.

Деловая переписка различных органов, имевших отношение к учету, а также медицинскому, продовольственному, вещевому и другим видам обеспечения прибывавшего по эвакуации населения представлена весьма разнообразными документами, главным образом, справками, запросами, объяснительными записками и т. п. Среди этой подгруппы документов необходимо выделить оперативные сводки НКВД, в которых указывалось в том числе количество прибывших в регион эвакуированных граждан. Органы НКВД получали информацию о численности прибывших очень быстро, они представляли себе примерную численность населения в тех или иных населенных пунктах, основываясь и на косвенных показателях (например, данные по прописке и по освобождению жилых площадей для эвакуированных). Но в их задачи не входило выяснение точной численности прибывавшего населения, и поэтому НКВД вполне устраивали приблизительные цифры. Следует к тому же отметить, что собственно сводки НКВД – это закрытый источник ведомственного архива, и доступ к нему ограничен. Но копии таких сводок, а также выдержки из них, сохранились в делах других архивных фондов (особенно в фонде отдела хозяйственного учета эвакуированного населения Новосибирского облисполкома).

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что основной массив данных о численности населения содержится в материалах государственной статистики, т. е. в сводных статистических таблицах. Все другие виды источников лишь дополняют и уточняют их. Следовательно, первостепенное значение имеет точность этих статистических таблиц.

И местные, и центральные власти неоднократно отмечали недостатки в организации учета эвакуированного в регион населения, при этом подчеркивалось, что статистические сведения не всегда отражают реальное состояние дел, поскольку оформляются с опозданием и в неполном объеме². Недостоверность и несвоевременность учета объясняются многими причинами – от нехватки регистрирующих кадров и слабого развития телефонной сети в сельских районах до сложных погодных условий, нарушавших регулярность почтового сообщения. Таким образом, указанное в данных таблицах количество эвакуированных занижено. Это становится заметным при сравнении сводных показателей с материалами регионального статистического учета, а также со сведениями партийных и советских органов, которые занимались размещением населения. Что каса-

ется городского населения, то необходимо отметить, что цифры принципиально не отличаются от региональных, количество же эвакуированных граждан, проживавших в сельской местности, занижено весьма значительно.

Причина, скорее всего, в том, что в городах размещались официально эвакуированные, т. е. прибывавшие вместе со своими предприятиями, а беженцы, учитывая которых было гораздо сложнее, расселялись в основном в сельской местности.

Предполагая, что недоучет охватил как регионы страны, куда направлялись эвакуированные, так и области их первоначального проживания, мы можем получить адекватные реальной картине сравнительные данные (осознавая, впрочем, их приблизительный характер) – о доле того или иного региона в общей картине эвакуации.

Анализ деловой переписки статистических органов позволяет оценить степень достоверности статистических данных и выявить причины и масштаб погрешности. Можно выделить следующие факторы, повлиявшие на достоверность данных: отсутствие согласия между различными органами в регионах по вопросу, кто именно должен осуществлять учет (в результате учетом никто не занимался – наиболее характерно это было для 1941 г.); нехватка ресурсов (работников, бумаги и др.); секретный статус ряда организаций (которые на этом основании отказывались предоставлять в органы учета сведения о численности своих работников); изменение административно-территориального деления Западной Сибири в рассматриваемый период. Повлияло на точность учета и то, что правовой статус мигрантов окончательно определен был только в ноябре 1941 г. В совокупности названные причины приводили к хроническому недоучету прибывавших в регион эвакуированных граждан. Такое количество факторов, неодинаково проявлявшихся на различных территориях Западной Сибири, не позволяет выработать единую методику расчета «неучтенных» граждан.

В 1942 г. численность эвакуированного в Западную Сибирь населения значительно выросла. Но ценность имеющихся данных за 1942 г. нивелируется тем, что в них не учтены эвакуированные, прибывшие в мае–декабре 1942 г. в Омскую область (т. е. в то время, когда опять возобновилась эвакуация). Кроме того, исходя из анализа динамики численности эвакуированного населения, отраженной в документах Новосибирской области и Алтайского края, можно сделать вывод, что в действительности максимальное количество эвакуированных проживало в Западной Сибири в феврале–марте 1943 г., когда в Западную Сибирь прибыли последние группы эвакуированных из Ленинграда и тех областей РСФСР, которые стали ареной боевых действия летом–осенью 1942 г., а процессы реэвакуации только начинались. Но данные о прибытии населения в Западную Сибирь зимой и весной 1943 г. являются неполными, причем к моменту очередного переучета населения – к 1 января 1944 г., их абсолют-

²Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 248. Л. 1–10; Д. 322. Л. 47, 53; Д. 338. Л. 1.

ная численность была меньше, чем год назад – в основном из-за эвакуации. Таким образом, это максимальное одномоментное количество эвакуированных в документах не отражено и может быть восстановлено только расчетными методами с опорой на данные текущего учета продовольственного и медицинского обеспечения эвакуированных граждан.

Таким образом, можно утверждать что максимальное количество одновременно находящихся на территории Западной Сибири эвакуированных было, как минимум, на 10 % больше, чем указано на начало 1943 г. С учетом естественной убыли и частичной мобилизации эвакуированных мужчин в РККА общее количество эвакуированных в Западную Сибирь будет еще бóльшим – ориентировочно на 15 %.

На основании сказанного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, главная причина расхождения уже опубликованных оценок численности эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения – обилие противоречащих друг другу статистических сведений. Во-вторых, опираясь только на статистику, точное количество прибывших в регион по эвакуации граждан установить нельзя, особенно это характерно для сводных, обобщенных сведений, которые аккумулируют погрешности низовых органов учета. Следовательно, при определении численности эвакуированного населения (и вообще населения) необходимо использовать в первую очередь документы первичного учета населения, несмотря на трудоемкость такого подхода. Важно также зафиксировать необходимость привлекать при этом деловую переписку органов учета, поскольку именно в ней содержатся сведения, позволяющие учесть размер погрешности, заложенный в статистические данные, предоставляемые этими органами. Отметим также, что размер погрешности в учете населения в годы войны существенно вырос, при этом ее величина сильно колебалась от региона к региону и должна учитываться дифференцировано. Для Западной Сибири для каждого из территориальных субъектов погрешность статистических данных составляла около 5 тыс. чел., а для общих оценок численности прибывшего в регион населения целесообразно указывать ее с точностью до 10 тыс. чел. Такие поправки обосновываются особенностями подготовки сведений о естественном и механическом движении населения, а также уровнем смертности в регионе, колебавшимся в годы войны от 13 до 20 тыс. чел. в месяц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири, 2016. №1. С. 12–17.

2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. М., 1961. Т. 2. 682 с.

3. Белоносков И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. 263 с.

4. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 332 с.

5. Васильев Ю.А. Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск, 1965. 384 с.

6. Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И. Подвиг земли богатырской (Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) М., 1970. 364 с.

7. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

8. Пановский Л.С. Изменения в численности колхозного крестьянства Западной Сибири в 1941–1945 гг. // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973. С. 215–225.

9. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. 328 с.

10. Снегирева Л.И. К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны. Томск, 2005. С. 103–108.

REFERENCES

1. Isupov V.A. On the issue of migration types and their correlation during the Great Patriotic war. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.)

2. Pospelov P. N. et al. (eds.) History of the Great Patriotic war of Soviet Union, 1941–1945. Moscow, Voenizdat, 1961, vol. 2, 682 p. (In Russ.)

3. Belonosov I.I. Evacuation of the civil population from the front line in 1941–1942. *Echelony idut na Vostok. Iz istorii perebazirovaniya proizvodstvennykh sil SSSR v 1941–1942 gg.* Moscow, 1966, pp. 15–30. (In Russ.)

4. Dokuchaev G.A. Siberian rear in the Great Patriotic War. Novosibirsk, Nauka, 1968, 332 p. (In Russ.)

5. Vasiliev Yu.A. Siberian arsenal. Siberian party organizations activity on developing the industry during the Great Patriotic War of 1941–1945. Sverdlovsk, 1965, 384 p. (In Russ.)

6. Akulov M.R., Aniskov V.T., Vasiliev Y.A., Kuznetsov I.I. The region's heroic feat (Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945). Moscow, 1970, 364 p. (In Russ.)

7. Alexeev V.V., Isupov V.A. Siberian population during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Nauka, 1986, 230 p. (In Russ.)

8. Panovski L.S. Changes in the number of collective-farm peasantry of West Siberia in 1941–1945. *Narody Sibiri v Velikoy Otechestvennoy voyne.* Kyzyl, 1973, pp. 215–225. (In Russ.)

9. Kolesnik A.D. RSFSR during the Great Patriotic War. The rare problems and nationwide assistance to the front. Moscow, 1982, 328 p. (In Russ.)

10. Snegireva L.I. On accounting the evacuated population in West Siberia and its number. *Aktualnye problemy istorii Velikoy Otechestvennoy voyny.* Tomsk, 2005, pp. 103–108. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.04.2019

DOI: 10.15372/HSS20190217
УДК 94(47+571)“1941/1942”

Р.Е. РОМАНОВ

ГЕРОИ СИБИРСКОГО ТЫЛА: СТАНОВЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИЮНЬ 1941 – МАРТ 1942 г.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассмотрены практики побудительной социально-трудовой коммуникации в публичном пространстве Новосибирска и реакция на этот процесс рабочих оборонной индустрии во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. Показаны каналы вербальной и образно-символической пропаганды, обеспечивавшие трансляцию военно-патриотических ценностей в среду работников сибирского тыла, выпустивших вооружение и боеприпасы. Сделан вывод о том, что основным содержанием данного процесса являлась тема героического труда, отождествлявшаяся в рассматриваемый период с выполнением двух и более норм выработки. Пропаганда создавала условия для усиления трудовой мотивации новосибирцев и роста численности стахановцев-двухсотников на действующих военных заводах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сибирский тыл, социально-трудовая коммуникация, каналы вербальной и образно-символической пропаганды, стахановское движение, двухсотники.

R.E. ROMANOV

HEROES OF THE SIBERIAN REAR: BECOMING AN INCENTIVE STRATEGY OF SOCIO-LABOR COMMUNICATIONS (JUNE 1941 – MARCH 1942)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to identify practices of incentive social-labor communication (SLC) in the public space of Novosibirsk and reaction of defense industry workers to this process in the late 1941 – early 1942. The research methodological basis of the research includes SLC concept and typology. SLC is viewed as a process of transferring information from some participants of production relations to others. There are two types of communication strategies in the framework of SLC, that trigger moral factors of labor motivation – prompting and coercion. The institutional form of motivation in the Soviet rear was the epic Stakhanov epos (prometheism) used to create the heroic era of the Great Patriotic War. In this context, the paper shows the process of deploying a propaganda campaign to glorify the foremost workers who performed production tasks by at least 200 %, which was carried out through a combination of channels of verbal and figurative symbolic propaganda providing information exchange between local authorities and factory staff, as well as within the staff. The author concludes that an integral part of such exchange was the theme of labor heroism identified with producing two or several norms. In general, the official propaganda created conditions for strengthening the motivation of Novosibirsk and migrant population, which led to increase of the number of “two hundred” workers (dvukhsotniks) in existing military factories. However, due to many organizational and technical costs associated with establishing defense production, this category of Stakhanovists remained a thin layer in the total mass of workers. At the same time, their motivation to over-fulfill the state defense order, including the influence of the epic cult of two-hundred workers created positive prospects for the further development of social competition as one of the communicative strategies to force social labor relations at the initial period of War with Nazi Germany.

Key words: Great Patriotic War, Siberian rear, social labor communication, channels of verbal and figurative symbolic propaganda, Stakhanov movement.

В первые месяцы Великой Отечественной войны одним из механизмов создания советского тыла являлось коммуникативное взаимодействие государствен-

ных органов власти и трудящихся. В это время побудительная социально-трудовая коммуникация между «верхами» и «низями» выстраивалась не только на

Роман Евгенийевич Романов – канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, e-mail: rromanov1981@mail.ru.
Roman E. Romanov – Candidate of Historical Science, Institute of History SB RAS.

основе идеологемы «социалистический труд», воплощение которой в жизнь началось еще в довоенные пятилетки. Ее формула выражалась в лозунге «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства», ставшем «визитной карточкой» ударнического и стахановского движения. Эти движения выступали средством сочетания идей индустриальной технократии с конструированием культа героев, совершавших производственные подвиги во имя «светлого будущего». После германского вторжения в СССР в 1941 г. названный культ достиг исторического максимума, воплотившись в лозунге «Все для фронта, все для победы!». В реалиях самого драматичного этапа войны официальная пропаганда стремилась донести ценности трудового героизма, прежде всего, до персонала оборонной индустрии. Здесь основная масса работников, позитивно реагирующая на идейные установки власти, демонстрировала верность традициям советского патриотизма. В Сибири эти коммуникативные процессы происходили в военно-промышленных центрах, сформировавшихся преимущественно в ходе эвакуации предприятий из прифронтовой полосы. В центре внимания автора находится феномен героизации двухсотников новосибирского оборонпрома, выполнявших нормы выработки на 200 % в период перестройки экономики на военный лад.

В отечественной исторической науке проблемы социально-трудовой коммуникации в военное время разрабатываются несколько десятилетий. В советской историографии данный процесс характеризовался как конструктивное взаимодействие между Коммунистической партией и рабочим классом [1; 2]. По мнению постсоветских историков, накануне и в начале войны на первый план вышли указы об ужесточении заводской дисциплины, однако они оказались малорезультативными в силу слабой мотивации занятого населения к труду [3; 4]. Вниманием современных исследователей охвачены не только репрессивные практики, но и информационно-идеологический контроль, на который работники тыла реагировали по-разному [5; 6]. В целом феномен героизации стахановцев военного времени в качестве одного из направлений коммуникативного взаимодействия местной власти и рабочих рассматривался лишь в советской научно-исторической литературе. В настоящее время назрела необходимость изучения данного явления с позиций современной методологии.

Методологическая база исследования включает понятие и типологию социально-трудовой коммуникации (СТК). Под СТК понимается процесс передачи информации от одних участников производственных отношений к другим. Для его обеспечения отправители и получатели сообщений используют коммуникативные стратегии (КС) и практики (КП). КС – это совокупность целей, механизмов и ожидаемых результатов информационного обмена, направленного на взаимную адаптацию коммуникаторов и реципиентов; КП – каналы и способы такого обмена. В рамках СТК выделяются коммуникативные стратегии побуди-

тельного и принудительного типов. Институциональной формой побуждения являлся конструируемый на фронте и в тылу нормативный образ героической эпохи Великой Отечественной войны. Его неотъемлемой частью была идея трудового героизма, распространявшаяся в рабочей среде в ходе соцсоревнования, которое развивалось как побудительная коммуникативная стратегия. В ее русле властные институты с помощью вербальных и образно-символических практик пытались внедрить в сознание персонала военных заводов представление о труде как о подвиге, а рабочие – заявить о своей гражданско-патриотической позиции.

Цель настоящего исследования – выявление практик побудительной СТК в публичном пространстве Новосибирска и реакции на этот процесс рабочих военпрома во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. В рассматриваемый период ядро новосибирской «оборонки» составляли авиационный завод № 153 (им. В.П. Чкалова) и комбинат № 179 («Сибметаллстрой») по выпуску боеприпасов. После перебазирования в город 23 оборонных предприятий [7, с. 87] произошло формирование крупнейшего за Уралом военно-индустриального мегаполиса.

Начало Великой Отечественной войны потребовало незамедлительного развертывания производства продукции для фронта. Впервые эта задача была сформулирована в выступлении И.В. Сталина 3 июля 1941 г.: «Мы должны укрепить тыл Красной Армии, [...] обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов...»¹. Призыв вождя стал отправной точкой для формирования побудительной коммуникативной стратегии между Советским государством и рабочими в военное время. Целевая установка состояла в повышении производительности труда за счет перевыполнения сменных заданий. Механизмом реализации цели выступала героизация двухсотников как новая форма СТК, связанная с переходом от мирного хозяйственного строительства к созданию военной экономики. В качестве ожидаемого результата предполагалось увеличение выпуска вооружения и боеприпасов.

В начале июля 1941 г. среди рабочих Горьковского автозавода зародился почин «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт». Он принадлежал стахановцу Букину, решившему трудиться за двоих в связи с мобилизацией многих автозаводцев. Инициативу «снизу» быстро подхватила пропаганда, так в промышленности появились «двухсотники военного времени». На заводе им. В.П. Чкалова в Новосибирске одним из инициаторов этого движения являлся кадровый производственник Левяков, на комбинате № 179 – работницы Аркашина и Мочалова. Примеры их стахановского труда стали спусковым «крючком» агиткампании по распространению в рабочей среде идеи о выработке норм на 200 %.

¹ Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 29.01.2019).

Организацией этой кампании в крупных тыловых районах занимались областные комитеты партии и комсомола. Постановлением Новосибирского обкома ВЛКСМ от 5 августа 1941 г. «О распространении движения двухсотников среди комсомольцев и молодежи, не состоящей в комсомоле» городские и районные комсомольские инстанции обязывались «организовать среди молодежи широкую пропаганду и разъяснение методов двухсотников через стенные, районные и областную газеты, лозунги, плакаты и беседы...»². В этой директиве указывалось на использование различных коммуникативных каналов для передачи информации об актуальном почине в массы тружеников тыла.

Отправной точкой в создании нового героического культа в оборонной промышленности Новосибирской области являлось обращение двухсотников завода им. В.П. Чкалова к трудящимся региона, появившееся в начале августа 1941 г. В этом документе движение «двухсотников» называлось «патриотическим движением рабочих», «стахановцами военного времени», «советскими патриотами-рабочими», «настоящими патриотами», «героями трудового фронта», «самоотверженными бойцами за победу над фашистскими извергами». Героизации движения передовиков, выполнявших план на 200 %, способствовала также фраза о том, что в нем проявлялся *боевой дух советского народа, умевшего воевать*. Но глагол «воевать» понимался не только как способ «разить врага на фронте», но и «создать стальной тыл Красной армии». Обращение заканчивалось призывом к росту производительности труда. Под ним поставили подписи восемь рабочих, выполнявших задание от 200,0 до 387,6 %³. Текст документа был растиражирован и разослан через обком партии по предприятиям области.

Следующим шагом по внедрению в массовое сознание образа стахановцев военного времени стала его трансляция через официальную прессу. 9 августа 1941 г. в газете «Советская Сибирь» вышла статья «Двухсотники». В публикации отмечалось, что движение двухсотников началось по призыву слесаря и секретаря цеховой парторганизации завода им. В.П. Чкалова Левякова. Ключевыми моментами статьи выступали партийная должность, инициатива рабочего по проведению сталинской вахты «За Родину», поддержка со стороны других производственников и парткома завода, придававшие легитимность новому почину. Статья завершалась характеристикой двухсотников как конкретной формы массового проявления *трудового героизма*⁴. После ее выхода в «Советской Сибири» стали активно публиковаться материалы о производственниках, вырабатывавших две – три нормы.

Еще больший импульс этой патриотической кампании придало предоктябрьское соцсоревнование 1941 г. Старт ему дало решение общегородского сле-

та стахановцев о том, что двухсотники и трехсотники должны служить *примером исполнения долга перед родиной для каждого советского гражданина*. Это положение конкретизировалось указанием на взятие заводом им. В.П. Чкалова и комбинатом «Сибметаллстрой» обязательств по перевыполнению производственных планов. Документ заканчивался заявлением участников слета от лица всех рабочих Новосибирска о борьбе за высокую производительность труда⁵. Наделение стахановцев военного времени представительными функциями свидетельствовало о завершении их легитимации в качестве нормативного образца советскости в публичном пространстве сибирского тыла.

Процесс транслирования военно-патриотических ценностей достиг своего апогея в период празднования 24-й годовщины Октябрьской революции. 30 октября 1941 г. в «Советской Сибири» было опубликовано обращение коллектива завода им. В.П. Чкалова ко всем работникам Новосибирской области с предложением отметить праздник производственными подвигами. В связи с проведением сталинской вахты в поддержку защитников Москвы 7, 8 и 9 ноября объявлялись днями *героического труда*. Инициаторы вахты взяли обязательство выполнять в ходе торжественной трехдневки сменные задания на 200 % и отчислять заработок в фонд обороны родины. Кроме того, они призывали рабочих и ИТР других предприятий следовать патриотическому почину⁶. Здесь вновь видно тождество между понятиями «героический труд» и «двухсотники», на которое должен был ориентироваться рабочий класс.

Инициативу авиастроителей поддержали передовики гражданской индустрии. 31 октября 1941 г. на митинге коллектива машиностроительного завода «Труд» двухсотник Третьяков предложил его участникам включиться в объявленную сталинскую вахту. Собравшиеся одобрили данное мероприятие и обязались удвоить производительность труда⁷. Призыв «Все, как один, встанем на сталинскую вахту» означал, что участие в данной акции являлось нормой для всех. Публикация заметки о митинге в периодической печати демонстрировала конструктивный ответ работников на трудовую героину, посвященную празднованию Великого Октября.

Кульминацией кампании по активизации движения двухсотников стала публичная реакция на доклад И.В. Сталина, который прозвучал 6 ноября 1941 г. В нем председатель ГКО повторил тезис о важности наращивания выпуска вооружения и боеприпасов⁸. Этот тезис вызвал активный отклик, что нашло отражение в газетных публикациях. В одной из заметок «Советской Сибири» приводилось заявление мастера завода им. В.П. Чкалова Штокмейстера: «В ответ на

⁵ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1075. Л. 237, 239.

⁶ Советская Сибирь. 1941. 30 окт.

⁷ Там же. 1 нояб.

⁸ Доклад Сталина И.В. на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 29.01.2019).

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-190. Оп. 2. Д. 651. Л. 52.

³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 904. Л. 190–192.

⁴ Советская Сибирь. 1941. 9 авг.

призыв товарища Сталина мы дадим не менее полутора – двух норм»⁹. В заметке А. Исааковича отмечалось: «Вчера рабочие “Сибметаллстрой” встали на сталинскую вахту. Речь любимого вождя вдохновила всех наших рабочих на *героический стахановский труд* [курсив мой. – Р.Р.]»¹⁰. По мнению автора, воплощением «героического труда» служило значительное перевыполнение норм выработки. Данный пример свидетельствовал о высокой роли областной печати в распространении культа двухсотников.

На уровне предприятий для достижения этой цели также применялся широкий набор пропагандистских технологий. На заводе им. В.П. Чкалова были проведены три совещания с секретарями парторганизаций цехов, цеховые собрания, собрание двухсотников с обращением ко всем рабочим предприятия. Затем дирекция объявила сталинскую вахту, в которую включились шесть бригад с обязательствами выполнять нормы на 200 %. В справке секретаря заводского партбюро Милова от 14 августа 1941 г. отмечалось, что «основной работой по соцсоревнованию [...] является работа с двухсотниками и превращением его в массовое движение»¹¹. Такая работа должна была носить безупречный характер, поскольку авиазавод выступал инициатором соревнования в масштабах региона.

Однако в действительности между газетным образом передового предприятия и повседневной организацией агитационной деятельности на заводе им. В.П. Чкалова существовал большой разрыв. Согласно записке уполномоченного Новосибирского обкома ВКП(б) Сулова от 19 ноября 1941 г., заводской агитпункт не сумел наладить передачу актуальной информации в рабочую аудиторию. Агитаторы не занимались популяризацией движения двухсотников, пропагандистским сопровождением и обсуждением итогов сталинской вахты. В цехах отсутствовали передвижные библиотеки, стенные газеты, «боевые листки», радиоточки, не хватало газет. Сулов отрицательно оценил состояние агитационно-массовой работы и дал парткому завода следующую рекомендацию: «Лучших героев труда, новаторов производства, поднимать на щит славы не только в цехе, но и в заводе, и среди предприятий города»¹². Появление такой рекомендации среди других ценных предложений свидетельствовало о том, что героизацией двухсотников здесь еще никто не занимался.

На комбинате «Сибметаллстрой», напротив, сложилась благоприятная коммуникативная ситуация. В ходе предоктябрьского соревнования на предприятии развернулась мощная агиткампания по стимулированию стахановского движения. 24 октября 1941 г. на встрече сибметаллстроевцев с фронтовиками двухсотники взяли обязательства по увеличению выпуска оборонной продукции. 5 ноября состоялось общекон-

бинатское торжественное совещание в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, а 6 ноября – собрание рабочей молодежи, подписавшее письмо на имя И.В. Сталина, в котором одобрялся доклад председателя ГКО. 6 и 7 ноября в ответ на его доклад прошли митинги, а затем коллектив комбината принял участие в сталинской вахте. В цехах вывешивались плакаты с изображением вождя, где отмечалась выработка норм каждым рабочим, на витринах, плакатах, панно, портретах изображались лозунги, побуждавшие к труду.

В начале декабря 1941 г. на «Сибметаллстрое» началось соревнование за присвоение предприятия имени И.В. Сталина. На митингах было подписано обращение к председателю ГКО с перечнем производственных обязательств. Агитаторы распространили 2,5 тыс. «боевых листков» о выполнении этих обязательств и 5 тыс. лозунгов, призывавших трудиться так, чтобы комбинату присвоили имя Верховного Главнокомандующего. Наивысшей точки данная кампания достигла в период сталинской вахты 20–21 декабря 1941 г. Двухсотников и трехсотников чествовали именными лозунгами, а на их станках устанавливали красные флажки. После завершения вахты на предприятии была открыта галерея в честь премированных стахановцев¹³. Используемые средства и приемы агитпропа являлись инструментами героизации передовиков производства.

На эвакуированных предприятиях ситуация с организацией пропаганды напоминала картину, сложившуюся на заводе им. В.П. Чкалова. В справке от 26 декабря 1941 г. инструктор новосибирского горкома ВКП(б) Москот сообщал, что на заводах № 69 (им. В.И. Ленина) и № 617 («Луч») агитаторы ограничивались чтитками газет после завершения смены. Доклады и лекции на новых производственных объектах проводились редко. Наглядная агитация сводилась к выпуску «боевых листков», не имевших четкой направленности в плане популяризации стахановского труда¹⁴. Парткомы эвакуированных заводов еще не успели развернуть пропагандистскую работу, поскольку их организационные усилия были сконцентрированы на введении в строй основных мощностей.

Вместе с тем побудительная стратегия СТК находила живой отклик среди персонала действовавших предприятий. С 1 августа по 1 декабря 1941 г. на заводе им. В.П. Чкалова численность рабочих, выполнявших задания от 200 % и выше, выросла со 187 до 1047 чел. Однако передовики составляли лишь узкую прослойку многочисленного заводского коллектива. К 1 ноября 1941 г. в составе «чкаловцев» доля стахановцев и ударников достигла 30,8 %, в том числе двухсотников – 5,1 %, к 1 декабря 1941 г. – соответственно 22,3 и 6,5 %¹⁵. В конце 1941 г. на комбинате «Сибметаллстрой» сдельщиков, вырабатывавших не менее

⁹ Советская Сибирь. 1941. 7 нояб.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1107. Л. 14.

¹² Там же. Д. 1078. Л. 127.

¹³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1078. Л. 182–188.

¹⁴ Там же. Л. 130–131.

¹⁵ Там же. Д. 1107. Л. 23.

двух норм, насчитывалось от 7,0 до 7,7 %¹⁶. В это время в Новосибирске насчитывалось 3,8 тыс. двухсотников и трехсотников [8, с. 278], но они составляли небольшую долю работников оборонной индустрии.

В чем же заключались причины низкого удельного веса «героев трудового фронта»? Ответ на этот вопрос позволяет дать содержание документа «К пленуму горкома. Материал по заводу 153». Согласно ему, за 5 мес. войны производственные площади, станочный парк и рабочая сила завода им. В.П. Чкалова увеличились более чем в 2 раза. Выполнение месячной программы по ряду цехов составляло от 136 до 175 %. Однако план по выпуску самолетов в августе 1941 г. был выполнен на 32,8 %, сентябре – 33,9, октябре – 61,2, ноябре – 42,0 %¹⁷. Функционирование предприятия затрудняли неудовлетворительная организация технологических процессов, слабая оснащенность рабочих мест инструментом, простои оборудования из-за его медленного ремонта, недопоставки сырья, перебои с электроснабжением, острая нехватка компетентного и дисциплинированного персонала. На этом фоне «высокая» производительность труда достигалась в связи с установлением норм выработки с учетом низкой квалификации работников. Заниженные нормы привели к подъему движения двухсотников, но не создали условий для культурно-технического роста новых кадров. В конце 1941 – начале 1942 г. на предприятиях Новосибирска значительная часть рабочих не выполняла задания из-за отсутствия профессионального опыта и сложных условий труда.

Неэффективную организацию трудовой деятельности в военной индустрии критиковали не только партийные функционеры, но и сами трудящиеся. В январе 1942 г. комбинат «Сибметаллстрой» посетила группа инженеров. По итогам его проверки инженер завода им. В.П. Чкалова Беляков составил докладную записку для обкома партии. В ней отмечались жалобы молодых станочниц на отсутствие обучения, производственных нарядов, деталей для обработки, на простои и безделье в рабочее время. В их настроениях присутствовало стремление освоить профессию, трудиться для нужд фронта, участвовать в реализации стахановских починов. «Абсолютное большинство рабочих заявляет, что при обеспечении деталями и инструментом нормы будут перевыполнены»¹⁸, – сообщалось в разделе записки «Беседы с рабочими и ИТР завода № 1». Этот вывод отражал наличие у новых работников мотивации к стахановскому труду. Некоторое влияние на ее формирование оказали агиткампании по развертыванию движения двухсотников.

26 января 1942 г. в Новосибирске состоялось общегородское собрание передовиков производства, ставшее первым итоговым рубежом в соцсоревновании военного времени. На собрании 80 рабочих за отличное выполнение гособоронзаказа получили ордена

и медали. После процедуры награждения и речи секретаря горкома ВКП(б) И.Д. Яковлева было принято обращение к трудящимся города. Орденосцы и медалисты взяли обязательство выполнить двухмесячное производственное задание ко дню РККА и Красного Флота¹⁹. На этой основе началось соревнование в честь 24-й годовщины Красной армии. К нему подключились введенные в строй эвакуированные предприятия. В январе 1942 г. на заводе № 617 насчитывалось 22 стахановца, включая 13 двухсотников и многосотников, в феврале – соответственно 45 и 21²⁰.

Поздравление новых героев труда произошло на торжественном заседании новосибирской общественности (22 февраля 1942 г.), приуроченном к грядущему празднику. Перед собравшимися выступили бригадный комиссар Кузьмин и мастер Хализов. Последний в своем выступлении назвал «лучшие имена *гвардейцев трудового фронта*» (курсив мой. – Р.Р.), как только что перед ним докладчик называл имена сибиряков – гвардейцев боевого фронта»²¹. В данном случае героизация тружеников тыла осуществлялась путем их отождествления с фронтовиками через использование термина «гвардейцы».

Еще одной вехой соревнования стали комсомольско-молодежные бригады, завоевавшие звания «фронтных». Этот новый этап в развитии побудительной коммуникации начался с появлением тысячников на комбинате «Сибметаллстрой» в середине марта 1942 г. С этого времени в центре пропаганды вместо двухсотников оказались стахановцы, вырабатывавшие не менее десяти норм за счет внедрения рационализаторских предложений. Кампания по пропагандистскому сопровождению движения тысячников отличалась большей интенсивностью, чем предыдущая, что обусловливалось иллюзорными надеждами высшего руководства СССР на разгром немецких оккупантов в 1942 г. По существу, речь шла об изменении характера и динамики коммуникативной ситуации в контексте преждевременной попытки «верхов» перейти от оборонительной к наступательной войне.

Таким образом, в первые месяцы Великой Отечественной войны в публичном пространстве Новосибирска произошло становление коммуникативной стратегии, направленной на побуждение рабочих оборонной промышленности к труду. Ее движущей «пружиной» являлось создание героического культа вокруг стахановцев, выполнявших задания на 200 % и более.

В таком крупном военно-промышленном центре сибирского тыла, как Новосибирск, этот процесс осуществлялся посредством вербальной и образно-символической пропаганды, действовавшей на макро-, мезо и микроуровнях. На макроуровне Новосибирск был включен в советское информационное пространство, где роль главного коммуникатора играл И.В. Сталин, публично выступавший 3 июля и 6 ноября 1941 г.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1106. Л. 185.

¹⁷ Там же. Д. 1107. Л. 59, 61.

¹⁸ Там же. Д. 1106. Л. 9.

¹⁹ Советская Сибирь. 1942. 27 янв.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

²¹ Советская Сибирь. 1942. 23 февр.

Июльский призыв вождя к обеспечению фронта вооружением и боеприпасами послужил «кумулятивным зарядом» для движения двухсотников, поддержанного Коммунистической партией с помощью организации агиткампаний в тыловых городах и регионах. На мезоуровне (Новосибирск) их проведение осуществлялось в основном в форме письменных обращений передовиков отдельных заводов ко всем занятым горожанам и жителям области, а также через публикации в областной печати, прямо или косвенно касавшиеся стахановского движения, через устные доклады местных партийных руководителей, выступления передовой рабочей общественности на общегородских мероприятиях. На микроуровне (предприятия) данная задача решалась за счет публичных речей на общезаводских или цеховых митингах, собраниях и совещаниях, средств наглядной агитации. В целом каналы социально-трудовой коммуникации побудительного типа позволяли местной власти транслировать военно-патриотические ценности в рабочий класс.

Одним из направлений этой трансляции была тема героического труда, которая в июне 1941 – марте 1942 г. отождествлялась с выполнением двух и более норм выработки. Несмотря на локальные сбои в агитационном сопровождении стахановских починов, официальная пропаганда создала условия для усиления трудовой мотивации новосибирцев и роста численности стахановцев военного времени на действующих предприятиях. Но из-за организационно-технических издержек оборонного производства передовики оставались очень тонким слоем в рабочей массе. Вместе с тем, заинтересованность в перевыполнении норм, сформировавшаяся в том числе и под влиянием героизации двухсотников, создавала позитивные перспективы для развития патриотически ориентированного соревнования как одной из коммуникативных стратегий в начальный период Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 525 с.

2. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.

3. Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

4. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: Ин-т российской истории РАН, 2004. С. 74–99.

5. Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2008. 234 с.

6. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 176 с.

7. Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кузбасс, 2004. 218 с.

8. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 448 с.

REFERENCES

1. Mitrofanova A.V. Working class of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow, Nauka, 1971. 525 p. (In Russ.)

2. Alekseev V.V. (ed.) The Working class of Siberia in the period of consolidation and development of socialism. Novosibirsk, Nauka, 1984, 376 p. (In Russ.)

3. Knyshvsky P.N. The State Defense Committee: methods of mobilization. *Voprosy istorii*, 1994, no. 2, pp. 53–65. (In Russ.)

4. Sokolov A.K. Forced labor in the Soviet industry and its crisis (late 1930s – mid 1950s). *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2003. Moscow, 2004, pp. 74–99. (In Russ.)

5. Somov V.A. Because there was a war ... non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945). Nizhny Novgorod, Izd-vo Volg.-Vyat. akad. gos. sluzhby, 2008, 234 p. (In Russ.)

6. Somov V.A. The first Soviet generation: testing by war. Moscow, AIRO-XXI, 2015, 176 p. (In Russ.)

7. Shuranov N.P. Creation of the defense industry in West Siberia during the Great Patriotic War. Kemerovo, Kuzbass, 2004, 218 p. (In Russ.)

8. Savitskiy I.M. The most important arsenal of Siberia: developing the defense industry in Novosibirsk region during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 448 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.03.2019

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20190218
УДК 94(470.5+571.1)"1956/1991"

А.А. КОНОВ

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ЛИНИЙ НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1956–1991 гг.

Уральский государственный университет путей сообщения,
РФ, 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

В статье раскрываются основные цели и этапы строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири: транспортное освоение целинных и залежных земель Южного Урала и Северного Казахстана; формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса; освоение нефтяных и газовых месторождений Ямала. Исследованы новые технологии транспортного строительства, нашедшие широкое применение в суровых природно-климатических условиях Урала и Западной Сибири. Сделан вывод о бесперспективности применения поэтапных методов строительства и обходов барьерных участков на новых линиях. Отмечены недостаточные темпы и масштабы развития железнодорожной сети Урала и Сибири в связи с сокращением капиталовложений на эти цели и слабостью производственно-технической базы трестов Министерства транспортного строительства. Новые железнодорожные линии носили пионерный по своему экономическому значению и методам строительства характер.

Ключевые слова: железнодорожная линия, строительство, целинные земли, нефтяные и газовые месторождения, освоение территории, Урал, Западная Сибирь.

A.A. KONOV

CONSTRUCTION OF NEW RAILWAYS IN THE URALS AND WEST SIBERIA IN 1956–1991

Ural State University of Railway Transport,
66 Kolmogorova str., Ekaterinburg, 620034, Russian Federation

The article objective is to investigate preconditions and stages of new railway construction in the Urals and West Siberia; to identify modernization processes in transport construction, and to establish reasons for low rates of the regional railway network development. The author concentrates his attention on the problems of material-technical provision and scientific support of new railway construction in the regions of virgin lands development in South Ural, Kazakhstan and West Siberian oil-gas province.

The study deals with the documents of the Ministry of Railways' Scientific and Technical Council and the correspondence of the CPSU's Tyumen Regional Committee on Transport Construction in the northern Tyumen Region. The research methodology is the modernization theory applied to railway transportation as a fundamental technical and economic transport renewal based on electrification, diesel traction and new lines construction. New railway construction is a separate field of transportation modernization associated with increasing the railway network length, rationalizing transportation processes, developing new territories and natural raw materials, forming additional lines between the country regions. The

Алексей Александрович Конов – канд. ист. наук, доцент, Уральский государственный университет путей сообщения, докторант, Институт истории и археологии УрО РАН, e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Aleksey A. Konov – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Ural State University of Railway Transport, doctoral student of the Institute of History and Archeology of the Russian Academy of Sciences.

complexity of the construction conditions, weak territorial development, lack of local building materials caused a powerful rise of scientific research and new construction technologies' elaboration. As a result, the railway network was created at a zero level of the territory development, and without the international experience of railroad construction under severe conditions. At the same time, the Ural and West Siberian railway network was not developed to the extent necessary to optimize the transportation process due to material and financial resources concentration on the drastic technical reconstruction of the existing railway network.

Key words: new railways, virgin lands, West Siberian oil-gas complex, cargo flows, Urals.

Россия вступила в XXI в. в качестве одного из крупнейших участников мирового энергетического рынка, индустриальной державы, способной к самостоятельному продвижению и конкуренции на внешних рынках. Такие позиции были достигнуты государством во многом благодаря открытым в прошлом веке уникальным месторождениям нефти и газа в северных районах Тюменской области, на п-ове Ямал и в акваториях морей Северного Ледовитого океана. В связи с этим огромное значение и повышенный научный интерес приобретает в последние годы исторический опыт проектирования и развития транспортных систем, связанных с освоением отдаленных районов со сложными природно-климатическими и инженерно-геологическими условиями, негативно влияющими на качество жизни человека.

Строительство новых железнодорожных линий рассматривается нами как одно из направлений модернизации железнодорожного транспорта, связанное с увеличением протяженности железнодорожной сети, рационализацией перевозочного процесса, освоением новых территорий, источников природного сырья, усилением транспортных связей между районами страны.

Научная литература по истории транспортного строительства на Урале и в восточных районах СССР весьма обширна. Сибирские исследователи В.А. Ламин, В.Ю. Пленкин и В.Я. Ткаченко в фундаментальной монографии «Глобальный трек» [1] впервые отметили недостаточные темпы и масштабы развития железнодорожной сети в восточных районах СССР, что было связано со слабостью проектно-изыскательского дела в стране и концентрацией основных капиталовложений на реконструкции действующей железнодорожной сети. Исследователи дали отрицательную оценку скоростным методам строительства железнодорожных линий в районах пионерного промышленного освоения, в основу которых были положены заниженные нормативы безопасности, низкое качество строительства и максимальное приближение профиля и плана линий к рельефу местности [1, с. 91].

Полярную точку зрения о скоростных методах строительства железных дорог на Урале и в Сибири обосновал в своих работах военный инженер, участник строительства линии Тюмень – Тобольск – Сургут А.И. Белозеров [2]. Преимущества скоростных методов строительства он увидел в том, что они ускорили перевозку грузов «для нефтяников и газовиков» Тюменского Севера, сократили сроки строительства линии Тюмень – Сургут на три года, позволили развернуть работы широким фронтом и значительно улучшили доставку строительных материалов и конструкций на головные участки магистрали [2, с. 555–557].

Кемеровский исследователь С.Е. Мишенин основное внимание уделил недостаткам в транспортном строительстве в Западной Сибири: нарушениям технических норм строи-

тельства, срывам плановых заданий по вводу объектов в эксплуатацию, различным недоделкам в процессе строительства [3]. Вместе с тем вне поля зрения автора остался огромный объем научно-исследовательских работ, проведенных советскими учеными и инженерами в процессе проектирования и строительства новых линий.

Таким образом, история строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири остается еще недостаточно изученной. Отсутствует анализ социально-экономических последствий строительства новых железных дорог в необжитых, малоосвоенных районах, не выявлены глубокие, системные причины кризиса транспортной системы регионов в конце XX в.

Цель статьи – выявить предпосылки и обозначить этапы строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири, раскрыть их огромное значение для социально-экономического развития восточных районов СССР, охарактеризовать научный потенциал, нарабатанный советскими учеными и инженерами в процессе проектирования и строительства новых линий, установить причины низких темпов развития железнодорожной сети Урала и Сибири.

Урал всегда занимал важное место в государственных программах и планах транспортного строительства в Российской империи, а затем и в СССР. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) значительную роль сыграл фактор эвакуации на Урал и в Сибирь из Европейской России населения, промышленных предприятий, научных организаций, учреждений культуры. Рост численности населения в Свердловской и Челябинской области, увеличение количества предприятий оборонного комплекса требовали развитой железнодорожной сети [4, с. 51].

В 1950–1960-е гг. Уральский промышленный район оказался в фокусе трех перспективнейших топливно-энергетических комплексов мирового значения: Западной Сибири (включая шельф Карского моря); Тимано-Печорской провинции и шельфа Баренцева моря; Каспийского региона и Западного Казахстана. В освоении всех этих регионов уральскому промышленному комплексу и железнодорожному транспорту принадлежала приоритетная роль в силу территориальной близости и накопленного опыта [5, с. 76].

Можно выделить четыре основные цели строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 гг. Во-первых, это усиление транзитных связей Центра с промышленными районами Сибири и обеспечение подходов к целинным и залежным землям Южного Урала и Казахстана, Красноярского края, Новосибирской и Омской областей. Во-вторых, транспортное освоение вводимых в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых, энергетических и других природных ресурсов. Это линии, проложенные к горе Магнитной,

медным месторождениям Сибая, марганцевым рудникам (поселок Полуночное), угольным месторождениям, нефтеносным площадям Предуралья, лесным ресурсам Северного Урала. В-третьих, обрабатывающая промышленность Урала характеризовалась сильной зависимостью от привозного минерального сырья. Поставки минерального сырья на Урал осуществлялись из Казахстана (железородное сырье и энергетический уголь), Белгородской и Курской областей (железородное сырье), Кемеровской области (коксующийся уголь). Расстояния перевозок сырьевых грузов на Урал достигали от 2000 до 3000 км, что существенно влияло на себестоимость продукции. Для освоения железорудных месторождений Северного Урала, установления связей с более близкими источниками энергетического сырья необходимы были новые железные дороги [5, с. 88]. В-четвертых, строительство новых железнодорожных линий в Тюменской области требовалось для освоения месторождений нефти и газа и создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [6].

На первом этапе (1956–1966 гг.) велось строительство новых линий, связавших с сетью железных дорог целинные и залежные земли Казахстана, Сибири и Урала; кроме того,

были построены железнодорожные линии для освоения лесных богатств Северного Урала и Западной Сибири. Формировались также крупнейшие широтные магистрали, предназначенные для разгрузки Транссиба и индустриального развития Казахстана и Южного Урала.

На втором этапе (1966–1985 гг.) были построены железные дороги к нефтяным и газовым месторождениям Западной Сибири: Тюмень – Тобольск – Сургут, Сургут – Уренгой и Сургут – Нижневартовск.

На третьем этапе (1986–1991 гг.) строительство новых железнодорожных линий сместилось на Север Тюменской области в связи с открытием новых месторождений нефти и газа на п-ове Ямал, в Ямбурге, Новом Уренгое и Надыме (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что основной объем нового железнодорожного строительства на Урале был выполнен во второй половине 1960-х – 1970-е гг. и связан с освоением нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Со второй половины 1980-х гг. темпы ввода в эксплуатацию новых железнодорожных линий начинают снижаться в связи с сокращением финансирования транспортных новостроек Севера Сибири и усложнением условий строительства. Из приведен-

Т а б л и ц а 1

Этапы строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 гг.*

Хронологические рамки	Строительство и ввод железнодорожных магистралей	Цель
I этап: 1956–1966 гг.	Кизел – Пермь, 162 км	Улучшение обслуживания Кизеловского и Березниковско-Соликамского промышленных районов
	Подход к плотине Камской ГЭС, 22 км	Развитие гидроэнергетического потенциала Урала
	Богданович – Каменск-Уральский, 21 км	Усиление связей между Южным и Северным Уралом
	Першино – Конда, 219 км; Конда – Сергино, 152 км; Тавда – Устье-Аха, 185 км; Верхнекондинская – Агириш, 73 км	Освоение лесных богатств Северного Урала и Западной Сибири, первые подходы к нефтяным и газовым месторождениям Приобья
Всего:	834 км	
II этап 1966–1985 гг.	Тюмень – Тобольск – Сургут, 700 км	Освоение нефтяных месторождений Сургута
	Сургут – Уренгой, 385 км	Связь с газовыми месторождениями Медвежье, Уренгойское, Холмогорское
	Сургут – Нижневартовск, 216 км	Связь с нефтяными месторождениями Самотлора
Всего:	1301 км	
III этап 1986–1991 гг.	Пурпе – Сывдарма, 111 км; Пур – Коротчаево, 82 км	Обустройство газовых месторождений Ямала (Бованенковское и Харасавэйское)
	Решеты – Арамилы, 66 км	Южный обход Свердловского узла с целью его разгрузки
	Гороблагодатская – Азиатская, 7 км	Улучшение обслуживания Качканарского горно-обогатительного комбината
Всего:	266 км	
Итого:	2401 км	

*Составлено по: [7, с. 602–608].

ных данных следует, что Урал стал основной транспортной базой освоения Западно-Сибирского нефтегазозосного района в силу близости к Западной Сибири и огромного опыта строительства новых линий в сложных природно-климатических условиях.

Новая железнодорожная сеть, созданная на целинных и залежных землях, оказала огромное влияние на развитие всей транспортной системы Урала и Сибири, ускорила индустриальное развитие северных областей Казахстана. В 1960-е гг. на территории Целинного края началось создание новой железнодорожной базы урало-сибирской металлургии: были построены Соколовско-Сарбайский, Лисаковский и Качарский горно-обогатительные комбинаты суммарной мощностью 83 млн т в год, усилилась разработка Экибастузского угольного бассейна. Новые линии Кокчетав – Володарское (112 км) и Кустанай – Урицкое (142 км) стали важными звеньями Среднесибирской магистрали [8, с. 178–179].

Вместе с тем с середины 1960-х гг. на железных дорогах в восточных районах СССР постепенно стало усиливаться напряжение: увеличивалась грузонапряженность, причем концентрация перевозочного процесса касалась относительно небольшой части сети. В 1960-е гг. в наибольшей степени были загружены широтные магистрали, связывающие Сибирь – Урал – Поволжье – Центр, особенно страдала Транссибирская магистраль, а также меридиональные линии, связывавшие Сибирь со Средней Азией [8, с. 359].

В 1960-е гг. на Урале и в Западной Сибири практически не строились новые железнодорожные линии, что позволило бы разгрузить интенсивно работавшие направления и оптимизировать маршруты следования массовых грузовых

и пассажирских потоков. Многие новые железнодорожные линии были тупиковыми и предназначались для освоения новых районов с целью вовлечения в эксплуатацию природных ресурсов. Все они примыкали отдельными ветвями к действующей железнодорожной сети и усиливали ее нагрузку [8, с. 429].

Проблема нового железнодорожного строительства приобрела особое значение для советской экономики в 1960-е гг. в связи с созданием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и заселением малообжитых северных территорий Тюменской области, строительством новых городов. Модернизация советской экономики требовала перевода промышленности на новые виды энергоресурсов, а низкий уровень развития фондов потребления населения приводил к необходимости экспортировать энергоресурсы за границу для закупки отсутствующих товаров и продовольствия.

Сложные природно-климатические и гидрологические условия, сплошная заболоченность территории, отсутствие пригодных для строительства грунтов потребовали применения новых технологий строительства и проведения комплекса научных исследований, направленных на сокращение стоимости строительства и ускорение темпов сооружения железных дорог (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что строительство новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири сопровождалось интенсивными модернизационными процессами, проявившимися в использовании новых строительных технологий, материалов, техники и проведении большого объема научных исследований и наблюдений. Большая часть научных исследований и конструкторских разработок была реализована на строительстве новых железнодорожных ли-

Т а б л и ц а 2

Новые технологии строительства железных дорог на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 гг.*

Железнодорожные линии	Период строительства	Применявшиеся технологии строительства
Утяк – Пески-Целинные; Урицкое – Пески; Пески – Володарское; Курган – Пески	1956–1965 гг.	Использование высокопроизводительных сваебойных агрегатов, тракторных путеукладчиков, балластировочных машин
Ивдель – Обь	1959–1967 гг.	Организация строительных работ на болотах в зимний период времени. Испытание новых образцов строительной техники: полуавтоматической звеносборочной линии, путеукладчиков
Тюмень – Тобольск – Сургут	1967–1974 гг.	Строительство широким фронтом с использованием многолучевой схемы укладки пути. Гидромеханизированное производство земляных работ. Применение металлических водопропускных труб из гофрированной стали. Строительство свайно-эстакадных мостов. Использование при строительстве мостов новейшей крановой техники: маневренных плавучих кранов, сборно-разборных консольных кранов, кранов-копров
Тобольск – Юганская Обь; Сургут – Нижнеуртовск; Сургут – Холмогорское месторождение; Холмогоры – Уренгой	1974–1991 гг.	Строительство земляного полотна на вечномерзлых грунтах, использование мерзлых грунтов в сооружениях. Разработка методов регулирования теплового режима грунтов

* Составлено по: [9, с. 268–274].

ний в северных районах Тюменской области, где условия были наиболее суровыми, территория практически неосвоенной, кроме того, отсутствовал мировой опыт проведения такого рода работ. Перечень новых типов искусственных сооружений, применявшейся строительной техники свидетельствует, что в условиях Западной Сибири поэтапные методы строительства барьерных участков, их обходы оказались бесперспективными.

К началу 1980-х гг. резко возросла нагрузка Транссибирской магистрали угольными грузами из Канско-Ачинского, Кузнецкого и Экибастузского угольных бассейнов, перестали справляться с грузowymi и пассажирскими перевозками направления Пермь – Кунгур и Свердловск – Казань. Требовалось срочное увеличение пропускной способности транспортных коммуникаций между Уралом и Сибирью за счет строительства новых разгружающих железнодорожных линий [10, с. 314].

С этой целью предусматривалось сооружение в восточных районах СССР 8 тыс. км разгружающих железнодорожных линий, в том числе 3,7 тыс. км в 1981–1985 гг. и 4,3 тыс. км в 1986–1990 гг. (потребность составляла 20 тыс. км). Создавался новый широтный ход в сообщении Восточной Сибири с западными районами страны, включавший действующие участки Средне-Сибирской магистрали и строившиеся линии Ново-Урицкое – Кустанай и Погромное – Пугачевск. Новая магистраль планировалась двухпутной, электрифицированной, с термически упрочненными тяжелыми типами рельсов Р-75 на асбестовом балласте [10, с. 429–430].

Для разгрузки пермского направления и участка Свердловск – Кунгур, а также с целью улучшения обслуживания предприятий «Уралкалий» создавалось новое широтное направление в обход Свердловского узла: Тюмень – Алапаевск – Смычка – Кунгур – Пибаньшур – Котельнич. Предусматривалось строительство обходов крупных железнодорожных узлов: Красноярского, Омского, Оренбургского, Курганского [10, с. 430].

Намеченные планы не были реализованы. Недостаток железнодорожной сети вел к быстрому росту грузонапряженности на железных дорогах Урала и Сибири и снижению скоростей движения поездов: с 1968 г. средняя участковая скорость грузовых поездов перестала увеличиваться, а с 1974 г. она снижалась, достигнув в 1980 г. показателя в 30,6 км/ч [10, с. 531].

На основании сказанного можно выделить следующие причины недостаточного развития железнодорожной сети на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 гг. Во-первых, предусмотренные пятилетними планами объемы капитальных вложений в годовых планах были значительно сокращены. В еще больших размерах были снижены в годовых планах объемы строительно-монтажных работ. Во-вторых, объемы железнодорожного строительства, широкий фронт организации строительных работ не соответствовали мощностям строительных подразделений Министерства транспортного строительства. Недостаток техники и нехватка рабочей силы замедляли темпы строительства новых линий, влияли на снижение качества строительных работ. Дорожные строительные тресты не справлялись с поставленными перед ними задачами, что требовало привлечения строительных трестов промышленных предприятий и железнодорожных

войск. В-третьих, в 1988–1991 гг. железнодорожный транспорт Урала и Западной Сибири понес огромные расходы в связи с удорожанием материально-технических ресурсов, электроэнергии и введением коммерческого курса рубля при сохранении фиксированных тарифов на перевозки. В связи с прекращением поступления финансовых средств от республик в союзный бюджет и фонд стабилизации экономики Министерство финансов СССР оказалось не в состоянии обеспечить финансирование важнейших новостроек Министерства путей сообщения [10, с. 730–733].

Итак, строительство новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири носило модернизационный характер: впервые была создана железнодорожная сеть в тех районах, где она ранее отсутствовала. Новые железнодорожные линии обеспечили доступ к источникам дефицитного природного сырья, сельскохозяйственным районам, способствовали созданию новой угольно-рудной базы в Казахстане.

Исторический опыт показывает, что строительство новых железнодорожных линий является важной частью модернизационной политики, одним из направлений, требующих глубоких сдвигов в развитии действующей железнодорожной сети, технического перевооружения большого количества предприятий. Игнорирование проблем развития железнодорожной сети в СССР тормозило экономическое развитие страны и усиливало дезинтеграционные процессы в государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Каченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 198 с.
2. Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: Люди, факты, события. Методы строительства сложных участков / авт.-сост. А. И. Белозеров. Новосибирск: СГУПС, 2007. 684 с.
3. Мишенин С.Е. Эффекты и парадоксы хозяйственного механизма организации строительства железных дорог в Западной Сибири в 1965–1991 гг. // Известия Алт. гос. ун-та. 2009. № 4(64). С. 165–171.
4. Корнилов Г.Е., Исупов В.А. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 51.
5. Петров М.Б. Региональная транспортная система: концепция исследования и модели организации. Екатеринбург: УрГУПС, 2003. 187 с.
6. Авимская М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (середина 1960-х–середина 1980-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 23 с.
7. История железнодорожного транспорта Советского Союза. М.: Моск. гос. ун-т путей сообщения, 2004. Т. 3: 1945–1991 гг. 631 с.
8. Железнодорожный транспорт СССР 1956–1970 гг.: сб. док. М.: «ЭГРА», 1998. 552 с.
9. Лукьянин В.П. Больше века на службе России. Екатеринбург: СВ-96, 1998. 350 с.
10. Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 гг.: сб. док. М.: МПС РФ, 2003. 800 с.

REFERENCES

1. Lamin V.A., Plenkin V.Yu. The global track: developing the transport system in the East of the country. Ekaterinburg, UrO RAN, 1999, 198 p. (In Russ.)

2. *Belozеров А.И.* The West Siberian railway meridian: persons, facts, events. Building techniques of the complex railway sites. Novosibirsk, SSURT, 2007, 684 p. (In Russ.)
3. *Mishenin S.E.* The effects and paradoxes of the economic mechanism of organizing railway construction in West Siberia in 1965–1991. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4, pp. 165–171. (In Russ.)
4. *Kornilov G.E., Isupov V.A.* The population number of Russia during the Second World War (1939–1945). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2017, no. 4, p. 46–53. (In Russ.)
5. *Petrov M.B.* The regional transport system: the concept of investigation and organizing models. Ekaterinburg, USURT, 2003, 187 p. (In Russ.)
6. *Avimskaya M.A.* Constructing the railway line Surgut–Nizhnevartovsk–Urengoy and its social and cultural infrastructure (mid 1960s – mid 80s): diss. abstr. Surgut, 2006, 23 p. (In Russ.)
7. *Kuz'mich V.D., Levin B.A., Fadeev G.M. (eds.)* The USSR railway transport history. Moscow, Akademkniga, 2004, vol. 3: 1945–1991, 630 p. (In Russ.)
8. *Aksenenko N.E. (ed.)* The USSR railway transport. 1956–1970: documents. Moscow, Egra, 1998, 550 p. (In Russ.)
9. *Luk'yanin V.P.* More than a century in the service for Russia. Ekaterinburg, SV-96, 1998, 350 p. (In Russ.)
10. *Khlustov M.I. (ed.)* The USSR railway transport. 1971–1991: documents. Moscow, 2003, 800 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.03.2019

DOI: 10.15372/HSS20190219
УДК 930.25 + 93/94

Е.А. ВОРОНЦОВА

«РОССИЙСКАЯ АРХИВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
РФ, 121069, г. Москва, Трубниковский пер., 17

В статье представлена идея создания «Российской архивной энциклопедии», возникшая у автора во время работы над проектом «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки». Дана характеристика необходимых и достаточных условий для создания энциклопедий: научного знания определенного уровня и его носителей – исследователей и тех, кто профессионально делает энциклопедии; системы управления, способной решать организационные и материально-технические задачи и обеспечивать финансирование. Обоснованы полезность архивной энциклопедии для научного сообщества и социума, преимущества междисциплинарного подхода, нацеленность на актуализацию документального наследия. Определены территориальные и хронологические рамки энциклопедии, тематическая структура.

Ключевые слова: историческая наука, архивоведение, междисциплинарность, научные центры, российская энциклопедическая школа, проектная деятельность, архивная энциклопедия, историческая память, актуализация документального наследия, информационное обеспечение.

E. A. VORONTSOVA

“RUSSIAN ARCHIVAL ENCYCLOPEDIA”: FORMULATION OF A PROBLEM

V. I. Dal' State Museum of the Russian Literature History,
17, Trubnikovsky lane, Moscow, 121069, Russian Federation

The article objective is to present the idea of creating “Russian Archival Encyclopedia”, which arose during work on the collection “The role of archives in information support of historical science” (Moscow, 2017, published as a part of the project “The role of museums – libraries – archives in information support of historical science”). The author describes necessary and sufficient conditions for its creation: the presence of scientific knowledge of a certain level and its carriers – researchers and specialists in the encyclopedic affair field; management systems capable to solve organizational and logistical tasks and provide financing. The paper substantiates usefulness of the archival encyclopedia for the society: it still characterizes the measure and degree of conventionalism and satisfies the need for reference information resources. The author shows advantages of an interdisciplinary approach. Working on an archival encyclopedia allows correcting our knowledge on the archive, if its creators would follow an encyclopedic canon; collect verified information about the totality of facts reflecting the chosen object objectively; implement the aim of actualization of the documentary heritage in its entirety and diversity related to the texts of culture, the cultural context of our and previous eras, public administration; present individual archives and the archive as an institution of historical memory in evolutionary development. The author determines territorial (Russia) and chronological (the whole protoarchives and archives history) frames and main blocks (sections) of the encyclopedia topic structure: articles on archives and their types, history and organization of archival affairs, biographical sketches. According to author’s opinion, the archival encyclopedia should help to advance significantly in studying the archive and understanding the history of Russia, provide materials to monitor the situation in this sphere and elaborate strategies for its development by the authorities.

Key words: historical science, archival science, interdisciplinary scientific centre, Russian school of encyclopedia, project activity, archival encyclopedia, historical memory, documentary heritage actualization, providing information.

Мысль о создании «Российской архивной энциклопедии» возникла у автора статьи при подготовке к печати соответствующего сборника [1] серии «Роль музеев – библио-

тек – архивов в информационном обеспечении исторической науки» (реализую проект как независимый исследователь в сотрудничестве с научными обществами, институтами си-

Евгения Александровна Воронцова – канд. ист. наук, заведующая сектором, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, e-mail: eworonzowa@mail.ru.

Eugenia A. Vorontsova – Candidate of Historical Sciences, Head of Sector, V. I. Dal' State Museum of the Russian Literature History.

стемы РАН, вузами, музеями-библиотеками-архивами [2]). Впервые она была озвучена в докладе на конференции «100 лет Государственной архивной службе России: история и современность» (РГГУ, 22.03.2018). Работа над сборником, общение с коллегами-архивоведами показали, что для создания этой энциклопедии есть и необходимые, и достаточные условия.

С одной стороны, изученность архивов и архивного дела в России, а также само состояние науки об архивах (архивоведения) вполне достаточны для их репрезентативного отображения в такой форме, как энциклопедия. Массив традиционных и электронных трудов, статей в имеющихся научно-справочных изданиях, путеводителей по архивам, профильных периодических изданий и интернет-ресурсов (портал «Архивы России», сайты и т. п.) значителен. С другой стороны, подготовка энциклопедий стимулирует научные исследования, постановку вопросов и поиск ответов на них, локализацию «белых пятен» и перевод потенциальной информации источников в актуальную научную информацию.

Исследования в данной области ведутся в ряде крупных научных центров. Это Историко-архивный институт РГГУ, Архив РАН, ВНИИДАД, кафедра источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профильные кафедры других вузов, соответствующие подразделения академических институтов.

Российская энциклопедическая школа имеет давнюю традицию и считается одной из лучших в мире. Сформировав коллектив из соответствующих специалистов и ученых, сформулировав адекватные поставленной цели объективные критерии отбора материала, подобрав компетентных авторов, возможно добиться выполнения создателями архивной энциклопедии ее миссии: разработать качественные концепцию, рубрикатор и словник (алфавитный и тематический список статей), схемы статей; обеспечить написание статей, отображающих весь спектр научных интерпретаций фактов; избежать подстерегающих создателей энциклопедий опасностей. Опасности эти хорошо известны: время (чем дольше готовится энциклопедия, тем выше риск не завершить дело), а также затратность подобных предприятий. Снизить расходы позволяет ведение работы как проектной. Существует опасность и некорректно интерпретировать, исказить информацию, так как при написании статей для энциклопедий по преимуществу используется информация источников не исторических, а историографических (исследований, обзоров и т.п.). А для гуманитарных наук чрезвычайно значима связанная с особой ролью субъекта в них корректность трактовок.

Очень важный фактор – система управления архивами. Она достаточно отлажена в силу доминирования социальной функции: архив как социальный институт в классической форме сложился в тесной связи с государством; под его контролем и надзором регулирует отношения органов власти друг с другом, государства с гражданами, граждан друг с другом; является инструментом самоидентификации наций. Из этого вытекают четко выраженный интерес к архиву со стороны государства (включая весь комплекс мер поддержки с его стороны, в том числе финансирование) и профессиональная

этика, формы самоорганизации сообщества архивистов, объединенного в нашей стране Российским обществом историков-архивистов). Работа по созданию энциклопедии невозможна без объединения усилий управленцев (сотрудников Федеральной архивной службы и ее органов на местах, министерств и ведомств), исследователей (архивоведов, историков, источниковедов, культурологов и др.), педагогов профильных вузов, факультетов и кафедр. Востребован данный фундаментальный ресурс верифицированной информации будет ими же, а также аспирантами, студентами и теми, кто занимается самообразованием, представителями неформальных сообществ по интересам и общественных организаций.

Отмеченные особенности остаются в силе и для информационного общества. Объект отображения архивной энциклопедии (архив) требует междисциплинарности: применения подходов – административно-учрежденческого (архив – учреждение, «обслуживающее» субъектов права разных категорий); институционального (архив – социальный институт); системного (архив – система, структура и инфраструктура которой в процессе развития существенно менялись); информационного (архив – система, предназначенная для хранения, упорядочения и репрезентации информации, а также организации взаимодействия участников информационного процесса с применением соответствующих технологий); целостно-онтологического (архив – синергетическая модель, ее характеристики – самоценность, полезность, непрерывное совокупное познание) [3]; показа сходства и различий архива с музеем и библиотекой, развития этой триады от синкретичного единства через дифференциацию к возможному симбиозу в исторической перспективе (см., напр.: [4; 5]).

Несмотря на натиск информационно-коммуникационных технологий, энциклопедии не перестали быть мерилем конвенционализма, эталонными информационными ресурсами, содержащими апробированные и легитимированные научным сообществом знания. «Сведенная воедино, качественно и количественно репрезентативная, максимально сжатая, жестко упорядоченная, четко структурированная, предельно объективизированная, рассчитанная на длительное бытование информация здесь обретает новые качества, в том числе качество гипертекста, что делает ее чрезвычайно ценной для исследователя. Ее анализ для выявления прорывных направлений и направлений, где прорывов не наблюдается, позволяет подняться на очередную ступеньку в процессе познания прошлого. Поскольку при создании энциклопедий используется вторичная информация, содержащаяся не в первоисточнике, а в обзорах, описаниях, исследованиях, постольку можно сказать, что тут мы имеем дело с саморефлексией исторической науки в квадрате» [6, с. 367–368]. Давая срез научного знания на определенный момент, энциклопедии остаются аутентичными свидетельствами о системе знания, времени их создания. В ситуации роста знаний по экспоненте конкурентоспособность энциклопедий повышает присутствующая им организация информации: максимум репрезентативной, верифицированной информации в минимальном по объему тексте. Сжатие придает информации новое качество; возрастают возможности для передачи культурного опыта, объем фундаментального и прикладного научного знания.

Каким же должен быть алгоритм создания архивной энциклопедии и какой она должна быть в плане содержания?

На наш взгляд, начать следует с традиционного издания (на бумаге). Оно – наша страховка от факторов риска, имеющих место в информационном обществе и оказывающих негативное воздействие на информационный процесс. Следствиями его интенсивности нередко бывают нарастание информационной энтропии (рассеивания информации) и информационный шум (многократное повторение одной и той же информации, часто вне контекста, с ошибками). Информация в сетях из-за гипертекстности редко отвечает требованиям полноты и достоверности. Энциклопедия же, как показано выше, является наилучшей формой для фиксации репрезентативной информации на четко определенный момент. Подстраховавшись традиционным изданием, нужно создать на его основе электронный ресурс, способный развиваться.

Необходимо следовать энциклопедическому канону – собрать безоценочную верифицированную информацию о совокупности фактов, адекватно отображающих наш объект – архивы (принцип объективности). Организовать ее нужно так, чтобы обеспечить эффективную репрезентацию знания и комфортную коммуникацию носителя знания (автора) с познающим субъектом (читателем) при посредстве текста. Это позволит учесть приоритеты и интеллектуальные предпочтения основных адресатов и удовлетворить их потребности в знании, заложит потенциал на перспективу.

В содержательном отношении принципиальное значение имеет установка на максимально полную актуализацию документального наследия в его сопряженности с текстами культуры, культурным контекстом разных эпох, государственным управлением. Для исторической науки особенно значимы: подход к архиву как институту исторической памяти (прошедшему в своем развитии этапы протоархива, собственно архива, постархива), задачи сохранения, упорядочения и использования ее фундамента – исторических источников; соотнесение развития науки о прошлом с развитием архива как собирателя и хранителя носителей информации (документов), предоставляющего их пользователям, в том числе историкам. Следовательно, нужны статьи, позволяющие подступиться к изучению перечисленных процессов; а это позволит рассмотреть архивы «стереоскопически».

При определении территориального охвата следует воспользоваться распространенной практикой: для современного этапа взять Российскую Федерацию, а для предшествующих этапов – СССР, Российскую империю, Московскую Русь и т.д. В плане хронологического охвата предпочтительна максимально возможная глубина, начиная с протоархивных форм (по аналогии с различением этапов историописания и исторической науки). Преимущества «Российской архивной энциклопедии» очевидны: она удовлетворит наиболее важную для нас потребность в научном познании нашей истории и культуры; отечественный опыт нами изучен лучше (мировой опыт можно осветить в обобщающих статьях).

Что касается тематической структуры энциклопедии, то ее ядром должны быть статьи об архивах: обо всех фе-

деральных, а также центральных архивах субъектов РФ; об архивах иных уровней, отобранных на основе системы критериев (старейшие, с крупными фондами, уникальные в каких-то отношениях и т.д.). Архивы (как имеющие, так и не имеющие специальных статей) будут упомянуты и в обобщающих статьях.

Формировать словник энциклопедии в статьях по исторически сложившимся группам, типам и видам архивов, дающих представление об основных этапах их развития и современном состоянии, следует, опираясь на классификации архивов. Я уже отмечала, что этот вопрос слабо привлекал внимание архивоведов и что у них преобладают классификации по двум коррелирующим признакам: принадлежность тем или иным категориям собственников (государственные – подчинены органам государственной власти, муниципальные – подчинены местным органам власти, ведомственные – принадлежат ведомствам и учреждениям, негосударственные, т.е. архивы физических лиц, частных предприятий, учреждений и организаций, а также архивы общественных объединений – политических партий, религиозных организаций и т.д.); связь с определенной территорией (общегосударственные или национальные – в России они подведомственны Федеральному архивному агентству – федеральные архивы; региональные – архивы субъектов РФ, подведомственные органам власти данного уровня, а также имеющие двойное подчинение; местные – это районные и городские). Относительно объектов архивного права (документной информации, документов Архивного фонда РФ) выделяют две группы архивов: хранящих документы Архивного фонда постоянно и хранящих временно.

В рамках институционального и системного подходов возможны иные классификации, не только по названным признакам, но и по другим признакам. Так, по классификации В.А. Подороги, личные, семейные и родовые архивы – это архивы прижизненные (скоординированы с поступками, действиями, мыслями владельцев; встроены в их творческие начинания; вследствие этого не могут быть удалены из биографической истории вплоть до смерти создателей). Исследователь отличает их от посмертных институциональных архивов – феномена «чистой историчности», собраний и хранилищ исторически пассивных следов прошлого [7].

Еще одна классификация – по статусу в иерархии культурных ценностей, определяющей набор прав и обязанностей архива перед обществом и общества перед архивом (наглядный пример такой группы: архивы как особо ценные объекты культуры).

Имеет смысл рассмотреть группы архивов, выделенные по признаку основного направления деятельности (это существенно влияет на критерии отбора архивных документов, комплектование фондов, состав пользователей). Так, научно-исследовательские архивы обслуживают науку, исследователей. Их специфика по сравнению с архивами, обслуживающими социальные потребности общества, понятна.

Группы архивов могут быть выделены по профилю или специализации, т.е. по связи с конкретной отраслью знания, сферой деятельности (в терминах закона – это архивы исторические, некомплектуемые и комплектуемые, спе-

циализированные). Группа исторических архивов представительна; есть архивы научно-технические, литературные, художественные.

Благодаря энциклопедии мы можем получить представление о том, как на структуре профильных групп сказываются разнонаправленные тенденции – как к специализации, так и к интеграции (интегративное движение уже привело к появлению центров, одновременно выполняющих функции архива, библиотеки, музея, выставочного комплекса).

В парадигме исторической памяти значимы мемориальные архивы и гибридные формы (типа музеев-архивов), создаваемые с целью увековечения памяти о выдающихся представителях человечества и о выдающихся событиях в его истории, а также протоархивы (древлехранилища, кабинеты, собрания документов). Протоархивы – явление не только прошлого (эту стадию проходят все архивы), но работа с их создателями (особенно методическая, просветительская) практически не ведется. В изучении этих групп архивоведам и архивистам помощь могут оказать историки и особенно источниковеды [8, с. 87–89]. «По признаку доступности архивы можно подразделить на: публичные (доступные на равных основаниях для любого гражданина и юридического лица), ограниченно публичные (доступные для определенных категорий юридических и физических лиц), доверительные (доступные для доверенных юридических и физических лиц), закрытые или оперативно-текущие (доступные только юридическим лицам и их представителям для выполнения служебных задач)» [5, с. 52]. Наличие в энциклопедии статей о вышеназванных группах, типах, видах повысит репрезентацию ею научного знания.

Важный вопрос – территориальное размещение архивов, архивная сеть страны (ее история, национальная и региональная специфика). Считаю, что в энциклопедии нужен блок обзорных статей по регионам для освещения результатов научного осмысления проблем их культурно-исторического развития.

Нужен в энциклопедии и блок по организации архивного дела – статьи о системе управления архивами на разных этапах истории нашего государства; об общественных организациях, связанных с архивами; об архивоведческих центрах; о подготовке архивных кадров и об архивных профессиях. Состав статей об основных направлениях деятельности архивов понятен, а вот их содержательное наполнение осложняется разрозненностью и огромным объемом оперативной информации.

Сравнительно небольшим по объективным причинам будет блок статей по истории архивного дела (о значимых явлениях и событиях, исторических типах архивов, исчезнувших архивах и т.п.); культурно-историческую составляющую усилит историческое введение в обобщающих статьях и статьях об архивах. Очевидно, будут востребованы читателями статьи о реалиях цифровой эпохи – о применяемых в архивном деле информационных технологиях, об информационных ресурсах (в том числе сетевых).

Необходимы небольшие по объему статьи по терминологии, содержащие устоявшиеся трактовки тех или иных понятий, а по дискуссионным проблемам – изложение различных точек зрения. Благодаря этому энциклопедия внесет вклад в унификацию терминологии и в репре-

зентацию архивоведческого знания среди широкого круга читателей.

Энциклопедия невозможна без биографических статей о людях, значимых для развития архивов и сохранения документального наследия – основателях, руководителях и сотрудниках крупнейших и уникальных архивов; организаторах архивного дела; архивоведах.

Наилучшим принципом организации информации в плане ее поиска читателем нам представляется расположение статей в алфавитном порядке, наличие именного и предметного указателей. Вопросы об объеме издания, наличии иллюстраций обычно решаются уже после составления словника, на его базе.

Какой результат может быть получен в случае реализации данного проекта? Мы будем иметь ресурс, содержащий большой объем качественной информации и отображающий современный нам уровень научного знания об архиве, продвинемся в изучении объекта, имеющего многовековую традицию, и в понимании истории России. Архивная энциклопедия предоставит материал для мониторинга органами управления состояния отрасли и выработки стратегий ее развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. стат. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. 1008 с.
2. Воронцова Е.А. Проект «Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки»: итоги и перспективы // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сб. стат. по материалам науч.-практ. семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. И.В. Зайцев. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 265–276.
3. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 535 с.
4. Соколов А.В. Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сб. стат. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 67–84.
5. Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. М.: Архив РАН, Древлехранилище, 2017. 332 с.
6. Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. материалов Междунар. науч. конф., посв. 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 363–372.
7. Подорога В.А. К философии архива. Заметки // Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 252–266.
8. Воронцова Е.А. Архив как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. стат. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 81–101.

REFERENCES

1. Vorontsova E.A. (comp.), Afiani V.Yu., Petrov Yu.A. (eds.) The role of archives in the information support of historical science: a collection of articles. Moscow, Eterna, 2017, 1008 p. (In Russ.)
2. Vorontsova E.A. Project “The role of the museums – libraries – archives in the information support of historical science”: results and

prospects. *Transformatsii muzeyev – bibliotek – arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoy nauki v informatsionnom obshchestve: sb. st. po materialam nauch.-prakt. seminara, INION RAN, 21 fevr. 2017 g.* Moscow, 2017, pp. 265–276. (In Russ.)

3. *Khorkhordina T.I.* Russian science on archives. History. Theory. People. Moscow, RGGU, 2003, 535 p. (In Russ.)

4. *Sokolov A.V.* The documentation sphere as a space for the synthesis of a museum, library, archive. *Rol' bibliotek v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki.* Moscow, 2016, pp. 67–84. (In Russ.)

5. *Kozlov V.P.* The documentary memory in archival knowledge. Moscow, Arkhiv RAN, Drevlekhranilishche, 2017, 332 p. (In Russ.)

6. *Vorontsova E.A.* Information support of historical science: the problem formulation. *150 let na sluzhbe nauki i prosveshcheniya: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf., 5–6 dek. 2013 g.* Moscow, 2014, pp. 363–372. (In Russ.)

7. *Podoroha V.A.* To the archive philosophy. *Notes. Indeks. Dos'e na tsenzuru,* 2001, no. 14, pp. 252–266. (In Russ.)

8. *Vorontsova E.A.* An archive as a basic element of the information infrastructure of historical science. *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki.* Moscow, 2017, pp. 81–101. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.03.2019

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Рец. на кн.: А.А. Бровина, Л.П. Рощевская, Т.П. Филиппова, С.А. Симакова. Документальные свидетельства об освоении северных территорий России в первой половине XX века. Сыктывкар, 2018. 240 с. 500 экз. (Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО Российской академии наук»).

Актуальность рецензируемого труда обусловлена решаемыми в нем задачами, главная из которых – воссоздать историю освоения северных территорий России в первой половине XX в. на основе документальных свидетельств людей, принявших в этом процессе непосредственное участие.

В коллективной монографии – четыре главы, каждую из них можно рассматривать как самостоятельное исследование. Но они еще более выигрывают от объединения в рамках общей темы, не только дополняя друг друга, но и позволяя проследить общий событийный контекст эпохи.

Во введении монографии представлен обзор изучения истории науки на Европейском Северо-Востоке в 1940-е – 2000-е гг. Выделены этапы, дана их характеристика, по каждому периоду указаны значимые публикации, что не только вводит читателя в «историографическое поле», но и позволяет определить место рецензируемого издания в серии уже состоявшихся публикаций, особенно изданных в 2001–2017 гг.

Следует отметить четкое и доказательное обоснование выбора хронологических рамок работы – первая половина XX в., когда определялись пути дальнейшего развития региона, начались планомерные исследования территории Европейского Севера России.

Рецензируемый труд представляет собой итоговый результат систематической работы сотрудников отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН.

Первая глава монографии «Политические и научно-организационные предпосылки изучения Европейского Севера России в конце XIX – начале XX в.» (автор – А.А. Бровина), казалось бы, выходит за пределы заявленных временных рамок. Но этот выход вполне обоснован. Показаны побудительные мотивы изучения Севера, во многом завязанные на интересах властей знать реальное положение на данной территории, чтобы грамотно решать вопросы налогообложения и использовать богатства северных недр для государственных нужд. Автор доказывает, что к концу XIX в. сформировался устойчивый интерес ученых и правительственных структур к северным территориям, а в начале нового столетия этот интерес оформился в «северное направление» государственной программы изучения производительных сил страны.

Во второй главе коллективного труда «Автономная область Коми в 1933 г.: из наблюдений участников комплексной экспедиции Полярной комиссии АН СССР» (автор –

А.А. Бровина) речь идет уже о советском периоде, вернее, о его небольшом временном интервале. Автор умело преодолевает небольшой хронологический разрыв между главами, указывая на события 1914 г., когда при Академии наук была создана Полярная комиссия с задачами изучения и освоения ресурсов Севера. Поэтому постановления органов советской власти и принятия «северных» программ показаны как органичное продолжение политики императорской России по использованию природных ресурсов Севера, в том числе Коми, на основе нормативных и распорядительных документов центральных органов власти и Политбюро ВКП(б); делопроизводственной документации Полярной комиссии и Совета по изучению производительных сил АН СССР раскрывается работа известной Печорской бригады в 1933 г. под руководством А.И. Толмачева. Дополнительные сведения о ней автор черпает из дневниковых записей члена бригады М.Б. Едемского: маршрутные записи, научно-организационная информация, описание рельефа и природы местности. Анализируются социально-политические оценки М.Б. Едемского, характеристики увиденных им населенных пунктов, где использовался труд заключенных, описание условий жизни населения Коми и подневольных ГУЛАГа. В статье А.А. Бровиной рассматривается дневник М.Б. Едемского как исторический источник, позволяющий познакомиться с новыми фактами из истории Автономной области Коми.

В третьей главе монографии «Освоение Печорского угольного бассейна в 1930–1940-е гг. в воспоминаниях геолога К.В. Флуга» (авторы – Т.П. Филиппова и С.А. Симакова) подтверждается приоритетное место Европейского Северо-Востока в государственной политике индустриального развития СССР. Речь идет об открытии в 1930 г. на территории Печорского угольного бассейна Воркутинского каменноугольного месторождения. Т.П. Филиппова и С.А. Симакова оценивают это событие как знаковое в экономическом развитии всего региона, причем не оставляют без внимания роль исправительно-трудовых лагерей в промышленном освоении северных территорий. В изучении данной темы они совершенно справедливо отдают должное региональным исследованиям ученых в 1990–2000-х гг., отмечая введенные в научных оборот источники – в том числе рукописи, письма и личные документы геолога К.В. Флуга. В этой главе подробно изложена биография К.В. Флуга, освещено его документальное наследие. Особое внимание обращено на воспоминания геолога «Воркута – черный остров ГУЛАГа». Что усиливает интерес к данному источнику? Иной взгляд на лагерную жизнь, расходящийся с известной позицией А.И. Солженицына. Анализируя воспоминания К.В. Флуга, авторы монографии отмечают его восприятие лагеря не только как символа насилия, но и опыта человеческой взаимовыручки, включая случаи проявления гуманности некоторыми надзирателями. Надо признать, что введенный Т.П. Филипповой и С.А. Симаковой в научный оборот ис-

точный и его подробное представление вносит свой вклад в воссоздание объективной истории индустриального развития Европейского Северо-Востока страны, роли ГУЛАГа на этой территории.

В завершающей главе монографии «Документальное наследие А.А. Дедова (1902–1964 гг.)» Л.П. Рощевская знакомит читателя с биографией и научной деятельностью ученого-первопроходца в изучении растительных ресурсов Коми. Подробно анализируя дневниковые записи А.А. Дедова, геоботаника и флориста, сделанные во время его экспедиций, Л.П. Рощевская подчеркивает их значение как полноценного оригинального источника для изучения условий научной работы, особенно в годы Великой Отечественной войны; повседневности гражданского населения; влияния лагерной системы ГУЛАГа на местные условия жизни, транспортно-развития региона.

Несомненной заслугой авторов монографии является акцентирование внимания на ценности документов личного происхождения, позволяющих взглянуть на масштабные исторические события (к ним мы относим и освоение северных территорий) глазами современников ушедшей эпохи. Следует признать весьма удачным их решение поместить в прило-

жении к книге такие источники, как экспедиционный дневник Большеземельской экспедиции Н.А. Кулика, дневники А.А. Дедова, воспоминания геолога К.В. Флуга. Причем названные документы впервые вводятся в научный оборот.

Таким образом, коллективный труд сотрудников отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН дает целостное представление о задачах освоения северных территорий России в первой половине XX в., условиях выполнения этой задачи, научном поиске, каждодневном труде на Севере. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе в рамках дисциплин «Отечественная история (XX век)», «История исторической науки», учебных курсах по истории освоения Арктики. Издание будет также полезно ученым разных специальностей, интересующимся историческим контекстом в изучении современных проблем северных территорий России.

*С.Л. Егорова
канд. ист. наук, доцент кафедры социально-
политических наук и международных отношений
Сыктывкарского государственного университета
им. Питирима Сорокина*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЕКТА «АКАДЕМГОРОДОК 2.0»

Рецензия на кн.: Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и культурно-историческое наследие / Н.Н. Покровский, Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 162 с.

Научно-популярное издание, подготовленное сотрудниками сектора «Музей СО РАН» Института истории СО РАН, является первой работой по истории и современным тенденциям развития новосибирского Академгородка. Книга акцентирует внимание на его статусе как достопримечательного места регионального значения. Научное и культурно-историческое наследие рассматривается с позиций мнемософии (науки о публичной памяти), с учетом результатов исследований авторов в рамках проектов: «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе»; «Социокультурное наследие Сибири: традиции и инновации (вторая половина XX – начало XXI вв.)».

Актуальность издания определяется необходимостью теоретического осмысления исторического опыта и современной социокультурной составляющей первого академического городка в Сибири для формирования концепции перспективного новационного научного топоса «Академгородок 2.0». Издание носит очерковый характер и строится по модульному принципу. Это в дальнейшем позволит осуществить автономное информационное дополнение глав-модулей и использовать каждую из шести глав в социокультурной практике.

В первой главе дается представление о новосибирском Академгородке как феномене регионально-локальной идентичности. Авторы книги анализируют основные положения теории музеолога Т. Шола, его концепцию институтов публичной памяти и «тотального наследия». Они подчеркивают, что деятельность институций, связанная с освоением наследия, является основой для коллективной и личностной идентификации, определения направлений и результатов «нарративов идентичности». В этой связи новосибирский Академгородок определяется как топос с приоритетной научной идентичностью, как пространственно-временной социокультурный феномен с репрезентативным наследием. Соответственно, авторами книги выделены комплексы, маркирующие Академгородок как достопримечательное место, в научно-популярной форме дается описание, анализ, иллюстрация этих комплексов.

Глава вторая «Публичная память о выдающихся ученых» является смысловой доминантой издания, поскольку научно-организационный вклад известных ученых, работавших в ННЦ, Сибирском отделении Российской академии наук, относится к важнейшим объектам коммеморации – культурной памяти и передаче традиций. Авторами книги выделены объекты материального (памятники, мемориальные доски, персональные фонды в музеях) и нематериального (фиксация имен в названиях улиц, институтов, планет,

аудиторий, премий, лесных тропинок) наследия. Формы публичной памяти о выдающихся ученых ранжированы в соответствующих информационных блоках по принципу социокультурной значимости в пространстве достопримечательного места: название проспекта, улицы; памятник; отражение имени в названии института; мемориальная доска (доски); именные аудитории; премии; представленность в книжной серии «Наука Сибири в лицах».

В третьей главе «Проспект академика Лаврентьева» – «самая умная улица мира» (по версии книги рекордов Гиннеса) авторы поясняют, что такое определение проспект получил в связи с максимальной концентрацией исследовательских и конструкторско-технологических институтов. Проспект протяженностью 2,4 км представлен с использованием значительного числа исторических и современных фотографий. Информация о проспекте излагается в контексте метафоры «улица – стержневое русло» – артерия большой науки», в которую вливаются именные улицы и лесные тропинки, что составляет отличительную топонимическую особенность Академгородка. Книга кратко знакомит читателя с институтами СО РАН, находящимися на проспекте М.А. Лаврентьева уже более 60 лет: основное внимание уделяется Институту гидродинамики – первенцу СО РАН, ныне носящему имя его основателя – академика М.А. Лаврентьева.

В четвертой главе «Социокультурные комплексы достопримечательного места» дается развернутое представление о музейном комплексе Академгородка (музейные структуры академических институтов, мемориальные комнаты выдающихся ученых, музеи истории институтов). Его дополняют сведения и иллюстративные материалы мемориально-монументального (памятники, мемориальные доски, памятные знаки) и топонимического (связанные с наукой и ее деятелями топонимы) характера. Авторы книги на примере изучения новосибирского Академгородка формулируют детерминанты научного топоса – достопримечательного места; среди них: образование и диверсификация социокультурных комплексов; дисперсный характер трансляции регионально-локальной идентичности, синергия государственных структур и общественных институций в освоении историко-культурного наследия.

Специальная глава в книге посвящена деятельности Музея науки и техники СО РАН, осуществляемой под руководством канд. ист. наук Н.Н. Покровского. За четверть века со времени своего создания музей стал одним из ключевых объектов Академгородка, связанных с популяризацией истории ННЦ. Собрание музея охватывает период с начала XX в. до настоящего времени и включает отечественные и зарубежные образцы памятников науки и техники, приборов для научных экспериментов. В основу коммуникативной концепции музея положен принцип интерактивности: большинство экспонатов – действующие, а воспроизведения и макеты способствуют познанию законов окружающего мира.

В шестой главе анализируется креативная среда жизнедеятельности населения Академгородка: рассматриваются традиционный экологический, интеллектуально-досуговый и новационный – аттрактивный и ивентовый социокультурные комплексы. Раскрывается значение для формирования социокультурного пространства Академгородка таких знаковых событий, как Интернеделя и Маевка, ежегодно проводимых Новосибирским национальным исследовательским государственным университетом. К разряду ежегодных общественно значимых мероприятий относятся конгрессы выпускников НГУ и конкурс «Академина». Несомненно, большой общественный резонанс вызвал культурно-исторический форум «Место силы и свободы. Академгородок» (март 2018 г.), посвященный 50-летию фестиваля авторской песни.

Книга о новосибирском Академгородке как достопримечательном месте не имеет заключительной части. Это означает, что она постоянно будет пополняться социогума-

нитарными сюжетами – результатами изучения научного топоса учеными, краеведами, молодыми жителями Городка. В соответствии с современной концепцией развития ННЦ, получившей известность как проект «Академгородок 2.0», изучение истории новосибирского Академгородка и научного наследия выдающихся ученых приобретает особую актуальность.

Первый опыт научной популяризации новосибирского Академгородка как достопримечательного места регионального значения можно признать успешным и выразить уверенность, что работа Н.Н. Покровского, Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегиной будет востребована специалистами в сфере научного и историко-культурного наследия и широким кругом читателей.

*Н.А. Куперитох,
канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН*

Рецензия на кн.: И.А. Крайнева. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 386 с.

В монографии канд. ист. наук И.А. Крайневой (научный сотрудник Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН) представлены результаты изучения проблем истории науки в Сибири с учетом истории российской науки, причем анализ осуществляется в новом контексте – сквозь призму научного наследия ученых. Научное наследие ученого как синтез когнитивной и социальной компонент его бытия является неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Этот тезис прослеживается на примере деятельности трех выдающихся ученых – академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988), члена-корреспондента АН СССР Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973), доктора физико-математических наук Юрия Борисовича Румера (1901–1985). В биографиях названных ученых И.А. Крайнева выделила общие черты: во-первых, они получили базовое математическое образование, в дальнейшем их интересы проявились в различных направлениях науки – в области собственно математики и ее приложений, кибернетики, теории и практики программирования, теоретической физики, биологии и генетики; во-вторых, творческий потенциал ученых наиболее полно раскрылся во время их работы в Сибирском отделении АН СССР/РАН.

Во введении дано обоснование актуальности исследования, выполнен основательный историографический анализ рассматриваемых проблем, обоснована целесообразность объединения в одной книге биографий А.П. Ершова, А.А. Ляпунова, Ю.Б. Румера и описания их научного наследия. Особую ценность представляют анализ развития новой для исторической науки области источниковедения – интернет-ориентированных исторических информационных ресурсов, а также освещение истории развития информатизации гуманитарных исследований.

В первой главе «Теоретико-методологические и технологические основания современного исследования по истории науки» дана характеристика междисциплинарного подхода к изучению научного наследия, рассмотрены его история и методология. Освещаются теория и практика использования методов точных наук – математики и информатики – в цикле гуманитарных наук. Интерес представляет сюжет о технологии и методе электронной исторической фактографии как средстве сохранения, представления и систематизации разнородных документов, который напрямую связывается с появлением персональных компьютеров. Сделан вывод о том, что открытые сетевые научные коммуникации являются, по сути, кластером гражданского общества. Автор выявляет проблемы, возникающие при использовании информационных систем: достоверность контента, сохранение и консервация баз данных, и т.п. Однако подчеркивается, что совершенствование технологий в IT-сфере позволяет оптимистично смотреть на процесс формирования не только цифровой экономики, но и цифровой науки. Важное место

в истории науки должны занять электронные персональные архивы ученых как феномен исторической идентичности и компонент научного наследия. Следует отметить, что исследование И.А. Крайневой как раз и проведено с применением цифровых технологий, что позволило создать для него источниковую базу – электронные персональные архивы.

Вторая глава «Мастер: Научное наследие Юрия Борисовича Румера» посвящена результатам изучения жизнедеятельности выдающегося советского ученого-физика. Получив математическое образование в МГУ, Юрий Румер во время стажировки в Германии увлекся теоретической физикой под влиянием А. Эйнштейна, М. Бора и других ученых – корифеев. После возвращения в СССР молодой ученый был преисполнен интересных идей, реализовать которые надеялся вместе с ближайшими коллегами – С.И. Вавиловым, И.Е. Таммом, Б.М. Гессеном, Л.Д. Ландау и др. Однако судьба распорядилась иначе. Арест 1938 г., пребывание в заключении, последующая ссылка в Сибирь разделили его жизнь на два периода – до и после. До – стажировка и работа в ведущих научных центрах Европы и СССР, после – ссылка в глухую сибирскую провинцию, затем, в результате ходатайства видных ученых страны, разрешение перебраться в Новосибирск и заняться научной работой в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Казалось бы, организация Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. откроет перед ученым новые возможности. Он был избран директором Института радиофизики и электроники, затем трудился в Институте математики, Институте ядерной физики, преподавал в НГУ. Но в жизни все оказалось сложнее: Ю.Б. Румер так и не смог получить академического звания, хотя его роль в становлении школы теоретической физики в Новосибирске является бесспорной. Интерес вызывают подходы автора монографии к воссозданию наиболее полной биографии Ю.Б. Румера, отмеченные ею трудности и проблемы, с которыми пришлось столкнуться при изучении научного наследия ученого.

Третья глава «Проповедник: Научное наследие Алексея Андреевича Ляпунова» посвящена человеку, имя которого прочно вошло в историю кибернетики и новосибирского Академгородка. Показаны этапы становления А.А. Ляпунова как ученого: школьный период, когда он занимался в кружках и параллельно постигал основы математики вместе с отцом, математиком А.Н. Ляпуновым; непродолжительный студенческий период в МГУ, когда формировались интересы к математической теории и ее приложениям, к биологии с позиций физики и математики под влиянием наставничества П.П. Лазарева; затем период самостоятельного обучения и формирования научного математического мировоззрения под влиянием Н.Н. Лузина и его ученика П.С. Новикова, а также зарождение интереса к программированию под влиянием А.Н. Колмогорова; кибернетический период (включает два подпериода: участие в обосновании общих основ кибернетики; исследования в области сложных систем и математической биологии).

Переезд А.А. Ляпунова в Новосибирск в 1962 г. для руководства отделом математической логики и кибернетики в Институте математики СО АН СССР означал новый этап

в его жизни. Спустя два года он был избран членом-корреспондентом АН СССР. При поддержке руководства Сибирского отделения А.А. Ляпунов инициировал создание Института кибернетики, но проект не был реализован из-за ряда субъективных и объективных причин. Поскольку «чистые» математики настороженно относились к кибернетике, А.А. Ляпунов по приглашению М.А. Лаврентьева перешел на работу в Институт гидродинамики, где возглавил лабораторию теоретической кибернетики, в которой и работал до последних дней жизни. В конце 1960-х гг. в НГУ была организована специализация по математической биологии, которую курировал А.А. Ляпунов. Книга И.А. Крайневой содержит значимые сведения о развитии интереса в мировом сообществе к проблемам взаимодействия человека и среды его обитания, в которые органично вписались научные направления А.А. Ляпунова. Общеизвестно, что именно сибирский ученый стоял у истоков применения метода математического моделирования в биологии.

Четвертая глава «Лидер: Научное наследие Андрея Петровича Ершова» рассказывает о выдающемся советском программисте, авторитетном члене международного сообщества Computer Science, основателе школы информатики в Сибири. Становление А.П. Ершова как ученого происходило в Москве. После получения математического образования в МГУ он работал в ведущих научных учреждениях столицы вместе с такими учеными, как С.Л. Соболев, А.А. Ляпунов, М.Р. Шура-Бура, С.С. Камынин, Э.З. Любимский и др.

Молодой ученый А.П. Ершов без сомнений покинул Москву ради нового дела – создания отдела программирования сначала в Институте математики с ВЦ, а затем в Вычислительном центре СО АН СССР. Руководство этим отделом, воспитание все новых поколений кадров отечественного программирования, популяризация и продвижение методов информатики в преподавательскую и научную деятельность составили смысл жизни А.П. Ершова. В 1970 г. он избран членом-корреспондентом, а в 1984 г. – действительным членом (академиком) АН СССР. Научная школа программирования/информатики академика А.П. Ершова получила институциональное оформление и дальнейшее развитие. Отдел программирования и другие подразделения ВЦ СО АН

СССР стали основой для создания в 1990 г. Института систем информатики СО РАН, который в настоящее время носит его имя. Автор монографии И.А. Крайнева принадлежит к числу тех энтузиастов, усилиями которых был создан один из первых отечественных электронных архивов – электронный архив А.П. Ершова.

Заключение содержит важные выводы монографического исследования. В середине XX в. гуманитарная наука в целом и история в частности получили новые возможности для совершенствования исследовательского инструментария на базе цифровой вычислительной техники. Использование информационных технологий в области гуманитарных исследований (e-humanities) стало тем адаптационным механизмом, с которым отечественная историческая наука вошла в новое тысячелетие. Несмотря на укоренившиеся представления и практики e-humanities, историческая наука осталась в своих дисциплинарных границах, при этом традиционные источниковедческие методы гуманитарных наук получили дополнительные средства для своего развития благодаря информационным технологиям. Научное наследие, представленное в открытых цифровых архивах СО РАН, как и научное наследие, аккумулированное в архивах ученых и других деятелей науки и культуры, теоретически осмыслено в категории исторической идентичности. Подчеркнута практическая полезность и важность деятельности по дальнейшему расширению и наполнению электронных коллекций документов по истории отечественной науки.

Монография И.А. Крайневой представляет интерес не только для историков науки и науковедов, но и для биографов, музеологов, журналистов, преподавателей истории, студентов, всех, кто интересуется историей отечественной науки.

*Н.А. Куперитох,
канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН*

*О.Н. Шелегина,
д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН*

ИТОГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ГОРНОЙ ШОРИИ

Рец. на кн.: Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: При- мула, 2018. 600 с.; цв. вкл. 24 с.

В последние годы в Кемеровской области усиливается риторика борьбы коренных народов за свои права, за территории традиционного природопользования в противостоянии горнодобывающим компаниям. Данная тема приобретает популярность благодаря обсуждениям в прессе, интернете и трансляции документальных фильмов. Один из таковых, подготовленный в ноябре 2018 г. телеканалом «Настоящее время», имеет предельно репрезентативное название: «Шорцы: жизнь вымирающего этноса»¹. Подобное нагнетание проблемы имеет определенный социально-политический заказ конкретных кругов и объясняет необходимость рецензируемой коллективной монографии. Она продолжает серию многолетних исследований д-ра ист. наук, этнографа В.М. Кимеева и дополняет изыскания д-ра техн. наук, инженера А.И. Копытова в области горного дела.

Книга открывается пространством предисловием новозкузнецкого археолога Ю.В. Ширина, являющегося научным редактором издания. Здесь даны демографическая, антропологическая и лингвистическая характеристика шорцев, представлен обзор вопросов их этнонимии и краткий очерк современной истории Таштагольского района Кемеровской области – административно-территориального образования, включающего Горную Шорию как географический регион. Отмечается, что на общем фоне уменьшения численности коренного населения в Кузбассе происходит его рост в соседней Республике Хакасия. Поднимаются дискуссионные вопросы, связанные с поиском путей «возрождения» (читай: «спасения») коренных народов Сибири и с адекватностью этих поисков.

Главы книги не имеют нумерации, тем не менее весь текст условно можно разделить на четыре объемные части.

Первая часть традиционно посвящена историографии и характеристике источников. В истории изучения региона авторы выделяют пять этапов, среди которых особый интерес представляет современный этап: конец XX – начало XXI в. На данном этапе получили продолжение начатые ранее исторические, этнографические, археологические и музейные изыскания, активно публикуются статьи и книги представителей прежде всего шорской политической элиты. Их работы наполнены уже известным нам эмоциональным переосмыслением своего, в большинстве случаев – сконструированного прошлого. По этой причине у некото-

рых авторов шорская культура возрождается «из небытия, как какое-то чудо» (с. 52).

Во второй части освещены ландшафтные особенности, формы сохранения культурно-исторического наследия, результаты археологической изученности территории Горной Шории. Уделяется внимание функционированию природоохранного учреждения «Шорский национальный парк», созданного в 1988 г. Показано, что его деятельность не всегда соответствует заявленной в уставных документах («решение экологических вопросов, развитие традиционного природопользования, народных традиционных промыслов и ремесел, возрождение национальной культуры шорцев») (с. 75). Отдельный блок в главе посвящен памятникам древности, что может стать основой для дальнейших монографических исследований археологии региона. Завершается глава описанием новейших способов сохранения этнокультурного наследия в составе Музея этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол), экомuzeя «Тазгол» (пос. Усть-Анзас), а также музея-заповедника «Трехречье» (пос. Усть-Кабырза). Проблемы Кабырзинского музея, связанные с проектировкой и современной работой, и не раз поднимаемые В.М. Кимеевым в печати и в устных выступлениях с самого открытия музея (2009 г.), снова обсуждаются на страницах рецензируемой монографии (с. 157–158).

Третья глава обобщает и дополняет имеющиеся сведения по этнической истории и этнографии шорцев. Описываются локальные группы предков коренного населения региона, а также процесс формирования шорцев как самостоятельной этнической общности. Авторы делают вывод, что в настоящее время шорцы находятся «на стадии необратимой полной ассимиляции, несмотря на усилия властей и представителей ... элиты» (с. 232). Большой интерес для осмысления современных этнических проблем представляет информация, посвященная национально-государственному самоопределению шорцев. При характеристике современных национальных лидеров Горной Шории вводятся в научный оборот любопытные термины, такой, например, как «неопаштык» (с. 267), в соответствии с реалиями XXI в. Расширяют сведения по этнографии шорцев материалы, приведенные авторами по традиционно-бытовой (основные занятия, промыслы, поселения, жилища, хозяйственные постройки, домашняя утварь, пища и т.п.) и духовной (шаманизм, религиозный синкретизм, обряды, праздники, фольклор и т.д.) культуре шорцев. Прослеживается степень трансформации традиций в современных условиях. При этом В.М. Кимеев и А.И. Копытов используют категориальный аппарат, характерный для этнокультурного неотрадиционализма.

В заключительной, четвертой, главе дается описание картины промышленного освоения Горной Шории, отмечаются перспективы развития этого региона. Авторы рассматривают бытовавшие у шорцев технологии металлургии и кузнечного дела, вновь обращаясь к археологическим материалам. Освещается история золотодобычи и разви-

¹ Шорцы: жизнь вымирающего этноса | Неизвестная Россия. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rgoydhcolc4> (дата обращения: 10.12.2018). Собственно, данный канал является совместным медиапроектом «Радио Свобода» и «Голоса Америки».

тия горнорудного дела, а также железнорудной отрасли в XX–XXI вв. Среди перспективных направлений развития региона обозначаются модернизация местной промышленности, строительство новых транспортных систем и расширение сферы туризма (с. 547). Собственно, по этим направлениям и происходит развитие Горной Шории в начале XXI в.

Издание богато иллюстрировано: даны цветные иллюстрации на наклейках, а также черно-белые, в том числе из архивов: карты, схемы, портреты исследователей и представителей коренного населения, выразительные пейзажи, рисовки типичных археологических находок, хозяйственных и жилых построек, предметов, сцен быта, фото музейных экспозиций и т.п. Иллюстрации занимают примерно половину объема книги. Причем многие фотографии людей, связанных с Горной Шорией, дополнены информацией об их профессиональной деятельности. Значительная часть снимков публикуется впервые.

К недостаткам работы, помимо технических (опечатки, дублирование некоторых фотографий), можно отнести,

на наш взгляд, отсутствие четких выводов по главам, как и по всей монографии. Возможно, читатели будут удовлетворены обобщающими сведениями, предложенными авторами в конце каждой главы. Кроме того, интерес представляет завершающий раздел «Перспективы развития Горной Шории».

Рецензируемая монография содержит, пожалуй, самое обширное изложение истории и этнографии Горной Шории, что приближает его к энциклопедическому. Знакомство с данной монографией В.М. Кимеева и А.И. Копытова расширяет представления о Горной Шории и ее населении, позволяют увидеть и осознать многогранность и самобытность шорской традиционной культуры, уникальность природы этого сибирского края.

*В.И. Терентьев,
канд. ист. наук, преподаватель истории,
Улан-Баторский филиал РЭУ
им. Г.В. Плеханова*

УРАЛЬСКИЙ СИБИРЯК

В поселке Могоча Забайкальского края 3 июля 1934 г. родился выдающийся ученый-историк, действительный член Российской академии наук, академик Алексеев Вениамин Васильевич, внесший неоценимый вклад в развитие российской исторической науки. Выпускнику могочинской поселковой школы нелегко было конкурировать с выпускниками элитных городских школ, но он выдержал это испытание и был зачислен в Иркутский университет, который окончил с отличием с последующим поступлением в аспирантуру по кафедре истории СССР. Успешная учеба в аспирантуре не осталась незамеченной, и В.В. Алексеев получил приглашение на преподавательскую работу от ректора нового Новосибирского университета – академика И.Н. Векуа. В 1964 г. состоялась блестящая защита молодым ученым кандидатской диссертации по теме «История электрификации Восточной Сибири».

В 1971 г. директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР академик А.П. Окладников пригласил Вениамина Васильевича на должность старшего научного сотрудника. К этому времени тридцатилетний доцент имел девятилетний стаж преподавательской работы и почти завершенную докторскую диссертацию, поэтому предложение занять должность старшего научного сотрудника института было закономерным.

Примерно полтора года ушло у Вениамина Васильевича на адаптацию в коллективе и понимание особенностей работы в академическом научном учреждении. Высокий уровень эрудиции, нестандартное мышление, энергичность, ответственность, организаторские способности и незаурядные навыки исследовательской работы убедили директора назначить его ученым секретарем, а затем и заместителем директора по науке.

Тема докторской диссертации В.В. Алексеева – «Электрификация Советской Сибири (1917–1970)», была связана с продолжением начатого в Иркутске изучения роли энергетики в истории общества. В теоретико-методологическом плане перед ним стояла задача – классифицировать исторические эпохи от каменного до железного века по видам используемой энергии. Никто из ученых до этого не исследовал вопрос о типах энергии, которые приводили в действие каменные, бронзовые и железные орудия. Никто еще не задумывался и не анализировал, при помощи каких сил энергии приводились в действие орудия труда для изготовления продукции промышленного производства и как эти силы влияли на течение исторического процесса¹. По результатам проведенных научных исследований Вениамином Васильевичем была подготовлена и опубликована двухтомная монография «Электрификация Сибири. Историческое исследование», которая получила множество положительных оценок, в том числе

¹ *Радзиевский В. Л.* Вениамин Алексеев. СПб.: ООО «Людотвик», 2016. С. 43.

и за рубежом. Благодаря невероятной работоспособности и целеустремленности Вениамином Васильевичем была подготовлена докторская диссертация, защита которой успешно состоялась в 1974 г.

Работа на должности заместителя директора по науке в течение 12 лет стала для В.В. Алексеева отличной школой организаторской работы. Его авторитет в научных кругах за пределами сибирского региона, в том числе за рубежом, заметно вырос. Значительные усилия Вениамина Васильевича были потрачены на осмысление, координацию, написание разделов и публикацию многотомных изданий по истории классов – четырехтомной «Истории рабочего класса Сибири» и пятитомной «Истории крестьянства Сибири», которые вышли в свет в 1980–1990-е гг. Он являлся заместителем главного редактора четырехтомника «Истории рабочего класса Сибири» и главным редактором одного из томов. Эти многотомники стали крупным продолжением широко известной пятитомной «Истории Сибири», удостоенной Государственной премии СССР, и вошли в серию фундаментальных трудов по истории классов имперской и советской России.

Особое место в работе заместителя директора занимало руководство гуманитарным разделом знаменитой программы «Сибирь», провозглашенной СО АН СССР. Тогда он поставил в практическую плоскость проблему исторического опыта, обосновал ее и опубликовал несколько работ, получивших широкий резонанс в кругах научной общественности. В дальнейшем проблема исторического опыта стала лейтмотивом его исследовательской и научно-организационной деятельности.

Годы, прожитые Вениамином Васильевичем в «Сибирских Афинах», были годами его научного «взросления». Удивительная высокоинтеллектуальная атмосфера Академгородка

ка, постоянное общение с академиком А.П. Окладниковым, выдающимся гуманитарием, формировали В.В. Алексеева как академического ученого с собственными взглядами на научные и жизненные проблемы. Именно тогда у него сложилось твердое убеждение, что эрудиция и научное чутье, строго логическая последовательность в достижении поставленных целей – суть плодотворной исследовательской работы, а не пустое следование каким-либо авторитетам или господствующим политическим, общественным стереотипам. Все это очень ему пригодилось, когда началось крушение советского режима, и его коллеги разошлись по разные стороны баррикад.

Ко второй половине 1980-х гг. новосибирский историк В.В. Алексеев, отметивший свой полувековой юбилей, сформировался как крупный ученый. Широкий спектр его научных интересов, особый научный почерк исследований, многочисленные публикации, расширяющаяся научная школа – все это способствовало международной известности и росту авторитета ученого. Если к этому добавить большой научно-организационный опыт, неисчерпаемую энергию и работоспособность, нестандартность мышления, то становится очевидным, что следующий этап его жизни и научной деятельности позволяет ему со всей закономерностью ставить и достигать новых стратегических целей. В конце 1987 г. раздался неожиданный звонок из г. Свердловска, который круто повернул линию его судьбы.

В конце 1980-х гг. академик Г.А. Месяц формировал новое региональное отделение Академии наук СССР – Уральское. Как председатель отделения, он выступил инициатором создания на Урале полного цикла научных учреждений, в том числе гуманитарного профиля. Учитывая то, что опыт работы В.В. Алексеева в должности заместителя директора академического института по научной работе составлял более десяти лет, он пригласил его для создания Института истории и археологии, который и был открыт 1 февраля 1988 г.

Для успеха в большом начинании необходимо было в первую очередь создать работоспособный коллектив научных сотрудников. По твердому убеждению директора Института, этого можно было добиться привлечением научных кадровых сил из различных региональных центров СССР. В состав нового Института вошли научные сотрудники отдела истории Института экономики Уральского отделения (УрО) АН СССР и приглашенные ученые из других регионов: Новосибирска, Куйбышева, Казани. Сформированный коллектив ученых вступил в новую эпоху не только в развитии исторической науки, но и в жизни страны.

Первые научные разработки в Институте начались с целевой научно-исследовательской программы «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)», которая опиралась на практику реализации «Программы научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (программа «Сибирь»), выполняемой в СО АН СССР. Программа вновь созданного уральского института базировалась на таких структурных элементах, которые охватывали все основные сферы жизнедеятельности человека с древнейших времен. Именно программа изуче-

ния исторического опыта регионального развития создала институту с первых лет его деятельности репутацию одного из ведущих центров исторических исследований в современной России.

Теоретическая база исторических исследований в Институте истории и археологии УрО РАН претерпела существенные изменения после распада Советского Союза. Марксистско-ленинская теория стала не актуальной и вызвала острейшие дискуссии в среде не только ученых, но и в обществе. Дискутировались две главные проблемы. Первая – соотношение региональной и общероссийской проблематики. Вторая – переход от формационного к цивилизационному подходу в исследованиях. Компромисс в среде сотрудников был достигнут в процессе обсуждения теории модернизации, которая сфокусировалась на изучении перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу. Постепенно эта теория стала основой проводимых в институте исследований. Время показало, что выбранный путь оказался верным. В результате институт вышел на передовые позиции в данной области в отечественной историографии².

Кроме научной составляющей перед директором вновь созданного института возникли организационные, финансовые и кадровые трудности, спровоцированные системным кризисом, вызванным «горбачевской перестройкой». Углубляющийся теоретико-методологический кризис исторической науки поставил перед директором института сложнейшие вопросы выбора путей его дальнейшей деятельности. В.В. Алексеев видел смысл работы сотрудников института в объективном и беспристрастном осмыслении советского прошлого и научном анализе современных проблем общества, в которых оно оказалось, но без втягивания в любые политические «игры» с новой политической идеологией. В 1997 г. Вениамин Васильевич был избран действительным членом РАН, и ему было присвоено научное звание академика. За весь период своей научной деятельности он стал автором и соавтором 600 научных работ, в том числе 20 монографий и популярных книг на русском и иностранных языках, редактором около 100 монографий и сборников статей.

В 2019 г. академику Вениамину Васильевичу Алексееву исполняется 85 лет со дня рождения. В течение двадцати пяти лет В.В. Алексеев являлся бессменным директором Института истории и археологии УрО РАН. Институт за этого период стал одним из лидирующих научно-исследовательских учреждений страны, численность только научных сотрудников достигла 94 чел., среди которых 23 доктора и 35 кандидатов наук. Было опубликовано 323 монографии и около 200 сборников научных трудов, проведено около 200 научных конференций. Сложившаяся в институте уральская академическая школа историков под руководством академика В.В. Алексеева по праву занимает ведущие позиции в стране. В ней подготовлено 50 докторов и кандидатов исторических наук. По Президентской

² Алексеев В.В. Сибирский десант // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2017. С. 336.

программе она четырежды номинировалась как Ведущая научная школа России.

Подводя некоторые итоги научной деятельности В.В. Алексеева, необходимо отметить, что он внес фундаментальный вклад в разработку проблем модернизации России, истории регионального, индустриального, социального и демографического развития Азиатской России. Им создана теоретико-методологическая модель, которая предусматривает оценку ритмов субпроцессов модернизации и влияния их динамики на результаты обновления общества. Исследования и научно-организационная деятельность В.В. Алексеева получили широкую международную известность. В течение семи лет он являлся национальным представителем России в Международном комитете по сохранению индустриального наследия (ТССИН), руководил международными исследовательскими проектами, выполнявшимися совместно с ведущими университетами Швеции и Бельгии, участвовал в работе 25 международных конгрессов, конференций и симпозиумов (Австрия, Бель-

гия, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Италия, Исландия, Испания, Канада, Китай, Польша, Норвегия, США, Франция, Финляндия, Швеция).

Трудовая и научная деятельность академика В.В. Алексеева высоко оценена государством. Он является кавалером орденов «Дружбы» (1999), «Почета» (2004), лауреатом Демидовской премии (2006), премии администрации г. Екатеринбурга им. В.Н. Татищева и де Геннина (1999, 2003), премии им. чл.-кор. П.И. Рычкова (2003), удостоен Золотой медали им. С. Вонсовского (2011), звания Почетный гражданин Свердловской области (2019).

*И.В. Побережников,
д-р ист. наук, директор Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук*

*В.Н. Кузнецов,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.